

**ЛЮДМИЛА
БЕЛОНОВСКАЯ**

**МОЙ АДРЕС
СОВЕТСКИЙ
СОЮЗ...**

Людмила Белоновская

Мой адрес Советский Союз..

«Eksmo Digital»

Белоновская Л. Г.

Мой адрес Советский Союз.. / Л. Г. Белоновская — «Eksmo Digital»,

В книге описывается 80-летняя история жизни семьи, представляющей петербургскую и ленинградскую интеллигенцию. Семьи, которая была свидетелем всех значимых событий прошлого века и существенно пострадавшей во время политических репрессий. Описан значительный отрезок времени, полного перемен. Время безжалостно стирает все мое прошлое. Именно сейчас, когда молодое поколение не знает, как жили их предки, чем дорожили, от чего мучились, как менялась жизнь, формировалась новейшая история страны, и нет у них уже доверия власти, СМИ, на основе личных воспоминаний, я рассказываю, как мы жили, радовались и печалились, надеялись и заблуждались. Рассказываю как человек небезразличный к событиям, происходящим в стране.

© Белоновская Л. Г.

© Eksmo Digital

*И нет уже свидетелей событий,
И не с кем плакать, не с кем вспоминать...*

А Ахматова

Хочу попытаться объяснить, зачем я решила написать про себя такую большую книгу, да еще снабдить ее преимущественно мною сделанными фотографиями. Совсем не потому, что моя личная жизнь была так уж насыщена различными событиями, умными размышлениями и людьми, и могла быть интересна для возможного читателя. Нет, я была обычной среднестатистической особой, правда, интересующейся не только личным пространством, но и политическими вопросами, касающимися нашей страны и пыталась их интерпретировать, хотя по большому счету я не была достаточно образованной и информированной. И уж конечно не по тому, что почувствовала в себе какой-то литературный дар.

Скорее всего по тому, что я была свидетельницей значительного отрезка времени, полного перемен, и под старость лет остро почувствовала, что время безжалостно стирает все мое прошлое. Молодые поколения не знают, да и не хотят знать, как жили их предки, чем дорожили, от чего мучились, как менялась жизнь, формировалась новейшая история страны. Конечно, это обидно. Вот я на основе личных воспоминаний и пыталась рассказать, как мы жили, радовались и печалились, надеялись и заблуждались.

Итак, я прожила много лет. Была свидетельницей войны, социалистического восстановления и строительства, застоя, моментов национального ликования и гордости, связанных с космосом, последующего распада страны, лихих 90-х. С 2000-х годов начались попытки строения светлого и хорошего уже капиталистического будущего в дружной семье европейских народов. Правда, почему-то они совсем не в восторге от таких перспектив и активно стараются не пустить нас в это светлое будущее с помощью различных экономических и политических санкций.

Наконец, уже в теперешние дни, когда наша страна несколько окрепла, нас со всех сторон обвиняют в участии в локальных войнах как с близкими, так и с довольно удаленными соседями, которые, к сожалению, не понимают, как надо и как справедливо, а дружно считают нас ужасными злодеями, мечтающими напасть на них и уничтожить. Именно поэтому вдоль нашей границы они размещают свои и американские военные базы. Поговаривают, что мы на грани третьей мировой войны, а ведь она, возможно, будет ядерной, и мы уж наверняка будем принимать в ней самое активное участие.

Мрачновато получается... А тут еще накладывается личный фактор – институт, который определял практически всю мою сознательную жизнь (а это свыше шестидесяти лет) разваливается, находится на грани банкротства, и я ушла на заслуженный отдых. «Наконец-то вырвалась из плена... Как теперь дышать и как мне, жить?».

Вот и настало время для мемуаров, хотя, как мне кажется, в голове воспоминания о прошлом хорошо перемешаны с настоящим, да и вообще вся жизнь прошла как-то не в духе социалистического реализма, а была смесью реальности с фантазиями и воспоминаниями. Но попытаюсь по возможности правдиво, отбросив в сторону какие-либо политические предпочтения, отобразить то, что в голове сложилось в определенные картинки.

Вообще-то я по натуре весьма жизнерадостная особа, довольно легкомысленная, самолюбивая, но не злая зануда. Если не залезать в глубь, то, мне кажется, весьма сносна для общения, хотя в последние времена стала более нелюдимой, вероятно потому, что оглохла и ослепла... Может быть поэтому мои воспоминания даже о тяжелых днях довольно светлые.

Раннее детство.

Конечно, все на свете относительно, но я всегда считала, что мне по жизни повезло. Я появилась на свет на кануне 1937 года в очень хорошей семье. Правда, мамы и папы у меня практически в раннем детстве не было (отец оказался опасным фашистским шпионом, поэтому

его, как потом выяснилось, в 1937 году расстреляли, а жену, то есть мою маму, на шесть лет сослали в ссылку в Удмуртию). Но зато у меня были прекрасные любящие дедушка и бабушка, которые меня очень любили.

Квартира была огромная, все стены увешены старинными картинами и портретами. В столовой над круглым столом красного дерева висела бронзовая люстра в виде подвешенной на цепях круглой корзины с венками, лебедями и канделябрами в форме свечей. Потом уже, через много лет, я видела подобную люстру в одном из музеев. В дедушкином кабинете под огромным письменным столом лежала шкура настоящего леопарда (или барса) с зелеными стеклянными глазами. В последствие, уже после войны, он был для меня и моих подружек воплощением фашистов, я палкой с вбитым в нее гвоздем, как пикой, наносила по нему сокрушительные удары. Правда, окончательной победы над фашизмом добился наш кот Пушок (дымчатый пушистый красавец с белой грудкой и носочками), который не только рвал когтями этого барса, но и оставлял на нем свои пахучие заметки. Как дедушка не пытался нас от агрессии отучить, но Пушок был неумолим, пришлось барса выкинуть (а жаль).

На стене в столовой висели огромные часы с маятником, которые каждые четверть часа исполняли очень приятную мелодию, нарастающую с каждой четвертью, и в конце часа отбивающие его количество. Раз в неделю к нам приходил специальный часовой мастер, залезал на стремянку и заводил их.

Из довоенного детства я помню немного. В частности, один день, когда я стою в своей кровати, вся залитая солнцем, а мне на голову вернувшийся из плавания дядя Лева сыпет из кулечка конфеты типа ирисок в очень красивых фантиках. Также вспоминается печальный вечерний ритуал – моя бабушка перед сном долго пыталась меня усадить на горшок, я ей доказывала, что не хочу, мы спорили, я была непреклонной в отстаивании своих прав, в конце концов она сдавалась и укладывала меня в кровать с сеткой и блестящими железными шариками. В скором времени я звала бабушку – «баба, здесь дурно пахнет». Вот такой был приятный ребенок.

Зато у меня был хороший аппетит, но бабушка все равно меня кормила противным рыбьим жиром – по ложке три раза в день, заедать следовало кусочком посоленного черного хлеба. Бабушка была настойчива, и я громко редела. Дедушка пытался меня защитить, но бабушка была неумолима. Вероятно поэтому в раннем детстве я была крепким, весьма упитанным ребенком.

На лето меня отправляли с тетей Дусей, сестрой моей матери, в деревню Витово (крайний юг Ленинградской области), где жила ее мать баба Паша вместе с другими своими дочерьми – тетей Олей и тетей Тоней. Баба Паша была худой, маленькой, чернявенькой, работала в колхозе птичницей, иногда она приносила домой полное решето маленьких пушистых желтеньких цыплят, которые разбегались по полу, я за ними ползала, но они не давались в руки.

У тети Дуси был сын Геня, мой двоюродный брат. Он был на три месяца младше меня, худенький, плаксивый и в отличие от меня плохо ел. Помню такую картинку: тетя Дуся дает мне и ему по банану. Я со своим справляюсь моментально, а он мусолит свой, капризничает. Я протягиваю руки к его банану – давай, помогу. Несомненно, в те времена бананы в деревне не были в изобилии. Еще помню, как мы с ним сидим на полу, каждый в своем углу. У меня куча игрушек, но я ими не играю, а внимательно наблюдаю за Геней. Вот он нашел какую-то катушку и начал ее возить, как машинку. Я тут же хватаю эту машинку и забираю в свою кучу. От такой наглости Геня ревет и лезет ко мне, чтобы восстановить справедливость. Я, защищая свою собственность, всей своей массой отталкиваю его и сурово говорю: «не тронь сиротиночку». Наблюдающие взрослые за меня заступаются.

Все-таки больше мне вспоминается жизнь в городе. У меня был дядя – младший брат моего отца. Звали его Левушка – назвали в честь Льва Толстого. Он был студентом Корабле-

строительного института, очень веселый, все время или пел, или играл на пианино в окружении молодых людей веселые джазовые песенки. У него был озорной песик породы фокстерьер, звали его Стрит. Пес любил грызть обувь, стоящую в прихожей. Однажды к дедушке в гости пришел профессор. Тогда не одевали тапочки, а в прихожей снимали галоши. Так вот Стрит одну галошу этого профессора порвал вдрезг. Дедушка в виде наказания выгнал пса на балкон. Я помню, как Стрит стоял на задних лапах, а передней лапкой стучался в стекло, прося прощения.

На Новый, вероятно 1941 год, Левушка нарядился в деда Мороза и мне подарил очень красивые заграничные заводные игрушки – пушистого ослика, на боку которого сидел овод, а ослик вертелся и хвостиком пытался согнать его, а также мышонка Мики Мауса, запряженного в маленькую тележку, которую он активно возил, смешно переставляя ножки. Под конец представления, у нарядной новогодней елки мой дядя - дед Мороз – показал мне фокус – взял деревянную вешалку и проткнул ею свой живот. Это произвело на меня огромное и ужасное впечатление, и несмотря на то, что Левушка пытался показать мне технику этого фокуса, праздник закончился и вся семья была вынуждена долго успокаивать меня.

А еще мне вспоминается мой сон – я, как колобок, качусь по травке-муравке, надо мною яркое голубое небо, кругом цветочки, бабочки, птички поют, за каждым поворотом что-то новое, красивое, удивительно приятное... И мне так хорошо, уютно, тепло, весело, интересно... Ощущение настоящего счастья.

Война.

Дальше уже была война. На лето 1941 года я была снова отправлена с тетей Дусей и Геней в деревню Витово. К началу войны нам с Геней было по четыре с хвостиком, у тети Дуси был огромный живот (в конце ноября родилась моя двоюродная сестра Римма). Как только узнали о войне, сразу же решили возвращаться в Ленинград. Стояла жаркая погода, солнце ярко светило. Нам с Геней на спину одели маленькие котомки с личными вещами, тетя Дуся взяла нас за руки, и мы втроем пошли по лесной тропинке, чтобы по ней добраться до шоссе, ведущего к Луге, а значит, и к Ленинграду. Идти было долго, километров четыре – пять. В сандалики попадался песок, кусались комары, царапались ветки, жалила крапива. Мы с Геней дружно хныкали, временами ревели, тете Дусе приходилось часто останавливаться, чтобы вытряхивать из наших сандалий песок и передохнуть.

Наконец, мы вышли на шоссе. Настроение намного улучшилось. По шоссе двигались в сторону Луги вереницы больших высоких военных грузовиков, в которых на скамейках сидели молодые ребята. Тетя Дуся голосовала, одна из машин остановилась, нас забрали, причем тетя Дуся с трудом залезла, ей мешал некрасивый живот. Нас с Геней дружно приняли в компанию, мы вместе пели песни, причем я пела лучше, во всяком случае громче.

Вероятно, это были студенты, возвращавшиеся домой после рытья окопов в Лужском укреп. районе. Они еще, несомненно, не видели немцев, поэтому были веселые. Внезапно машины в колонне остановились, сидящие в них люди стали быстро выскакивать и прятаться в расположенные вдоль шоссе канавы. Мы тоже выскочили и спрятались в кювете. Мне было жалко тетю Дусю, которая с таким трудом вскарабкалась в машину, и так быстро ей из нее пришлось вылезать. А тем временем низко вдоль шоссе появилась зловещая вереница темно-серых самолетов с широко расставленными крыльями, на которых были четко нарисованы в белом круге черные немецкие кресты. Самолеты летели так низко, что, как мне помнится, были видны даже лица пилотов и пулеметчиков, которые стреляли вдоль шоссе.

Было только самое начало июля, а немцы уже были около Луги, то есть рядом с Ленинградом. Тем не менее люди, лежащие в кювете, были вроде и не очень напуганы, мы пели песни, и я, конечно, лучше, чем Геня.

В Луге нас ожидала машина, которую нанял дедушка, она и довезла нас домой, но как это произошло, в памяти не осталось. Уже дома помню, как мы сидели на балконе. На маленьком круглом столике стояла простокваша для каждого в своем персональном горшочке, у меня – в красненьком, в тарелке – нарезанные куски душистого хлеба. Рядом ходил большой полосатый кот Васька и ненавязчиво напоминал о себе. Был теплый вечер. А тем временем мимо по Греческому (наш дом был на углу Греческого проспекта и улицы Некрасова) проносили огромные серебристые в форме толстых колбас аэростаты. С каждой стороны шло по три человека в военной форме, державшие эти огромные продолговатые шары. Мне объяснили, что это для воздушного заграждения, чтобы немецкие самолеты не могли прилететь в наш город, а натыкались на них и улетали обратно. Было красиво и совсем не страшно. Пожалуй, это последнее мирное воспоминание.

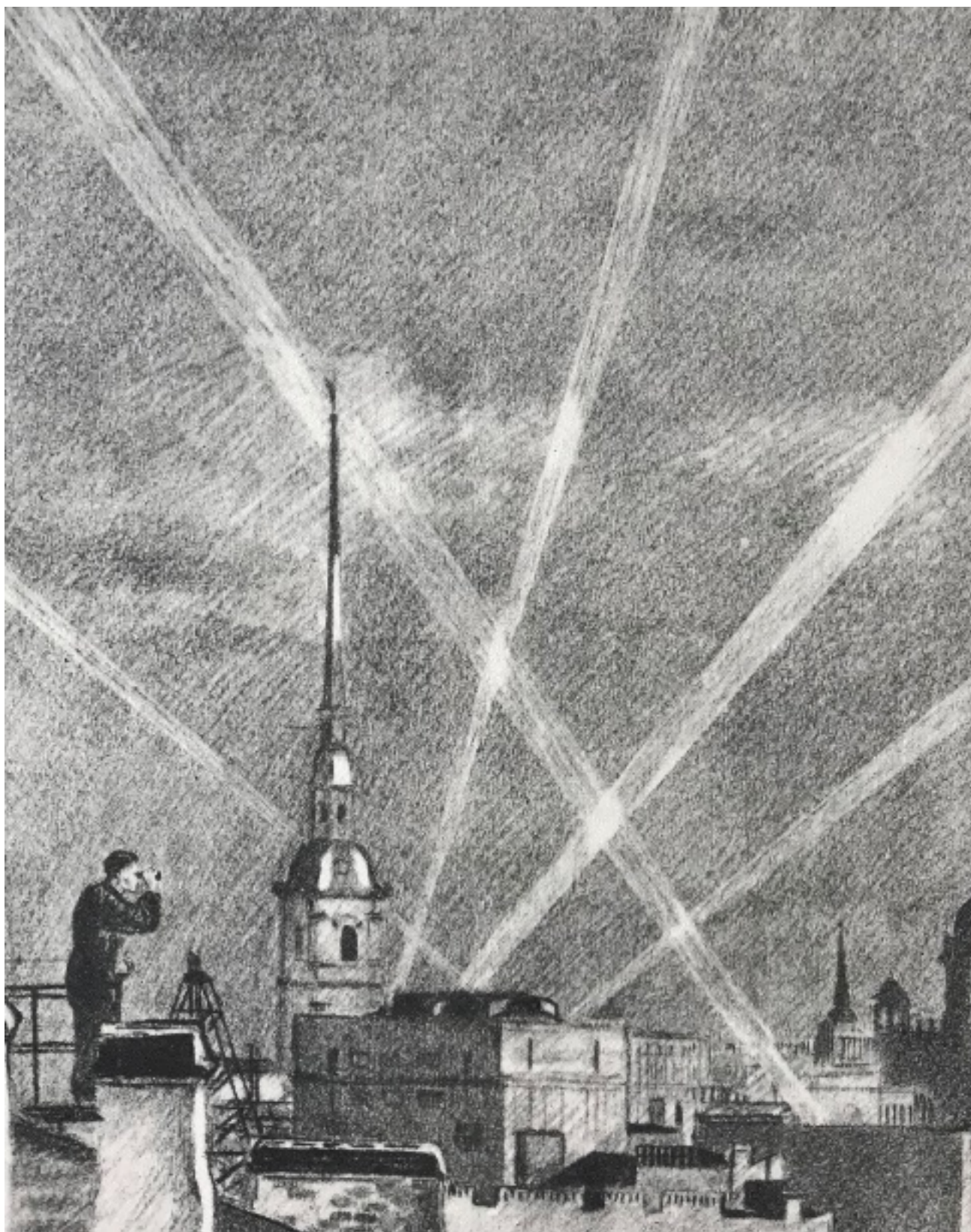
Следующе, врезавшееся в память воспоминание – мы – дедушка, бабушка и я сидим в столовой за нашим круглым столом, покрытым белой скатертью, под уже описанной бронзовой люстрой с лебедями и венками. На столе красиво расставлена посуда, мы обедаем. В комнате открыто окно, значит еще лето, открыта также дверь на кухню. Вдруг раздался какой-то свист, грохот, бабушка мгновенно сдергивает меня со стула в сторону, мимо нас что-то пролетает прямо в открытую на кухню дверь, грохот, и все смолкает. Мы бежим на кухню, оказывается, к нам в окно влетел небольшой осколок, он отбил угол кухонной стены, на полу валялись обломки штукатурки. Уже потом мне объяснили, что наш дом находился в стратегически опасном районе – близ Таврического сада, где размещалось много военных объектов – казармы, Артиллерийское училище, военное НИИ, завод. Именно сюда, и, в частности, в Таврический сад, попали первые в нашем городе артиллерийские снаряды и бомбы.

Больше совместных чаепитий не было. Очень быстро исчез дедушка. Он перебрался в военный госпиталь, где работал и жил, и к нам домой не приходил. Ведь он был микробиолог – эпидемиолог и выполнял там обязанности врача. После войны его за это наградили медалью «За оборону Ленинграда».

Дома стало скучно, темно. На окна были наклеены крест на крест полоски бумаг, в какой-то мере сохраняющие стекла от растрескивания из-за взрывной волны на мелкие осколки при бомбардировках и артобстреле. Кстати, такие заклеенные полосками бумаги окна были характерны во время войны для всего города. Кроме того, вводилась обязательная светомаскировка, в результате чего на улицах не было освещения, а дома должны были быть черными, чтобы у немцев не было ориентировок, куда бомбить.

У нас в квартире уже не горела люстра, все окна были плотно занавешены. Почему-то мне кажется, что мы пользовались в основном керосиновыми лампами, может быть электричество работало с перебоями, или его не было, к сожалению, мне об этом спросить уже не у кого. По городу распространялись слухи, что немцы вербуют из местных жителей шпионов, которые по ночам залезают на крыши и с помощью каких-то световых браслетов ориентируют их обстрелы и налеты. Поэтому у нас по ночам дежурили на крышах, чтобы ловить диверсантов. Основные же архитектурные, а может быть и не только, объекты были закрыты маскировочной сеткой.

А еще временами черное ночное небо пронзали красивые перемещающиеся лучи прожекторов,

считалось, что они оберегают город от немецких самолетов и ночных бомбардировок. Но ведь город обстреливался и пушками, которые стояли на Пулковских высотах, и эти обстрелы, а также бомбардировки прорвавшихся вражеских самолетов, случались и ночью.

Бабушка, вероятно, хотела меня отправить в эвакуацию, я смутно помню, что она приготовила для меня котомку, в которую положила мою любимую игрушку – медвежонка, фотографии и какую-то одежду. Мы ходили на вокзал, там были обезумевшие толпы народа, давка,

крик, что-то страшное... Я до сих пор боюсь толпы. Пыталась она и с тетей Олей, другой маминной сестрой, отправить меня через Ладогу, даже ей отнесла мои вещи, но что-то там произошло, тетя Оля была контужена при обстреле, и эвакуация не состоялась.

Какое-то время вплоть до Нового года я ходила в детский сад на 8-ой Советской. Там даже отмечали елку, у меня сохранилась фотография нашей группы, но сам праздник я не помню. Хотя сам факт, что в замерзающем голодном городе хватало сил, чтобы устроить елку для детишек, говорит о многом...

По-моему, бабушка пыталась меня отправить в эвакуацию и с детским садом.

Дальнейшие воспоминания касаются уже зимы, той страшной, студеной, голодной. Как я уже говорила, дедушки с нами не было – он работал и жил в госпитале. Левушка еще до войны отправился в дальнее плавание в Германию на торговом корабле Хасан.

Мы с бабушкой и Матрешей – моей няней – жили одни в этой огромной холодной квартире. С начала войны у нас отобрали Левушкин приемник, по которому он когда-то в наушниках слушал Бибиси и музыкальные передачи. Вместо него на стене висела черная тарелка репродуктора, которая не отключалась круглые сутки. По ней звучала жуткая сирена тревоги и прекрасная мелодия отбоя, передавалась текущая информация, звучал чеканный голос Левитана и, конечно, песни, которые я в то время практически все знала наизусть. По сигналу тревоги мы втроем спускались в бомбоубежище, находившееся рядом в подвале в четвертом дворе нашего дома. Там стояли специально поставленные скамейки, горело тусклое электричество, был титан с водой. Все люди были какие-то молчаливые, сосредоточенные, терпеливо ждали отбоя.

В связи с приходом холодов, в квартире откуда-то появилась железная печурка, от которой тянулась длинная труба в дымоход (оказалось, что в каждой комнате под обоями были такие отверстия, закрытые заслонкой). Появлялись дрова, но их было мало, приходилось экономить и топить стульями или каким-нибудь подручным материалом. Помню, как Матреша с бабушкой рубили для этой цели какое-то кресло. Дома мы практически не раздевались, ходили в валенках и пальто.

Подступал голод. Мы знали, что сгорели Бадаевские склады, в которых были сосредоточены все продукты для города. Запасов провизии у нас не было – до войны создавать их было не принято, в магазинах всего покупали понемногу, чтобы есть все свежее, не думая о завтрашнем дне. Люди ездили на пожарище, собирали сохранившиеся обгорелые остатки и даже землю. Продукты стали выдавать по карточкам. Было четыре разновидности – рабочая, служащая, детская и иждивенческая. У меня была детская, у бабушки и Матрешы – иждивенческая, по которой полагалось минимальное количество продуктов. Продуктовые нормы менялись в сторону уменьшения. Есть хотелось постоянно. Кот Васька, как одурелый, вопил и носился по квартире. Соседка по дому (мы жили на третьем этаже, а она, Нелли Осиповна, проживала вместе со своей матерью на пятом) обижалась и сердилась на бабушку за то, что она содержит кота. В результате все-таки бабушка отдала Ваську этой противной тетке, которая его съела. Уже потом, после войны, Нелли Осиповна, постаревшая и важная, часто возмущалась на подрастающую молодежь (то есть на нас) за то, что мы так шумим, такие грубые и непочтительные, а я прекрасно помнила, как она во время войны орала и обижала свою старенькую мать.

В ноябре-декабре продуктовые нормы уменьшились до минимума. Ходили всевозможные страшные слухи о том, что имеются случаи людоедства. Помню байку о том, как одна маленькая девочка до войны была очень капризной, еду, которой ее давали, потихоньку выбрасывала за шкаф, где ее привыкли подбирать крысы. Когда началась война, девочка уже не выбрасывала еду. Крысы обиделись на нее, ночью залезли к ней в кровать и отели ей нос. На меня эта байка так подействовала, что до сих пор я перед тем, как уснуть, нос прячу под одеяло.

Вскоре Матреша умерла. Бабушка ее отнесла в неотапливаемую комнату, мне же сказала, что Матреша уснула. Пришли молодые девушки с носилками и ее унесли. Матреша была няней еще моего отца, она была такая маленькая, худенькая, молчаливая. Помню, до войны она тихонько, чтобы не видела бабушка, угощала меня разноцветными кругленькими лепешечками – фруктовыми помадками, гладила по голове, говорила, что я очень похожа на Юрочку (моего отца), который был таким хорошим.

С нею у меня связано еще одно блокадное воспоминание, которое меня преследует практически всю мою жизнь. Зима, холод, голод... Бабушка на саночках везет меня на улицу Восстания к тете Дусе. У нее муж – дядя Ваня – работает шофером и водит машины по дороге жизни. Поэтому у них было больше хлеба. Тетя Дуся отрезала нам от буханки два толстых ломтя. Приехали домой. Бабушка эти куски порезала на маленькие дольки, сказала Матреше, чтобы она через определенное время дала мне кусочек, и ушла на дежурство. Жильцы дома были обязаны каждый день отдежурить определенное время на крыше со щипцами и ведром

с песком на случай падения зажигательных бомб, а также какое-то время заниматься уборкой придворовых территорий. Было даже специальное расписание дежурств. Матреша, само собой, выполнила поручение. Когда бабушка вернулась домой, я стала просить у нее хлеба. Она отказала, сказав, что недавно Матреша меня кормила. Я горячо возражала – нет, она еще не давала мне хлеба. «Как же, Люсенька, я же давала...». «Нет, не давала» – твердила я, прекрасно зная, что вру. Мне тогда едва исполнилось пять лет. Надеюсь, что моя бабушка, как мудрый человек, не поверила мне, но чем этот эпизод кончился, я не помню, а свое вранье – помню, хотя мне о нем больше никто не напоминал. Конечно, все можно списать на голод, и все же... Матреша была такой маленькой, старенькой, худенькой, беззащитной, безгранично преданной... Умерла от голода.

Как нечто необычайно вкусное вспоминаю темно-коричневые куски жмыхов, пахнущие подсолнухами, волнистые пластины столярного клея, крупинки саго (крахмала). Но они нам доставались очень редко.

Помимо еды, не было и воды – ведь водопровод не работал. Бабушка за ней ходила на Неву, брала саночки, на них ставила ведра, бидоны, кастрюли. Когда не стало Матрешки, ей пришлось брать с собой и меня. Один из таких походов я помню хорошо.

От дома мы шли по Парадной улице до Таврического сада, сворачивали налево по Потемкинской улице, пересекали улицу Войнова (Шпалерную), и вот уже спуск к Неве. Как только отошли от дома, нам на встречу попала закутанная сгорбленная фигура, которая тоже на санках везла нечто в виде завернутого в простыню бревна. Затем на Парадной мы догнали еще одни санки с белым бревном,двигающиеся в нашем направлении. Когда мы с ними поравнялись, остановился грузовик, соскочили какие-то люди, открыли боковой борт грузовика. Я увидела, что он на треть заполнен такими же белыми бревнами. Два человека подошли к санкам, один взял бревно за один конец, другой за противоположный, раскатали, бросили в машину, закрыли боковой борт и поехали дальше. Я по сию пору помню звонкий звук того белого бревна, который бывает от промерзших березовых поленьев. Для меня, вероятно, это была обыденная, поэтому не страшная картина, хотя я уже тогда прекрасно понимала, что это были за белые бревна.

Мне не было страшно, печально, нет, небо такое ярко голубое, солнце сверкало, отражаясь в белоснежных сугробах, я бежала за санками, вскакивала на них, баловалась, радовалась, что бабушка взяла меня с собой, бросала в нее маленькие снежки.

Подошли к Неве. Здесь было много народу тоже с санками и емкостями под воду. Были и ребяташки, укутанные также, как и я, во всевозможные платки и шарфы, и пришедшие со своими взрослыми. Спуск к воде был крутой, заледенелый, очень скользкий. Кстати, всю эту зиму 1941-42 г.г. температура не поднималась выше 25⁰, чаще было за тридцать.

Воду брали из большой проруби чуть ли не на середине Невы.

Спускаться на лед было довольно весело, а вот забираться назад с груженными санками – трудно. Многие падали, вода проливалась, образовывая новые наледи, приходилось снова поворачиваться назад за водой. По-моему, редко кому удавалось вскарабкаться с первого раза, поэтому люди в основном выглядели страшно изможденными.

То же самое было и у нас. Я толкала санки сзади, помогала бабушке. Когда она падала, я с удовольствием вместе с санками катилась вниз на пузе, и даже смеялась. Бабушке, конечно, было не до смеха.

Во время нашего подъема прозвучал сигнал воздушной тревоги, но никто не побежал в бомбоубежище, тем более, что рядом его и не было. В этот раз немцев мы не видели, хотя рассказывали, что бывали случаи, когда немецкие самолеты летели вдоль Невы и расстреливали из пулемета так прекрасно видные на белом снегу черные фигурки.

Когда возвращались домой, на Парадной улице у высокого каменного забора увидели толпящихся людей. Они читали что-то, прикрепленное к стенке, многие плакали. «Баба, прочитай!», и бабушка мне прочитала листовку, на которой были стихи казахского акына Джамбула. Я их помню:

Ленинградцы, дети мои, ленинградцы, гордость моя!
Я в струе степного ключа вижу блеск невской струи...
Если мимо своих высот взором старческим я скользну –
Синеvu твоих вижу вод, зорь Балтийских голубизну...

Прошло уже столько десятилетий, а я не могу их вспоминать без слез. Сразу перед глазами встает эта картина – люди голодные, замерзшие, чуть живые, плачут и улыбаются, верят, что они не одни, их помнят, любят, им сочувствуют всей душой, их стойкостью гордятся.

Пожалуй, это одно из моих самых сильных военных впечатлений. Вероятно поэтому, когда уже в постсоветское время наш импозантный, демократичный, чужеродный губернатор Собчак переименовал город – восстановив, так называемую, историческую справедливость, я это восприняла как плевок в лицо блокадникам-ленинградцам. Самое печальное то, что происходил референдум, и такое решение поддержало большинство жителей. Хочется верить, что это был подлог, или, увы, в городе уже на то время в живых осталось мало блокадников, а оставшиеся старики не смогли донести молодому поколению, что значило для самой жизни ленинградцев это название, кстати, намного более звучное, красивое и гармоничное для русского уха, чем звучащий по-немецки «Санкт-Петербург».

Ужасная зима длилась долго. Старожилы уверяют, что такой холодной зимы в наших краях никогда не было. Днем стояла ясная, солнечная безоблачная погода, самая подходящая для вражеской бомбардировки. «Почему наши зенитчики так часто пропускают немецкие самолеты?» – спрашивала я у бабушки. Кстати, уже весной мы с бабушкой оказались на Марсовом поле, таком безлюдном, огромном, каком-то взъерошенном, и там я видела зенитный расчет – несколько молодых девушек, одна сидела на специальном металлическом стульчике, на что-то там нажимала, длинное дуло небольшой пушки, устремленное в небо, поворачивалось вместе со стульчиком, а другие девушки подавали снаряды. Меня это не впечатлило, показалось чем-то не очень серьезным. Какая-то маленькая зенитка (или пулемет) на таком огромном пустынном поле. Разве может одна тоненькая зенитка обезопасить такое огромное воздушное пространство? Девушки-зенитчицы выглядели совсем беззащитными, мне было за них как-то страшно...

Все-таки как неоднозначна судьба – с одной стороны суровая зима погубила немало ленинградцев, но скольких она спасла... Только благодаря такой постоянной холодной погоде могла работать Ладожская дорога жизни. Ведь ее без конца обстреливали, взрывали, и тем не менее она работала, по ней шел хлеб, двигались машины с эвакуированными, по карточкам хоть мало, но что-то давали. Между прочим, шофером на ней работал и дядя Ваня, муж тети Дуси. Потом, уже в мирное время, он мало, что рассказывал, помню только, он говорил, что весь путь по Ладоге обычно ехал при открытых дверях машины, часто на подножке, чтобы было легче соскочить с машины при попадании снаряда... Мне кажется, лучше всего о дороге жизни сказано в четверостишье Ольги Бергольц, выбитом на одном из памятников:

Дорогой жизни шел к нам хлеб
Дорогой дружбы многих к многим.
Еще не знали на Земле
Страшней и радостней дороги...

Тем не менее наша с бабушкой блокадная жизнь потихоньку текла. Мы уже привыкли к звукам сирены, не спешили в бомбоубежище. Когда объявляли тревогу, бабушка брала с собой небольшой тряпичный мешочек, в котором у нее лежали продуктовые карточки, документы и драгоценности, и мы спускались с нашего третьего этажа на второй этаж, где жила семья наших

знакомых – профессора Розенфельда. Почему бабушка так делала, я не знаю, мне даже тогда казалось, что от бомбы этот маневр вряд ли мог нас спасти.

Также, как и в нашей квартире, у них было темно – светомаскировка, но, по-моему, теплее. Однажды, когда мы там были, к бабушке пришел какой-то молодой мужчина, очень приятный. Он сказал, что вместе с дедушкой работает в госпитале, дедушка передает нам привет, очень о нас скучает. Бабушка расспрашивала его, как дедушка поживает. Дядя был очень хороший, он меня качал на ноге, сетовал, что мы живем в таком нехорошем районе, где так часто бывают бомбардировки и обстрелы, он постарается нас перевести в другой более спокойный район. Нам с бабушкой он очень понравился. Бабушка вышла его провожать в переднюю, где горел только один ночничок.

Когда по радио объявили отбой воздушной тревоги, мы стали собираться домой наверх. Обнаружилось, что бабушкиного мешочка нет. Уже после войны я слышала, как дедушка уверял, что он никого к нам с визитом не посылал. Но тогда, в начале месяца, потеря продуктовых карточек была трагична – ведь восстановить их было невозможно. Представляю, каково было бабушке. Главное, продать или обменять на еду было нечего. Тем не менее бабушка пошла на расположенный близко от нашего дома Мальцевский рынок, сняла с пальца обручальное кольцо и обменяла его на буханку хлеба и запечатанную банку с повидлом. К сожалению, это оказалось совсем не повидло, так что обмен был не очень выгодный, но, тем не менее, мы дотянули до следующего месяца, а там нам выдали новые карточки.

Еще один запомнившийся эпизод. Уже весна. Мы не спускаемся по тревоге ни в бомбоубежище, ни к Розенфельдам, а лежим вместе в кровати под одеялом. Ничего не хочется делать, под одеялом тепло и уже даже есть не хочется. Бабушка мне читает стихи. У нее была великолепная память, мне кажется, она всю классику знала наизусть, кроме того, очень многие не звучащие по радио русские народные песни и хороводные игры – вот что значит образование в Смольном институте (бабушка закончила институт с медалью, второй по успеваемости в выпуске, у нее даже была подписанная императрицей Марией Федоровной, патронессой этого заведения, похвальная грамота, я сама ее видела, но, к сожалению, не сберегла).

У меня были любимые произведения, и я просила бабушку читать их снова и снова. Мне очень нравились баллады Жуковского, особенно страшные, как про епископа Гатона:

Было и лето и осень дождливы,
Были затоплены пажити, нивы.
Хлеб на полях не созрел и пропал.
Начался голод, народ умирал.

А дальше про то, как жадный епископ не захотел делиться своими запасами, на него напали крысы, он от них прятался в каменном замке, но крысы прогрызли камень и съели Гатона.

Или его перевод Шиллера:
Кто скачет, кто мчится под хладною мглой?
Ездок запоздалый, с ним сын молодой.
К отцу, весь издрогнув, малютка приник,
Обняв его, держит и греет старик.

Кстати, очень красивая баллада. Я бы на месте мальчика не боялась бы, а ушла к лесному царю в слитые из золота чертоги, где струятся жемчужные струи и играют его прелестные дочери.

Еще на меня большое впечатление производила баллада, по-моему, Пушкина:

Три дня купеческая дочь Наташа пропадала,
А на четвертый день домой она без памяти бежала.
С расспросами отец и мать к Наташе с тали приставать.
Наташа их не слышит, молчит и еле дышит.

Это про разбойников. А еще его же стихотворение «Прибежали в избу дети, второпях зовут отца: тятя, тятя, наши сети притащили мертвеца....». Страшное, но интересное.

Но самыми любимыми было два коротких стихотворения – одно Лермонтова, другое – не знаю, чье. Пишу их по памяти, наверное, что-то перевираю, не помню, чтобы я их сама когда-то перечитывала в напечатанном виде.

Когда волнуется желтеющая нива,
И светлый лес дрожит при звуке ветерка,
И прячется в тени малиновая слива
Под тенью трепетной зеленого листа.
Веселый ключ стремится по оврагу,
И навевая в душу мне какой-то сладкий сон,
Лепечет он таинственную сагу
О тех краях, откуда мчится он.
Тогда смиряются души моей порывы,
Тогда расходятся морщины на челе.
И радость я могу постигнуть на Земле,
И в небесах я вижу Бога.

Ничего себе, стихотворение, интересное для пятилетнего ребенка! Но мне оно казалось очень вкусным, в нем были такие чудесные слова, как малиновая слива и саго.

А второе стихотворение было просто красивое, от него веяло какой-то русской патриархальной стариной:

Что затуманилась зоренька ясная, пала на землю росой?
Что призадумалась девица красная, очи блеснули слезой?
Жаль мне покинуть тебя одинокую, петел ударил крылом.
Поздно, дай чашу глубокую, вспень поскорее вином.
Время. Веди ты коня мне любимого, крепче держи под узцы,
Едут с товарами в путь из Касимова Муромским лесом купцы.
Есть для тебя у них курточка шитая, шубка на лисьем меху,
Будешь ходить ты, вся златом залитая, спать на лебяжьем пуху.
Много за душу твою одинокую, много я душ погублю.
Кто ж виноват, что тебя, черноокою больше, чем душу, люблю.

И вот так мы лежим, наслаждаемся поэзией, и вдруг свист, грохот, вылетают из окон стекла – это в дом напротив (Греческий 12) попал артиллерийский снаряд, образовав в стене дыру размером в полтора этажа (четвертый и пятый этажи). Пришлось встать, посмотреть на раззор, убрать разбитые стекла. Вероятно, это уже была весна, особого холода не было. Вышли на балкон. Он был весь завален штукатуркой, принесенной взрывной волной. Бабушка взяла ведро, стала убирать, и среди обломков обнаружила жестяную банку прованского масла. Как потом она говорила, именно благодаря ей мы остались живы. Наверное, это произошло вскоре после исчезновения того самого мешочка, потому что сомнительно, что нам на двоих на целый месяц могло хватить одной буханки хлеба. Что такое прованское масло – я до сих пор не знаю.

Весной 1942 года жить стало полегче. Увеличились продуктовые нормы, появились местные овощи, съедобные травы. Наш дом на улице Некрасова 60 с двух сторон окружен газонами, две другие стороны выходят на улицу Некрасова и Греческий проспект. Все газоны не только у нас, но и во всем городе, были чем-то съедобным засажены.

Обстрелы и налеты продолжались, но, как мне кажется, в городе был порядок, мусор куда-то убирали, после каждого обстрела приходили бригады молодых девушек проверять, нет ли раненых, если в дом попадала бомба, проводили раскопки развалин.

Бабушка все время была занята на общественных работах. Мне было строго настрого велено никуда из дома не убегать, ни к кому не ходить, ничего не брать, не выбегать на ту сторону дома, которая опасна при обстреле – а это на улицу Некрасова напротив садика Прудки.

Я была очень живой, жизнерадостной, любопытной девочкой, к сожалению, совершенно непослушной. Носилась по всему дому, и вот однажды во время воздушной тревоги выбежала из парадной как раз на улицу Некрасова. Яркий солнечный день. На той стороне улицы вдоль садика шел человек. Вдруг свист, вихрь, он, как мне показалось, прошел два шага без головы и упал. Было страшно.

Ребятишек во дворе не было, играть было не с кем, так что я, в основном, просто бегала. На одном из газонов недалеко от нашей парадной какое-то время лежала огромная неразорванная бомба, огороженная тонкой веревкой, привязанной к четырем вбитым в землю колышкам. Говорили, что это фугасная бомба. Она занимала практически весь газон, была длинной не меньше трех метров. Мне непонятно, как она могла так аккуратно лежать на газоне, ничего не повредив вокруг. Конечно, я на нее не лазила, а аккуратно обходила мимо.

Запомнился мне один любопытный диалог. Какая-то женщина высунулась из окна примерно с пятого этажа на нашей стороне, и ласковым голосом зовет: «Девочка, иди ко мне, я тебе дам конфетку». Я ей в ответ: «Нет, не пойду, вы меня съедите». По-моему, это была Нелли Осиповна, хотя может быть и не она.

Помню редкие прогулки с бабушкой, и в частности, на Невский. Мы стояли на мосту через Фонтанку. Скульптуры Клода «юноша с конем» были сняты с пьедестала и стояли прямо на земле. Я с восторгом старалась забраться на коня, бабушка же меня все время оттаскивала и говорила – «Осторожней, ведь это произведение искусства, ты можешь повредить его». Особых разрушений на Невском я не заметила, во всяком случае, не помню. У Казанского собора (и как мы добрались в такую даль, не знаю, наверное, на трамвае, ведь до войны по Невскому ходили трамваи) я с клумбы вырвала маленькую морковку и, несмотря на запрет бабушки, съела. Купол собора был закрыт маскировочной сеткой.

Эвакуация.

Следующее событие, которое я помню очень хорошо, – эвакуация из Ленинграда. Это произошло в конце 1942 года. Появился дедушка, и мы втроем направились в аэропорт чтобы лететь в Москву. Этому предшествовали скандальные сборы. Дело в том, что с собой можно было взять ограниченное по весу количество вещей. Бабушка пыталась на меня надеть как можно больше, и в частности, под зимнее пальто надеть осеннее. Я отбивалась всеми силами, никакие уговоры на меня не действовали, попытки убедить взрослых, что мой медвежонок важнее демисезонного пальто, не увенчались успехом. Я зареванная и злая пришла в аэропорт. Там перед посадкой всех проверяли, взвешивали сумки, пропуская через контрольный пункт. Я с удовольствием проверяющему нас строгому контролеру в военной форме сообщила, что **она** заставила меня одеть два пальто и продемонстрировала его. Бабушка была очень сконфужена, контролер улыбнулся и нас пропустил.

Мы сели в маленький грузовой самолет. В нем вдоль бортов были расположены скамейки, а по середине – возвышение, над которым был прозрачный открывающийся люк. Во время полета на этом возвышении стоял военный с пулеметом или автоматом и смотрел в небо. Других окон в самолете по-моему не было. Пассажиры расселись на скамейки, их было примерно человек 25-30, и самолет с ревом взлетел. Это был мой первый в жизни полет, было очень интересно, я не могла усидеть на месте, все время ходила вдоль скамеек взад-вперед, держала военного за брюки и просила: «Дядя, дай посмотреть». Он безотрывно смотрел в бинокль и мне не отвечал. Вдруг самолет стало качать. В начале мне это очень понравилось, но потом я заметила, что взрослые ведут себя просто неприлично – они плюют в какие-то мешки, а некоторые достали горшки. Самое неприятное то, что также некрасиво себя вели дедушка с бабушкой. Самолет сильно качало. Пришлось и мне сесть на свое место. Я все ждала, чтобы

военный застрочил из своего пулемета, но за общим гулом я ничего не услышала, так что не знаю, участвовал ли наш самолет в бою, но для себя решила, что потом буду хвастаться, как мы мужественно сражались в небе с фашистами.

Как приземлились в Москве – не помню, во всяком случае без каких-либо эксцессов. Я была преисполнена гордостью, что лучше всех перенесла полет, меня совсем не тошнило, значит я самая крепкая. Остановились мы на квартире дедушкиного товарища профессора Ричменского. Мне постелили постель на раскладушке в столовой. Я залезла в буфет, там в вазочке лежали шоколадные конфеты. Я решилась взять без спроса одну – ведь не заметят. Конфета оказалась очень вкусной. Не удержалась и стащила еще одну, а чтобы не заметили, спрятала фантик под матрац. Конфеты оказались слишком вкусные, и в конце концов я их все съела, аккуратно спрятав фантики под матрацем.

Москва мне показалась абсолютно мирным городом, мы ни разу не слышали сирены воздушной тревоги. В Академии наук нам дали путевки в санаторий Боровое, находящееся на границе Казахстана и Акмолинской области. Мы сели в поезд и поехали через всю Россию на восток.

Вагон был вполне приличный, но поезд шел очень медленно, останавливался на каждом разъезде, пропускал встречные поезда, груженные оружием и солдатами. Они ехали на фронт. На станциях пассажиры выходили из вагонов, покупали разные продукты, которые местное население подносило к поезду. В основном это была теплая, чудесно пахнущая вареная картошка. Бабушка бегала с чайником за кипятком, мне же было велено из вагона не вылезать, а то поезд уйдет, и я потеряюсь. Но я конечно не слушалась и на каждой остановке выбегала из вагона. «Вы из Ленинграда?» – спрашивали меня. Я с гордостью говорила – да, и мне совали горячие пирожки, отварную картошку, еще какие-то вкусности. Сейчас, вспоминая об этом, я не могу сдержать слез. Действительно, вся страна знала о Ленинграде и переживала за нас. Это многого стоит... Уже потом, став взрослой, путешествуя по разным уголкам страны и общаясь с разными людьми, могу с уверенностью сказать, что везде к ленинградцам было отношение особое, какое-то уважительное.

Приехали в курорт Боровое. Вероятно, это отроги Саян. Кругом красота, холмистая местность, «пляшущие» деревья с причудливо изогнутыми стволами, рядом Щучье озеро, вдали гора Синюха, все для того, чтобы отдохнуть и наслаждаться природой. Это был курорт специально для членов академии наук и их семей. Здесь были семьи многих известных фамилий. Я помню двух очень милых девочек, по-моему Катю и Машу, внушек академика Фаворского, а также высокого очкастого мальчика Митю, внука академика Берга. Мы вместе играли, но мне они казались по сравнению со мной, через чур хорошими, уж очень послушными и воспитанными. Они не лазали по деревьям, не купались без спроса в озере, не бегали за пределы санатория.

Еще мне запомнилось Боровое необычайными грозами, однажды во время нашего там пребывания кого-то убило молнией. Уверяли, что там бывают шаровые молнии, но лично я таких не видела.

К сожалению, бабушка с дедушкой вскоре уехали в Москву. Бабушка объяснила, что отпустить дедушку одного нельзя, потому что он старенький и беспомощный (так говорила она). Решили меня оставить в Детском доме, который находился на другом берегу Щучьего озера. Не помню, чтобы я особенно переживала разлуку, наверное, в Детском доме было хорошо. Когда через какое-то время бабушка приехала меня навестить, мне было даже как-то стыдно перед ребятами, что ко мне приехали, а к ним – нет.

В детском доме всем девочкам завязывали очень красивые шелковые бантики, которые делали из американских парашютов, их просто разрывали на длинные полоски. Представляю, какие красивые и разноцветные были американские парашюты. Еще нам, как американские

подарки, давали большие куски шоколада. Но шоколад был горький и нам не нравился. Зато им было очень хорошо бросаться друг в друга, правда, если в тебя попадали, то было больно.

Помню, что однажды какой-то мальчик попал мне по коленке коробочкой из-под ваксы. Началось воспаление, меня поместили в изолятор, поставили диагноз «воспаление коленной чашечки». Долго лечили, но нагноение не проходило. Сказали, что придется удалять ногу. Я лежу, напуганная, в изоляторе, и вдруг ко мне привели какую-то незнакомую женщину, сказали, что это моя мама. Это был, наверное, конец 43 или начало 44 года. Мне было 6 лет, и я уже сформировалась как достаточно взрослая особа.

Мама оказалась худенькой, маленькой, беззащитной, все время плакала и обнимала меня, а мне это не нравилось. Как потом выяснилось, бабушка не зря ездила в Москву, ей удалось выхлопотать, чтобы маме изменили место ссылки, вместо Удмуртии (город Сарапул) перевели ее в Акмольнинскую область.

Бабушка все умела, все могла. Когда она приезжала в Боровое, она оформила мое удостоверение. Мне выдали новые метрики, по которым бабушка и дедушка были моими мамой и папой. Однако у меня сохранились не только фамилия и имя, но и отчество Георгиевна, потому что дедушка хоть и был Гришей, но все его звали Георгий Дмитриевич.

Мама устроилась (бабушка ее устроила, а сама снова уехала в Москву) работать в Боровом и забрала меня, такую больную, хромую, из детдома. Вылечила она меня спиртовыми компрессами.

Я, конечно, не была подарком. Маму я совершенно не слушалась, однако со мной никаких экстремальных событий не происходило. Однажды мама принесла домой маленький пушистый коричневый клубочек с торчащим вверх прутиком. Мама вымыла его в теплой воде – это оказался маленький, худенький, похожий на мышонка котенок. Она завернула его в полотенце и положила сохнуть на теплую печку. Вскоре оттуда выкатился снова пушистый клубочек с торчащим прутиком. Мы назвали кошечку Пуськой. Ничего более очаровательного в своей жизни я не видела. Выросла настоящая сибирская красавица, исключительно приятная в обращении.

Наступила весна, природа дружно просыпалась, кругом было полно подснежников синих и белых, потом я узнала, что их называют прострел или сон-трава. Красота.

Часто грохотали грозы. Мама очень просила меня не выбегать на улицу, объясняла, что ей страшно одной. Аргумент на меня подействовал, я почувствовала себя сильной и способной спасти слабого, уговорила маму вылезать из-под кровати и не бояться подходить к окну. Как-то она сидела у окна и вязала мне носки. Вдруг раздался сильный удар, и я видела, как между мамиными спицами проскочил электрический разряд. Впечатлило.

Пришло лето, жаркое и солнечное. Маму кто-то позвал в горы за ягодами, и она оттуда притащила огромную корзину настоящей лесной ароматной клубники. Как она ее дотащила – не представляю. Вкуснятина невероятная, запах – потрясающий, ничего похожего за всю свою дальнейшую жизнь я не видела.

Но бабушка в Москве не дремала – осенью Люсеньке надо поступать в первый класс, пора возвращаться домой. Она выправила для нас с мамой документы, а ведь вернуться в Ленинград в 1944 году было совсем не просто, нужно было как минимум иметь вызов родственников и справку о том, что есть жилье. Кроме того, нужно было добиться для мамы отмены ссылки.

Ехали поездом, все на запад. Для Пуськи сделали специальную клетку, но она всю длинную дорогу была очень напугана, даже ничего не ела, пила только воду. Проезжали через Акмольнинск, где была в эвакуации тетя Дуся с семьей. Она с нами в город отправила Геню, ведь ему тоже пришла пора поступать в первый класс, а сама с маленькой Риммой еще на год осталась в Акмольнинске.

Нам с Геней было весело, смотрели в окно, а когда наш поезд обгонял военный состав с танками и пушками, хвастались друг перед другом, кто больше насчитал вагонов.

Возвращение в Ленинград.

Приехали в Ленинград, по- моему, на Витебский вокзал. Но сразу в город не пустили – всех нас и наши вещи направили на санобработку, чтобы не занести с собою вшей или еще какую-нибудь заразу. Вещи все пропаривали при высокой температуре, нам голову мазали керосином, а потом, дав кусок специального вонючего мыла и мочалку, запускали в горячую баню. Было хорошо, потому что в поезде за всю дорогу мы не мылись, а ехали мы не меньше недели. Вышли на набережную Обводного канала. Вокруг ни одного уцелевшего дома, сплошные развалины. Это произвело сильное впечатление – вероятно немцы с особым усердием бомбили вокзалы. Наш же дом на улице Некрасова уцелел, на стенках были только отдельные выбоины от осколков, как оспины.

Зашли в нашу огромную пустую квартиру. Стекла во всех окнах, за исключением кухни, в которой окно выходило во двор, были выбиты. В ней-то мы втроем и поместились. Сначала электричества не было. Мама нас не пускала в темный коридор, где находились ванна и туалет – боялась, что там может находиться какая-нибудь неразорвавшаяся бомба, или пробоина в нижнюю квартиру, потому что там, вдалеке, виднелась какая-то светлая точка. Как потом обнаружилось, это горела в туалете не выключенная за долгое время нашего отсутствия маленькая лампочка от карманного фонаря. С электричеством жить стало веселее. Мы убрали осколки стекол и обломочный мусор. Мебель, картины и люстра были не поврежденными, но все равно жить в этих холодных, пустынных комнатах не хотелось, ждали возвращения из Москвы дедушки и бабушки.

Нас с Геней мама записала в школу – его в мужскую 155 на Греческом проспекте, а меня – в женскую 178 на углу Мытнинской улицы и 9-ой Советской. В те годы, а это был 1944, обучение было раздельное для девочек и мальчиков.

В нашем 1-ом классе девочки были разных возрастов – от 7 до 10-12 лет. Во всем чувствовалась разруха, не хватало букварей, не было тетрадей, многие писали на вырванных из разных тетрадей относительно чистых или частично исписанных и скрепленных нитками листах. Мне кажется, у одной у меня были нормальные школьные тетрадки с косыми полосками, специально для первоклассников. Я из них вырывала листы и давала другим девочкам.

И одеты все были очень скромно, даже бедно. Мало у кого были форменные платья и переднички, да это и не требовалось. Нашу учительницу звали Марья Ивановна, мне она нравилась потому, что она редко делала замечания и позволяла нам в классе болтать и вертеться. Как мне кажется сейчас, на всем еще лежал отпечаток войны. А ведь война на западе в самом деле все еще шла.

Дома мы с Геней баловались, прыгали, бегали, маму совсем не слушались, зато слушали радио, распевали песни, следили за военными событиями, продвижениями наших войск уже по Европе. У нас было даже нечто вроде соревнования. Мы тщательно следили, войска под чьим командованием продвигаются вперед. Геня болел за маршала Рокоссовского, а я – за Черняховского, И обоим нам не нравилось, что слишком часто по радио говорили о маршале Жукове. Кстати, мы оба возмущались, когда слушали о действиях союзников в Европе – считали, что они – просто трусы, которые открыли второй фронт (высадка в Нормандии в июне 1944 года) только тогда, когда мы могли победить фашистов и без них, а так – все только обещали и тянули со сроками. Вот какими мы были юными патриотами.

Ну вот наконец-то в начале 1945 года из Москвы вернулись дедушка с бабушкой. В квартире появились рабочие – три девушки, вставили стекла, поклеили новые обои, исправили электрику, починили водопровод. Во всем доме велись восстановительные работы. В ванне поставили колонку, отапливаемую углем. Появились уголь, дрова, причем у нас в подвале было свое специальное место для их хранения, а на чердаке дома – специальные веревки для сушки белья. Сушить белье на балконе, хоть он и выходил в так называемый собственный двор, а не на проезжую улицу, в те времена было не принято.

Бабушка всячески пыталась возобновить уклад довоенной жизни. У нас появилась домработница – пожилая молчаливая женщина, которая приходила к нам в определенные дни. Маму бабушка устроила на работу в институт переливания крови лаборанткой, меня перевела в другую 156 школу поближе к дому и, с ее точки зрения, более хорошую. Действительно, в этой школе уже не было той вольницы, что в 178. Учительница Лидия Терентьевна была не просто строгой, а злой. Меня часто выгоняла из класса за всякие мелкие прегрешения, появился дневник, в котором она чуть-ли не каждую неделю писала замечания и вызывала бабушку в школу. После уроков за мной всегда приходила бабушка, она была членом родительского совета. Меня такая опека огорчала, но я ничего не могла с этим поделать.

Девятого мая 1945 года я не помню, хотя, несомненно, было народное ликование. Постепенно жизнь стала налаживаться. Помню, что первое время в городе появилось много покалеченных войной безруких и безногих в потрепанных военных формах. Конечно, смотреть на них было жутко, даже как-то стыдно, что ты бегаешь веселый и здоровый, а они... Однако вскоре их практически не стало. Потом я узнала, что их централизованно вывезли подальше от Ленинграда на остров то-ли Соловки, то ли Валаам (теперь уже забыла), где специально для одиноких инвалидов был открыт санаторий для их пожизненного проживания. Через несколько десятков лет, когда я ездила туда (на Валаам) на экскурсию и любовалась природными красотами и монастырскими строениями, экскурсовод приподнес это событие как типичное нарушение в Советском Союзе прав человека. Однако в те послевоенные времена я так не думала (впрочем, также, как и теперь).

Тем временем город интенсивно ремонтировался, очень быстро исчезли развалины. На улицах, мне кажется, весь день работал репродуктор, по нему звучали бодрые песни, создавая соответствующее настроение.

В нашем доме в первом дворе (а их всего было четыре) открыли ЖАКТ (как это расшифровывается – не знаю, что-то вроде строительно-эксплуатационной компании), который ведал в частности распределением по квартирам угля, дров, уборкой лестниц и дворов, учетом жильцов и т.п. Помню, на стене двора на видном месте висел не на бумаге, а на металлической доске, напечатанный крупными буквами список квартир и фамилии проживающих в них жильцов (в теперешние времена даже трудно представить, что такая публичность возможна).

К нашему дому были прикреплены персональный дворник тетя Катя и ее брат – водопроводчик. Они жили в комнате на первом этаже и к ним в любой момент можно было обратиться за помощью. Они, мне кажется, знали в лицо всех жильцов.

В нашем семиэтажном доме было 8 парадных (это вход с улицы) и примерно столько же внутренних лестниц, и все это убирала одна тетя Катя, а по вечерам, примерно с 10-11 часов, она закрывала все парадные двери и ворота на ключ и сидела в тулупе у определенной парадной. Чужим мимо нее просто так было не пройти. Нас, ребятишек, она знала в лицо, частенько гоняла с газонов, где мы играли в ножечки, а ее брат, который ей иногда помогал и поливал газоны из шланга, частенько поливал и нас к нашему огромному восторгу. К нему также обращались с просьбой принести из подвала дров или угля.

Первое время лифт не работал, но каждое раннее утро почтальон – маленькая сгорбленная женщина тетя Лина с огромной заполненной корреспонденцией сумкой через плечо разносила по квартирам газеты и письма. В те времена было принято выписывать на почте газеты и журналы, а их разносили почтальоны, так что ко времени ухода утром на работу в институт, дедушка за завтраком всегда просматривал свежую газету. Причем бывало, что если в течении дня на почту к адресату приходило какое-нибудь новое поступление, то тете Лине приходилось снова возвращаться со своей сумкой.

Также без лифта с огромным тяжеленным бидоном на спине по нашей лестнице какое-то время ходила молочница.

Вероятно, это все еще какие-то довоенные отголоски. Достаточно скоро в доме включили горячую воду, отопление, лифт, молочница перестала ходить. Вероятно молоко теперь можно было купить и в магазине, хотя бытовая часть жизни меня не касалась – я по-прежнему оставалась беззаботной и жизнерадостной, бегала, прыгала, под надзором и давлением бабушки училась. Она принялась было обучать меня игре на фортепиано, благо у нас было Левушкино пианино марки Дидерих (а это очень хорошая марка). Но все ее старания были напрасны. Я очень хорошо помню, как мы с ней сидим за пианино в огромной, еще холодной столовой, разучиваем гаммы. У меня мерзнут руки, хотя мне бабушка одела специальные перчатки без пальцев – митенки. Я их подгибаю, чтобы отогреть, дую на них, всем своим видом показываю бабушке, что это пытки, объясняю, как я ненавижу все гаммы, втихаря уничтожаю ноты. Бабушке пришлось сдаться. Кстати, лет через десять я ей пеняла на то, что у нее тогда не хватило упорства заставить меня заниматься музыкой.

И все же жизнь постепенно налаживалась. На улицах уже редко можно было встретить людей в ватниках или каких-нибудь обносках, появлялись и нарядные женщины, летом из открытых окон часто звучал патефон, особенно это было характерно для нашего двора Собки. Тем не менее я очень хорошо помню такой эпизод: бабушка из Москвы привезла мне очень красивое красное суконное пальто, красные кожаные ботиночки и красный берет. Она была уверена, что я буду в восторге и все это мне очень понравится. Как я теперь понимаю, ей это достать было очень нелегко. Но я наотрез отказалась даже примерять эту роскошь – мне было стыдно появиться в таком виде перед знакомыми девченками. Никакие уговоры не подействовали, и я по-прежнему бегала, как и все, в старых поношенных одеждах.

В один из летних воскресных дней мальчишки побежали смотреть, как на площади Урицкого вешали немецких генералов, приговоренных по суду к смертной казни. Говорят, было много народу, но мне это даже тогда казалось страшным, и я к ним не присоединилась. Я, конечно, ненавидела фашистов, но когда они были побеждены и обратились в реальных людей, моя ненависть куда-то испарилась...

Так, в школу я каждый день ходила по левой стороне 9-ой Советской. Вероятно, до войны там было какое-то длинное кирпичное здание заводского типа. За войну оно было разрушено чуть-ли не до основания. Ремонтировали его пленные немцы. Ни у меня, ни у кого из моих подружек, да и вообще у прохожих они не вызывали враждебного отношения – это были изможденные, худые, усталые, одетые в рваную военную форму мужчины, которые мне все казались на одно лицо. Однажды один из них подошел ко мне и на ломаном русском языке попросил еды. Я отдала ему свой школьный завтрак – два бутерброда с маслом. И такое происходило неоднократно. Мне их было жалко. Пленные быстро восстановили двухэтажное здание барачного типа, покрыли его штукатуркой. Оно и до сих пор стоит, отнюдь не украшая улицу.

В войну и ненавистных фашистов мы продолжали играть дома – приходили мои школьные подружки, мы носились по нашей огромной квартире с воинственными лозунгами, прятались в засады, с криком ура разили под дедушкиным письменным столом притаившегося фашиста в облике барса. Кроме того, у нас в квартире между столовой и спальней родителей (то есть бабушки и дедушки) была повешена веревочная лестница, по которой было очень здорово лазать вверх и вниз, раскачиваться и петь боевые песни. Я, как уже отмечалось ранее, пела очень хорошо, во всяком случае громче всех, поэтому когда бабушка иногда просила меня – «Люсенька, прекрати так орать», я на нее обижалась.

В наших играх деятельное участие принимал и Геня, но уже к концу 1945 года вернулась из эвакуации тетя Дуся вместе с маленькой Риммочкой и забрала его к себе.

Школа.

Игры – играми, но пришло время и учиться. В школе занимались мы то в первую, то в вечернюю смены, так как в послевоенном городе активно увеличивалось население и школ не хватало. По всей стране было введено обязательное 7-ми классное образование, после кото-

рого выпускник мог поступить в техникум или училище, или учиться в школе еще три года, получить аттестат о среднем образовании и уже с ним поступать в институт. Только к началу 50-х годов в стране было введено обязательное среднее образование.

Конечно, в ранние школьные годы так далеко я не заглядывала. Школа была стабильным местом, где из нас, таких разных, формировали единый коллектив, придерживающийся широко распространенных и пропагандируемых тогда социалистических принципов – дружбы, равенства, справедливости, взаимопомощи. Пионер – ребятам пример. Сам погибай, но товарища выручай. Неправда ли, красиво звучит. Если поступал не так, то ты понимал, что делал плохо. Стихотворение Маяковского «Что такое хорошо, а что такое плохо» целиком отражает наш взгляд на то, как надо.

Тем не менее, я не всегда поступала так, как надо, но судя по оценкам, училась довольно хорошо. Правда, для этого бабушке приходилось тратить уйму времени. Она требовала от меня, чтобы я спокойно сидела и делала домашние задания. Она даже передо мной ставила будильник, чтобы я вырабатывала в себе силу воли, и хотя бы 10 минут, не дергаясь и не прыгая, сидела на стуле. «У нее в попе шило» – вторила ей мама. Вряд ли это помогало. Сделать меня не такой брутальной смогло только Время.

Дедушка же всегда выступал в роли заступника, всячески потакал моим желаниям, из-под тишка кормил меня конфетами, которые бабушка мне не давала есть, ссылаясь на свойственный мне диатез, словом, был моим основным защитником.

Тем временем в школе жизнь текла своим чередом. Мы твердо знали, что всех нас горячо любит товарищ Сталин, он заботится о том, чтобы у нас были хорошие условия для учебы и из нас выросли хорошие и умные люди. Уже в 1946 году в нашем классе у всех девочек были единые школьные формы – коричневые платица с белым отложным воротником и черным или белым (праздничным) передником, нормальные школьные тетради. В школьной библиотеке нам выдавали учебники, которые надо было к концу года сдать обратно. Поэтому учительница следила за тем, чтобы мы обращались с ними бережно. Кстати, семьям с низким достатком раздавались талоны на бесплатное приобретение школьных форм и обуви и это казалось естественным.

Лидия Терентьевна водила весь класс на какие-то экскурсии, организовала октябрятские, а потом и пионерские отряды, руководила нашей общественной жизнью.

И все же основные мои интересы в то время были связаны не со школой, а с улицей. После школы свободное время я проводила в нашем собственном дворе, как мы говорили, Собке, в компании с девочками нашего класса, которые жили в наших домах – Наташей Чернышовой, Милой Чуприна, Таней Зубченко. Все они были моими ближайшими подругами. В наших играх участвовали также девочки- ровесники из других школ. Были и какие-то мальчишки, но они, если можно так выразиться, не являлись ядром нашего коллектива. Без конца скакали через веревку на вылет и через скакалочку на счет, играли в классики, на газоне – в ножечки, в мяч в наганялы, штандер, и, конечно, в лапту. Иногда, когда набиралась большая команда, играли в прятки и казаки-разбойники.

Из открытых окон соседних домов неслись граммофонные звуки популярных песен, облокались на подушки, за нашими играми наблюдали жильцы.

Помню, зимой в школе в младших классах были уроки труда, и нас, в частности, обучали шитью. Как-то мне на дом задали сшить ночную рубашку. Этим заниматься мне совершенно не хотелось, тем более, что на дворе поставили две ледяные горки, было полно моих друзей и было очень весело. Бабушка пригласила к нам домой знакомую портниху, и она на руках, а не на машинке, выполнила мое задание. На утро я без малейшего стыда отнесла рубашку в школу и выдала за свою работу. Конечно, в школе при таком отношении к шитью я ничему не научилась, но в последствии, когда у меня самой появились дети, при необходимости я могла кое-что смастерить сама.

Как я уже отмечала, училась в школе я довольно хорошо. Однако бабушке этого, конечно, было недостаточно. Особенно ее не устраивали мои знания по русскому языку и литературе. Действительно, в средних классах их нам преподавала учительница облика пожилой дореволюционной дамы. Видимо, она была так напугана идеологическими требованиями, что даже мне, на то время жизнерадостному, вольнолюбивому подростку, некоторые ее высказывания казались чуждыми. Например, она горячо уверяла, что это Пушкин влиял на творчество Байрона, а не наоборот. У нас в классе был даже собран список отдельных ее наиболее ярких цитат. Например: «Выбитый зуб Давыдова делает его речь понятной народу», «Он хотел, чтобы и куры жили в колхозе» (это из Поднятой целины), или «Мадам Бовари была просто маленькой буржуйкой» (о романе Флобера), и тому подобное.

На уроках я была, в основном, занята тем, что тщательно срисовывала карандашом иллюстрации из учебника – картины классиков. Мне нравилось, как это у меня получалось, ну а вопросы орфографии и пунктуации меня вовсе не интересовали. Когда я сказала об этом бабушке, та решила, что для меня необходимы дополнительные занятия. Она договорилась с жившей в нашем доме бывшей учительницей русского языка, Надеждой Ивановной Чеботаревой, тоже очень пожилой женщиной, и я к ней три раза в неделю ходила домой. Она жила в большой комнате, стены которой, как и у нас, были завешены старинными красивыми дореволюционными портретами ее родных. Кругом стояла красивая старинная мебель, на полках в шкафу виднелись многочисленные позолоченные корешки толстых книг. На огромном письменном столе тоже лежали книги и стояли в рамках фотографии.

Она добросовестно пыталась победить мою неграмотность, но, положив руку на сердце, теперь я понимаю, что когда ребенок не хочет, то никакой, даже самый хороший преподаватель, ничего сделать не может. Кстати, эта же учительница вела занятия и с Катей Райкиной, которая была на год младше меня, училась в той же 156 школе и жила с родителями в доме напротив. Я как-то слышала, Надежда Ивановна жаловалась моей бабушке, что Катя очень избалованная, заниматься не хочет, а прыгает по диванам и кидается подушками (то есть даже хуже меня).

Начальная школа заканчивалась после перехода в четвертый класс, вместо Лидии Терентьевны у нас уже были разные учителя и разные классные воспитатели.

В нашей школе иностранным языком был французский, а в начальных классах бабушка учила меня английскому. Я этим очень хорошо пользовалась – когда меня француженка вызывала к доске для проверки домашнего задания (а я его, как правило, не делала), я как будто бы нечаянно говорила какие-то английские слова. Обычно это производило хорошее впечатление, и в табеле по французскому у меня всегда была пятерка.

Начиная с четвертого класса, и так до десятого, каждую весну мы сдавали экзамены, причем самое обидное то, что эти переходные экзамены на следующий год отменяли. Правда, в первый год бабушка достала справку от врача, что я очень нервная и меня нельзя травмировать экзаменами. Я с ревом отказалась от такой привилегии, и все годы их сдавала вместе со всем классом.

По-моему, с 10 лет нас начали принимать в пионеры. Бабушка уверяла, что мне не надо вступать, так как я недостойна звания настоящего пионера, но я хотела, как все. Процедура была очень торжественна, я была горда и конечно первое время носила галстук с радостью. Мне тогда казалось, что все провозглашаемые лозунги добрые, справедливые и правильные. Все они имеют очень древнее происхождение, они выработаны человечеством и лежат, как ни странно, даже в основе христианских принципов.

Помню, как дома отмечали мое десятилетие. Конечно, был и торт, и свечи, и конфеты, и фрукты, а вот подарки были особенные. Бабушка с дедушкой подарили мне красивый альбом для стихов с разноцветными страницами.

В то время среди моих сверстников были распространены такие альбомы (отголоски еще Пушкинских времен), в которых девчонки писали друг другу незамысловатые стишки, типа: «Люби меня как я тебя и будем мы друзьями», или «Пусть так тихо цветет наша дружба с тобой, как во ржи золотой василек голубой, или, еще душещипательней, «Дарю тебе корзиночку, она из тростника, в ней тридцать три фиалочки и сердце моряка» и тому подобное. Ну такие стишки, которые я тем не менее помню, появятся в нем потом, а вот на первой странице моего подарочного альбома написал дедушка:

Товарищ, верь. Взойдет она,
Звезда пленительного счастья.
Россия вспрянет ото сна...
Твой дед.

Я была, что называется, шокирована. Неужели дедушка не понимает, что это совсем не подходит для моего альбома. Неужели он в самом деле такой старый, что уже ничего не воображает. Бабушка тоже написала что-то неподходящее по поводу того, какой она хотела бы меня видеть, но хоть в прозе.

Пришел подарок и от Левушки. Это была вручную сделанная из дерева, наверное, кедра, коричневая шкатулка для рукоделия с затейливыми выпиленными лобзиком узорами, а также нарисованная им картинка в стиле американских мультиков, на которой был изображен сидящий за решеткой грустный утенок в матросской шапочке. Внизу подпись «I want home».

Этой шкатулкой я пользуюсь и по сей день.

О своем отце я не вспоминала, потому что я его практически не видела – его арестовали, когда мне было полгода. Дома о нем при мне не говорили, а в школе, когда возникали вопросы, я спокойно отвечала стандартную и очень распространенную в послевоенное время фразу – пропал без вести, нисколько не вдумываясь в смысл этих слов. Но Левушку я, конечно, пом-

нила и спрашивала про него у бабушки. И вот тут-то я впервые столкнулась с пониманием, что в нашем мире не все уж так правильно и хорошо.

Как я потом узнала от домашних, он, выпускник Кораблестроительного института, 22 июня 1941 года на советском торговом корабле Хасан вошел в порт немецкого города Штецина, где и узнал о начале войны. Вся команда корабля была интернирована немецкими властями и помещена в специальный концентрационный лагерь, где они находились вплоть до окончания войны.

После войны вся команда вернулась домой, но Левушку обвинили в том, что он сам хотел и уговаривал кого-то остаться за рубежом, и приговорили к смертной казни за измену Родине.

Он находился в «Крестах» до утверждения приговора. Мы с мамой и Танечкой, нашей новой домработницей, веселой, разговорчивой, деревенской толстой женщиной, носили ему передачи и кричали под окнами. Из них из-за решеток выглядывали лица арестантов, махали нам руками. Может быть среди них был и Левушка, но разглядеть на таком расстоянии было невозможно. Бабушка в это время вела энергичные переговоры с юристами и адвокатами, передавались какие-то конверты. Были непрерывные телефонные разговоры. В результате приговор изменили на 10 лет лишения свободы, и Левушку послали в Сибирь в Нарильлаг, где он участвовал в строительстве порта в Дудинке и где похоронен, немного недожив до освобождения.

Выходит, такой суровый приговор был изначально неправильным, выходит за деньги его можно изменить? А если денег нет, то человека можно законно убить? Выходит, что юристы и адвокаты продажные? До сих пор я к людям этих профессий отношусь с опаской и недоверием и не хотела бы иметь с ними никакого дела.

—

В школе дела шли своим чередом. Особого интереса к наукам я не проявляла, но благодаря хорошей памяти числилась среди хорошистов и отличников. Пожалуй, с большим интересом я ходила на уроки физики, может быть потому, что мне нравилась учительница и сам кабинет физики, где находилось множество интересных и непонятных приборов, а также огромный глобус небесной сферы и портреты известных ученых. Однажды учительница рассказала нам о вечном двигателе и о невозможности его создания. Это произвело на меня сильное впечатление, и я в течение нескольких месяцев пыталась доказать, что такой двигатель возможен. Обложила какими-то умными книгами, чертежами, читала обо всех имевшихся в нашей библиотеке попытках его создания, чертила, подсчитывала, даже казалось, что мне это удалось — помню, это было что-то связанное с текущим благодаря форме рельефа потоком воды. Показала дедушке перед тем, как сообщить о своем открытии в школе, и он безжалостно указал на мои фундаментальные ошибки. После этого интерес к физике у меня совсем пропал, да и вообще, скорее бы каникулы.

В школе у нас был «живой уголок», в котором были небольшие аквариумы с различными рыбками, а также клетки с морскими свинками, белыми мышами, ежиком, кроликами различных пород и большим количеством различной зелени — настоящий живой уголок. Ухаживали за животными сами ученицы, наблюдали за их развитием, даже писали какие-то «научные» отчеты об их жизни. Я шествовала за кроликом шеншилловой породы под именем Мазай. Он был старожилем уголка, считался основоположником породы, даже имелась родословная его потомков. Он был большой и тяжелый, но мне разрешали изредка выносить его на прогулку в Таврический сад, что я делала с огромным удовольствием, так как в саду обычно вокруг нас собирались любители живой природы и я чувствовала себя важной персоной. И вот однажды, когда я на перемене заглянула в живой уголок, чтобы проведать Мазая и угостить его морковкой, обнаружилось, что Мазай родил крольчат. Был большой конфуз, Мазай стал Мазайкой, родословную его потомков пришлось уничтожить. Особенно огорчена была учительница по биологии, ну и меня ругали, что я недоглядела.

Еще много огорчений мне приносили уроки физкультуры. Оказалось, что и бегала, и прыгала я чуть ли не хуже всех. Удавались мне только упражнения на брусьях, да и то только кувырки. Поэтому я всячески старалась прогуливать занятия, за что получала двойки.

Бабушку тоже волновали мои физические данные, она все время твердила, что я как шалтай-болтай, совершенно раскоординированная. Она записала меня в Дом ученых на ритмическую гимнастику. Меня туда возили целый год. В завершении занятий был концерт нашей группы в большом зале Дома ученых – танец с лентами – на котором я, будучи на заднем плане, умудрилась запутаться в лентах и упасть. Разумеется, что о дальнейших занятиях не могло быть и речи.

Тогда бабушка, пытаясь развить во мне недостающую, по ее мнению, женственность, записала меня в кружок балльных танцев. Разучивали мы такие танцы, как па-де-патинер, па-де-грас, па-де-катор ну и конечно, вальс. Первые три танца я больше нигде не видела, но было забавно скакать в большой, красивой комнате дворцового типа с такими же неумехами.

Однако для танцев требовался партнер, а с партнерами был дефицит. Кроме того, у меня уже к тому времени стал развиваться комплекс неполноценности, приглашать на танец кого-нибудь из мальчиков мне было стыдно. Поэтому я обрадовалась, увидав среди кавалеров знакомого лопоухого длинного и нескладного мальчишку, с которым мы когда-то познакомились в санатории Широком, где я была с бабушкой и дедушкой, и первая пригласила его на танец. И это была моя большая ошибка. Он, несомненно, был самым неловким, неумелым, все время наступал мне на ноги. Но главное, он очень обрадовался нашей встрече и теперь приглашал меня на все танцы. Я поняла, что с таким партнером я ничему не научусь, но отделаться от него было невозможно. А тут еще появился очень симпатичный, хорошо танцующий мальчик, который шел ко мне чтобы пригласить меня на танец. Но мой лопоухий партнер решил его опередить. Встреча состоялась в центре зала (а рядом стояла строгая преподавательница). Я излишне горячо сказала лопоухому: «Отстань от меня, пошел прочь, паршивый дурак». Преподавательница меня за руку вывела из зала. На этом мои занятия танцами закончились.

Но бабушка не успокоилась, и к зиме записала меня на фигурное катание. Мне купили фигурные коньки, какую-то красивую спортивную одежду. Дома по паркету я училась стоять и ходить на коньках.

Наступил первый день занятий. Оказалось, что корова на льду – это про меня. Но потом я увидела на катке еще одну длинную нескладную, чем-то знакомую фигуру, которая все время падала. И, конечно, это был мой лопоухий партнер по танцам. Очевидно, что у его родителей были те же проблемы, что и у моих. Понятно, мои занятия фигурным катанием на этом закончились, и больше я в Дом ученых никогда не показывалась.

На летние каникулы мы всей семьей – дедушка, бабушка, мама и я – ездили на полтора – два месяца в какой-нибудь академический дом отдыха. Чаще всего ездили в Прибалтику, в Майори.

Условия, конечно, были шикарные – прекрасные песчаные пляжи Рижского залива, курортные домики в окружении ухоженных цветущих парков. Особенно мне запомнились огромные шапки разноцветных гортензий. По чистым дорожкам прогуливаются нарядные отдыхающие, вежливо раскланивающиеся друг с другом – прямо как в дореволюционных фильмах.

Ездили мы на экскурсию в Ригу. Такое впечатление, что войны здесь не было, во всяком случае я не помню каких-нибудь развалин, хотя возможно их так быстро залечили. Город имел ярко выраженный западный облик. От старинных замков и крепостей веяло каким-то средневековым ужасом. Экскурсовод нам рассказал, что для того, чтобы стены этих замков и соборов долго держались, в них было принято замуровывать живых девушек. Даже крохотные

окошечки показывали, через которое их какое-то время кормили, а потом – забывали. Действительно, эти замки стоят. Жуть какая-то.

Бабушка заботилась и о моем культурном развитии. Мало того, что она мне все время подсовывала определенные книги, но еще на каждый учебный год мне покупался детский абонемент в Мариинку, так что я весь репертуар как балетный, так и оперный, знала наизусть. Ходила я на спектакли с большим удовольствием, и не только потому, что мне там всегда покупали какие-нибудь вкусности в буфете. Мне действительно было интересно. Особенно мне нравились балеты. Неизгладимое впечатление произвела постановка «Спартак» с Баланчивадзе.

Позже появился абонемент в Михайловский театр. Здесь мне балеты совершенно не нравились вероятно потому, что в их постановке чувствовался отход от классики. Зато очень интересно ставились оперы, которых не было в репертуаре Мариинки. К симфонической музыке я была довольно равнодушна, поэтому мне покупался абонемент только в малый зал филармонии.

Наибольшее количество театральных спектаклей обычно было приурочено к зимним каникулам. В зимние же каникулы обычно стояли морозы за 30°, и было очень обидно, так как при температуре ниже 27° занятия в школе и так отменялись. На улице не очень-то погуляешь, поэтому основное время я проводила дома за книжками и пластинками. У меня был патефон, со временем заменившийся на электропроигрыватель, и большая, все время пополняющаяся коллекция пластинок.

В 1950 году мы на лето поехали в Комарово. Там на улице Танкистов (это на границе с Зеленогорском) нам был предоставлен большой двухэтажный дом с огромным лесо-парковым участком. В нем мог бы спокойно находиться пионерский лагерь – там были и спортивные площадки (в частности, площадка для игры в крокет), и тенистые дорожки. Был настоящий лес, был гамак, были грядки с клубникой, которыми мы могли пользоваться. Был также маленький домик для сторожа, который тот, в свою очередь, сдавал дачникам. В том году дачниками были родители Вали Беловой.

Нас с ней сблизило то, что нам обоим очень нравился Лермонтов, да и вообще стихи. Мы в лицах читали Демона (Демоном, конечно, была я, а она – Тамара). С тех пор и по сей день между нами, такими разными, существует определенная душевная связь. Я могу смело сказать, что она мне родная, несмотря на то, что ее неординарность нередко раздражает и с ней я конечно не делюсь самым сокровенным (а есть ли оно?). Но и она мне, и я ей свои стихи читаем. Долгие годы она оставалась моим основным театральным спутником.

Смерть дедушки.

Пребывание в Комарово закончилось очень быстро – у дедушки произошел инфаркт, его увезли в больницу в ГИДУВе, где он вскоре и умер. Мне было очень жаль дедушку, ведь он всегда заступался за меня, очень любил, делал всякие маленькие подарочки и втихаря баловал конфетами, против чего всегда восставала бабушка, так как у меня была золотуха.

Бабушка была очень грустная, так что я, вообще то еще та эгоистка, понимала, что мне надо быть с ней рядом. Между прочим, они всегда называли друг друга Люлечка и Гришенька, я никогда не слышала, чтобы они ссорились, бабушка всегда провожала и встречала его с работы, завязывала ему галстук, следила, чтобы у него была свежая рубашка. А уж какой она была ему помощницей по работе... На его письменном столе раскладывала нужные бумаги, переводила с иностранных языков приходившие к дедушке различные письма и статьи (она знала как минимум три, а может и больше, языков), подбирала необходимую ему литературу, даже составляла расписание его встреч и лекций. В общем, была ему настоящим секретарем.

После смерти дедушки у нее осталось лишь два близких человека – сын Левушка, который отбывал наказание в далеком Норильлаге, и я, которая была рядом. Левушке она регулярно писала письма и отправляла посылки с продуктами и вещами. Она даже отправила ему

туда очень красивый большой аккордеон – ведь Левушка очень скучал без музыки. Он был очень рад, и там даже участвовал в самодеятельных концертах.

Похороны произвели на меня неизгладимое впечатление. В те времена было возможным при похоронах выдающихся людей (а дедушка, вероятно, относился именно к таким) проводить по улице траурное шествие.

Провожающие с цветами под звуки оркестра, исполнявшего траурные мелодии, шли за гробом, который везли покрытые траурными попонами лошади, по Кирочной от ГИДУВа, где в зале Ученого совета происходила панихида, до Охтинского кладбища. Как хорошо, что в скором времени такие скорбные церемонии были отменены.

После смерти бабушки в нашей жизни произошли существенные перемены. Прежде всего, это коснулось квартиры. Для нас, троих, метраж квартиры был слишком большой. Нам предложили переехать в трехкомнатную квартиру в Сталинском доме на Московском проспекте, но бабушка отказалась. Ей казалось немыслимым уехать из квартиры, где прошла большая часть ее жизни и куда, она верила, скоро должен вернуться из лагерей ее сын. Она предпочла сделать в квартире перепланировку и отдать две комнаты (дедушкин кабинет и Левушкину комнату, где мы жили с мамой) стоявшему на очереди сотруднику ГИДУВа профессору Попову Н.А. и его супруге Галине Александровне.

Так наша квартира стала коммунальной, а сам выбор оказался крайне неудачным. Ну об этом потом. Но самым важным для меня стало то, что я поняла – бабушка смертна – и я за нее в ответе, то есть кончилась моя полная беззаботность. Я хоть немного повзрослела.

По-прежнему, материальная сторона жизни меня нисколько не касалась, но внутри поселился какой-то страх, я уже не могла так беззаботно бегать во дворе, совершать рискованные поступки, озорничать в школе, хотя все это все же, конечно, было.

Каникулы в Витово.

Изменились и мои летние каникулы, их я стала целиком проводить в деревне Витово (крайний юг Ленинградской области) вместе с тетей Дусей и ее семьей – с братом Геней и сестренкой Риммой.

Конечно, было раздолье. Тетя Дуся нас не притесняла. Жизнь была самая простая – спали на сене, питались сугубо экологически чистыми продуктами – так, на ужин на столе стояла кринка молока и каравай испеченного в печи душистого хлеба, на обед – окрошка с огородными овощами, печеная картошка со свежепросольными огурцами и ягоды со своих кустов.

Гуляли до ночи. У нас было свое излюбленное место – горка, где когда-то находился сад помещика Штырина, а от него сохранился лишь заросший осокой и ракитами пруд. Место было красивое, открывался прекрасный вид на деревню и на окружающие ее луга и леса.

Деревушка была маленькая – домов 15-20. Во время войны там были немцы, все местные жители опасались их, впрочем, и партизан – тоже. Наша баба Паша со своей младшей 16-ти летней дочкой Тоней пряталась в лесу в землянке на всякий случай. Ведь всем надо было есть, и немцам, и партизанам, поэтому местное население боялось грабежей.

Когда немцы отступали, они решили сжечь всю деревню. Но некоторые бабы на колени просили, чтобы их дома пощадили. Таким образом, в деревне осталось четыре довоенных дома, все остальное – новодел. С учетом трудного послевоенного времени, выглядели они в лучшем случае как современные сараи. При этом наш дом был пожалуй самый уродливый – рассказывали, что дядя Ваня где-то по дешевке купил старую баню и перевез ее в Витово.

Но нас это ничуть не расстраивало – была бы крыша над головой. Причем крыши в деревне были в основном покрыты толем, реже – соломой, лишь в старых избах сохранилась деревянная черепица.

Жизнь в деревне была более или менее налаженной – каждое утро выгонялся скот, в основном козы, но были и коровы, и овцы. У нас, пока была жива баба Паша, были две козы – Анька с большими рогами и Белка – комолая, но с сережками. В полдень били в висевший на горе металлический баллон (било), звук которого разносился по округе. Хозяйки с ведрами шли в поле доить скотину. Обратное стадо возвращалось перед закатом. Впереди шла всегда определенная корова и вела остальных.

Пастухом была тетя Дуня. Ходила она всегда оборванная и грязная. Вид у нее был придурковатый, изба была очень ветхая, грязная. Я даже не представляю, как в ней можно было зимовать – в полу широкие щели, сквозь которые ее младшая дочка Тонька, наша подружка, вылиwała воду и даже писала. Печка тоже чуть держалась. Да и огород у них был весь запущенный.

Что ни говори, а даже внешне деревенские люди в те времена отличались от городских какой-то дремучестью. Правда, старики были в основном неграмотные. Но отпечаток дремучести лежал и на среднем поколении. Однако власти активно пытались повысить культурный уровень – в деревнях покрупнее (селах) обязательно, видно вместо церквей, были школы, клубы, в которых проводились лекции и иногда показывались фильмы, а по вечерам устраивали танцы. В соседней с нашей деревней Поддубье была даже неплохая библиотека. Именно там я впервые ознакомилась с журналом «Новый мир», главным редактором которого был тогда Твардовский, и в котором, как я потом узнала, печатались самые продвинутые и интересные произведения советских, и не только, писателей.

Кроме того, в этих селах были магазины, где продавались продукты и ширпотреб (без наценки), которыми пользовались жители окрестных деревень.

Однако старина не полностью исчезла из народного быта – в каждой деревне был свой пристольный праздник, на который собирались окрестные соседи. В Витово это была Казанская (в честь Казанской иконы божьей матери). По-моему она была в конце июня. К празднику все готовились. Все кругом мылось и чистилось, люди одевали праздничные одежды.

Нас тетя Дуся тоже одевала во все новое, на столе выставлялись праздничные угощения, появлялась выпивка. В деревню собирались гости, и начиналось празднование.

На улице в центре деревни собирались подвыпившие люди, звучала гармошка, начинались танцы. Большим успехом пользовалась кадрили, а также «поляночка». Это все танцы с выходами, когда отдельные пары исполняли какие-то свои па с притоптыванием и прихлопыванием. Женщины в нарядных шالях, мужчин немного, большинство, уже сильно выпивших, глазели на танцующих, отпускали всякие шуточки. Танцы перемежались с песнями типа частушек, иногда похабных, но всегда веселых.

Изредка бывали драки, но их как-то быстро пресекали. Мы только вертелись вокруг танцующих, иногда мешались, подпевали, в общем, веселились во всю. В связи с праздниками в деревне, мне все время приходили на ум стихи Лермонтова о любви и России:

А в праздник под вечер душистый
Готов до ночи я смотреть
На пляски с топаньем и свистом
Под говор пьяных мужиков.

Ну что в этом хорошего, а греет сердце и вспоминается с удовольствием. Люди были какими-то более родными, близкими.

Однажды я была в Витово и зимой, но это было в старших классах. Я упростила бабушку отпустить меня в деревню на зимние каникулы. Баба Паша к тому времени уже умерла, но в нашей избе зимой жила другая одинокая знакомая бабушка.

Впечатления были огромные. У меня с собой был рюкзак и лыжи. Договорились, что до Луги я доеду на поезде, а оттуда порядка 30 км я поеду на такси, так как автобусы тогда еще не ходили. Но брать такси было бы неинтересно, поэтому я решила голосовать. Остановился самосвал, перевозящий бревна. Почему-то я решила, что это подходящий для меня транспорт. Я легла на гору выше кабинки обледенелых бревен, связанных проволокой, рюкзак и лыжи передала водителю, а сама крепко ухватилась за эту проволоку и мы поехали.

Честно говоря, это было несомненно очень рискованно. Мало того, что я замерзла на ветре, но при толчках и торможении машины я скользила по бревнам и того и гляди могла вылететь из нее прямо под колеса самосвала. А ведь ехать нужно было около часа. Меня спасла только проволока и моя мертвая хватка. Однако руки потом пришлось растирать, мазать салом, казалось, что я их отморозила.

Зато в деревне была такая красота. Деревья просто сказочные, все вокруг покрыто белоснежным кружевным инеем. Так как это было время рождественских праздников, то мы с подружками под руководством знающих старух, гадали. Самое запомнившееся гадание было в бане. Надо было ночью войти в баню со свечкой (а бани располагались у речки на удалении от изб) и бросить в котел с водой камушек. Следовало следить за пламенем и слушать, как упадет камень – тихо или с шумом. От этого будет зависеть, какая у тебя будет жизнь, тихая или бурная.

Мы с девченками взяли одну свечку, гуськом между высоченными сугробами по узенькой тропке пробрались к бане и по очереди стали бросать камешки. Кругом темнота, жутковато. Когда подошла моя очередь, пламя свечки у меня в руке задрожало и она погасла. И в это время кто-то схватил меня за руку и страшно завыл. Мы в панике бросились бежать, но вскоре поняли, что это мальчишки решили нас так напугать.

На другой день мы поехали в соседнюю деревню, где в клубе вечером показывали фильм, а потом должны были быть танцы. Мы ехали на двух санях – на одних – девченки, на других – парни. Было очень весело, мы старались перегнать парней, смеялись, пели песни. А ночь стояла красивая, звездная, кругом искрящийся в лунном свете снег. Мы первыми въехали на пригорок, и вдруг лошадь шарахнулась в сторону. Впереди на открытом пригорке, освещенным луной, метрах в ста от нас стояли две неподвижные фигуры – волки. Это было так здорово и совсем не страшно, но запомнилось на всю жизнь.

В общем, этими каникулами я была очень довольна.

Летом было тоже прекрасно. У нас сложилась кампания человек 6-8, в основном девченок, в которой я себя чувствовала атаманом. Мы часами играли в лапту, казаков-разбойников, болтали, пели песни и частушки, купались в пруду, а потом и на Волосковском озере, находившемся примерно в километре от нашей деревни. Ходили по грибы и ягоды, по выходным бегали в соседние более крупные деревни, в которых были клубы. Там по вечерам смотрели кино – киномеханик Васька был из нашей деревни, поэтому мы по благу проходили бесплатно.

Возвращение домой ночью по тропинке через лес было всегда веселым – пели, шумели, мальчишки любили нас пугать, словом было очень хорошо.

Но вот с годами наши забавы стали принимать все более агрессивный характер. Это было как раз тогда, когда я перешла в десятый класс.

То ли гормоны, то ли что другое, любимым нашим развлечением было ставить колотушки в избы, где жили не только старики, но и взрослые, которые могли в свою очередь как следует съездить по спине дубиной. Интересно было лазать и за яблоками по чужим огородам, особенно к тем хозяевам, где эти огороды охранялись.

Однажды, возвращаясь ночью домой после кинофильма через чужую деревню, мы, а я само-собой была во главе этой кампании, подняли шум и гром, били палками по стенам стоявшей на отшибе избы. Я слышала слабый женский писк «Караул, помогите!». Но мне этого показалось мало. Надо бы их еще сильнее напугать. Я тут же написала записку: «Если завтра к 10 часам вы не положите под такой-то камень 100 рублей, то от вашего дома останутся одни угли» и сунула ее в окно. Надо сказать, что ночь была лунная, ясная, и лица дебоширов были прекрасно видны. Да мне и в голову не приходило, что надо скрываться – ведь это же просто невинная шутка.

Жители деревни так не думали и обратились в милицию. На следующее утро в Витове уже была милиция с требованием, чтобы меня срочно в 24 часа выселить из деревни. Тетя Дуся меня всячески выгораживала, и только после ее долгих и активных убеждений о том, что я такая умная и хорошая, отличница, комсомолка, спортсменка, из хорошей семьи, что все в деревне меня любят и такого больше не повторится, мне позволили остаться. Так закончились мои последние школьные каникулы.

Больше я в Витово практически не приезжала.

Зачем я так бесилась – ума не приложу. Ведь я не была злой, я и не собиралась ходить ни за какими деньгами, они мне вообще были не нужны – это была просто страшилка. Более того, мне на всю жизнь запомнился сдавленный крик-шепот испуганных в усмерть женщин: «Караул...». Уже став взрослой и имея своих детей, я страшно боялась, что и они в переходном возрасте смогут учудить что-нибудь подобное.

Но самое необъяснимое для меня это то, что когда я лет через двадцать заехала на денек в совершенно изменившуюся деревню Витово, то оказалось, что меня там вспоминают добрым словом и с грустью вздыхают, что современная молодежь уже не такая, в деревне стало совсем неинтересно, «а вот при тебе было совсем другое дело».

Вступление в комсомол и окончание школы.

Ну а в школе жизнь текла своим чередом. Пришла пора вступать в комсомол. Для вступления нужно было не только собственное желание, но и поручительство и характеристика от класса. Было четыре очереди, определяемые идейным уровнем ученика. В первую очередь, естественно, принимали самых продвинутых учениц, с хорошими отметками и поведением, отличившихся на общественной работе. Дальше – по убывающей. Так как в те времена быть комсомольцем было естественным, то и я, не взирая на бабушкино неудовольствие («ты еще не доросла, ты несерьезная, ты недостойна такого высокого звания») я очень хотела носить комсомольский значок.

Меня приняли только в третью очередь – для меня это было большое оскорбление. Ведь я, начиная со старших классов, очень интересовалась политикой, хотя меня к этому никто не принуждал. С большим удовольствием я читала газеты, хоть уже в те времена знала поговорку – «в Известиях нет известий, а в Правде нет правды». Я с ней была не согласна, однако мне всегда корбила часто встречаемая газетная фраза, употребляемая при обсуждении каких-либо событий в стране «...все, как один, поддержали (или осудили)...». Ну не может быть такое, и все.

Одним из самых умных политиков считала генерального прокурора Вышинского (как потом выяснилось, самого мрачного ретрограда и крючкотвора). Все, что происходило в стране, мне казалось правильным. Да, мы помогали бедным странам, несмотря на то, что наш народ живет явно не очень-то богато. Это тоже правильно. Ведь у нас не умирают от голода как в Африке, или как случалось при неурожае у нас в царские времена (см хотя бы рассказы про деревню А.П.Чехова). Мы сильные, победили немцев, у нас такие грандиозные стройки, работают заводы, фабрики, в колхозах получают хорошие урожаи (судя по великолепной картине «Кубанские казаки»). Нас боятся заграничные капиталисты. У нас много друзей в разных

странах потому, что мы за дружбу и справедливый мир, мы не хотим чужих богатств, нам не нужны зависимые колонии. Помогать слабым – это благородно, а иметь много денег для личного обогащения – это какое-то мещанство. Даже Христос говорил «скорее верблюд войдет в игольное ушко, чем богач в рай» (эту фразу я говорила бабушке, когда она пыталась мне возражать).

Вот с такими убеждениями, ничуть не фальшивя, я с радостью ходила на демонстрации, кричала ура, чувствовала себя свободной и счастливой. И такой я была отнюдь не одна, смею сказать, большинство, во всяком случае среди тех, кого я видела. Когда теперь иногда политики, видящие основное мировое зло в коммунистической идеологии, утверждают, что на демонстрацию ходили либо по разнарядке, либо за деньги – это ложь. В том то и трагедия нашего поколения, что подавляющее большинство шло на них радостно, как на настоящий праздник. «День седьмого ноября – красный день календаря» – он действительно был красным. Кстати, в советское время количество праздников, отмечаемых выходным днем, менялось, но в среднем их было меньше, чем сейчас. Мама рассказывала, что раньше выходным днем был день Парижской коммуны, однако я такого не помню. Зато помню два траурных выходных дня – 21 и 22 января, посвященных смерти Ленина. Но в 50-х годах его уже не было. Два дня полагалось на Первое мая и на Седьмое ноября, по одному дню на Девятое мая, День Сталинской конституции (5 декабря) и Новый год. И по-моему, все. Восьмое марта как выходной стали отмечать намного позже. Еще позднее прибавился и День советской армии.

Конечно, в народе отмечались и религиозные праздники, но на них специального выходного не было. В нашей семье вообще говорить о религии было не принято. Не было в доме никаких икон, но каждую Пасху у нас красились яйца, пеклись куличи, делалась очень вкусная пасха по каким-то старинным рецептам, а мы, то-есть мама, Танечка и я, отправлялись в Преображенский собор, пели «Христос воскрес из мертвых...», участвовали в крестном ходе вокруг собора, с удовольствием христосовались (во всяком случае я) с окружающими незнакомыми людьми. Там всегда было полно народа, шмыгали мальчишки, желая целоваться, присутствовало много милиционеров, следящих за порядком, а вовсе не разгоняющих толпу. Было весело, чувствовался народный праздник.

Мама, как глубоко религиозный человек, пыталась остаться и на заутреню, но я ее всячески тянула домой – ведь дома нас ждал накрытый бабушкой красивый праздничный стол, а для каждого под тарелочкой был подготовлен маленький подарок. Воспринимала я этот праздник как дань традициям, которых надо несомненно уважать. Поэтому на Новый год у нас всегда была наряженная елка со старинными, еще моего отца, игрушками, среди которых выделялся сверкающий ангел, на Вербное воскресенье – верба, на Троицу – березка.

Религиозных притеснений я не чувствовала. Когда при мне сносили Греческую церковь на Лиговке, я знала, что это не борьба с религией, тем более, что после войны церковь была заброшенной и превращенной в какой-то склад, а благоустройство города. Ведь вместо нее построили концертный зал Октябрьский, функционирующий и по сей день. То же самое можно было сказать о церквях и на улице Восстания и Садовой – вместо них построили станции метро. Может быть в архитектурном стиле они проигрывали старинным классическим зданиям (особенно на Садовой), но городу они были необходимы, а для желающих молиться, как мне казалось, церквей и так хватало.

Вообще с конца 40-х – в начале 50-х годов в городе во всю кипела работа, куда-то исчезли многочисленные развалины, строили новые дома, прокладывали дороги. С Невского убрали трамвайные пути и покрыли его новым асфальтом, открылась первая линия метро с великолепными подземными станциями – дворцами. Больше всех мне нравилась Пушкинская.

Открывались новые магазины, в частности на Невском во всю функционировал невероятно красивый Елисеевский (то, что сейчас – не такое, хотя тоже красивое), Пассаж, ДЛТ, Гостиный двор (в те времена похожий на Апраксин двор, то есть отдельные не связанные

между собою плохо отремонтированные магазинчики). В начале Невского был открыт большой магазин под названием «Смерть мужьям», где продавались дорогие эксклюзивные платья и костюмы из трикотажа. Открывались столовые, пирожковые. На улицах во всю торговали газировкой, разнообразным мороженым, причем очень вкусным (во всяком случае вкуснее, чем сейчас продается не только у нас, но и за границей), жареными теплыми пирожками как с повидлом, так и с мясом, капустой или рисом. Может это было и антисанитарно, но все равно вкусно и по цене вполне доступно.

В садах и парках по выходным играли духовые оркестры, что создавало определенное настроение, функционировали танцевальные площадки, где исполнялись вальсы, танго и фокстроты, а степенно прогуливающиеся горожане смотрели на танцующих с удовольствием.

В это послевоенное время при Сталине, по-моему, каждый год происходило снижение цен на продукты и ширпотреб, причем перечень подешевевших товаров занимал два разворота газетного листа. Пусть это были не такие уж сильные понижения, но в обществе создавали праздничное настроение и ощущение того, что жизнь упорно и для всех меняется к лучшему. Да и песни в эфире звучали преимущественно жизнерадостные. Во всяком случае мне казалось, что «жить стало радостней, жить стало веселей».

—

В 1953 году умер Сталин. Для страны и для меня лично это был просто шок. Толпы народа ринулись в Москву, чтобы участвовать в похоронах, забирались даже на крыши вагонов. Говорили, что были человеческие жертвы от давки.

Лично мне казалось, что жизнь остановилась. Я тогда была в 9-ом классе. Помню, мы стояли в почетном карауле у портрета Сталина, а потом колонной пошли на Дворцовую площадь. Туда валил народ, звучала траурная музыка. У меня в голове была одна мысль – если бы произошло чудо и можно было бы самой умереть, чтобы ОН остался жив, я была бы счастлива.

Наверное, таких, как я, были бы толпы. Но тут вдруг какой-то парнишка стал клеиться ко мне, говорить какие-то глупости. Я по сию пору помню охватившую меня невероятную злобу. С какой ненавистью и удовольствием я бы его уничтожила...

Вообще-то это страшно, оказывается весь мой гуманизм улетучивается по идейным соображениям, и я в глубине души была просто фанатичка, хотя теоретически фанатизм я всегда отвергала.

Дальнейшую учебу и выпускные экзамены вспоминаю смутно, видно они меня не очень затрагивали. Помню школьные комсомольские собрания, на которых прорабатывали неуспевающих и строили новые планы. На одном из них отчитывали мою подружку Милу Чуприну за то, что она сделала маникюр, в то время как с учебой у нее неважно. Я выступила против и процитировала А.С.Пушкина – «...быть можно дельным человеком и думать о красе ногтей». Сама-то я о них не думала, но ограничение свободы считала неприемлемым. Не помню, убедил ли я других.

В 1953 году в стране отменили раздельное обучение и объединили мужские и женские школы. Исключение сделали только для выпускных классов, то есть нас это объединение не коснулось, на учебе не отразилось. Мы с любопытством рассматривали этих чужих мальчишек, из-за которых в школе стало как-то слишком шумно, грязно и неудобно.

Училась я плохо, хотя отметки были хорошие, меня тянули на медаль. Причем, как стыдливый Альхен у Ильфа и Петрова, я понимала, что надо серьезно заниматься, ведь решается моя дальнейшая судьба, но все равно ленилась и из-за этого переживала. Моя бабушка все понимала, поэтому было еще тяжелее. Но у меня в это время были прямо-таки книжные запои, я читала даже по ночам. В основном это была отечественная и зарубежная классика. В результате я посадила зрение, стала близорукой, пришлось носить очки.

В момент сдачи выпускных экзаменов я, не отрываясь, читала «Сагу о Форсайтах». Шла на экзамен, на ходу читая книгу, и возвращалась, продолжая читать. А у окна стояла бабушка

и ужасно волновалась за результат. Но все прошло для меня благополучно, а вот что делать дальше – я не знала.

Раннее начало взрослой жизни.

Как и теперь, в те далекие годы было принято торжественно отмечать окончание школы. Были и напутственные праздничные речи, выступления, цветы, поздравления. Правда, это проходило далеко не так пышно, как это принято теперь, без Алых парусов, роскошного феерверка, концерта на Дворцовой поп-звезд и сногшибательных бальных туалетов, но все девочки были в нарядных белых платьях (миди) и с белыми бантами, в руках – букеты весенних цветов, воздушные шарик. Были и радость, и слезы.

В 1954 год в конце июня в Ленинграде стояла прекрасная погода, белые ночи, запах сирени, музыка на улицах, золотые дорожки на Неве... Для нас был арендован маленький пароходик, и мы на нем по Неве выплывали в залив. Теплый ветер, отблески зари на воде, ласковый плеск волн – короче, весь романтический набор присутствовал.

Лично я, наряженная в белое штапельное платье, испытывала наряду с растерянностью, высокий эмоциональный подъем. Меня переполняли какие-то необычайные внутренние силы, казалось, дайте мне рычаг, и я смогу перевернуть весь мир, сделать его прекрасным, справедливым и счастливым. Но вот что делать дальше самой и где этот рычаг? А пока мы ходили с подружками по городу (как он красив в теплые летние вечера!), со смехом принимали нелепые ухаживания мальчишек, я же все время читала стихи, как свои, так и классиков. Одним словом, лето 1954 года было для меня вероятно самым поэтическим. Конечно, стихи мои были никудышные, большинство из них я даже не записывала – рифмы так и лились сами собой, но некоторые из них я все еще помню. И вот одно, которое, как мне кажется, отражало мое юное восприятие мира:

Не хочу печалиться, не хочу грустить,
Буду улыбаться, а не слезы лить,
Весело смеяться, горячо любить,
Ведь такая радость в мире этом жить!
В мире том, где солнце по утрам встает,
Где волна морская нас в мечту зовет,
Где прозрачно небо, где светла вода,
Где не скроют солнца тучи никогда!
Ах, какое счастье мне дано судьбой
Жить под этим небом, под ночной звездой,
Видеть, наслаждаться, чувствовать, любить,
Вечно в сердце радость бытия носить!

Если учесть, что никаких конкретных лирических причин на то время у меня не было, то можно понять, насколько я была далека от реального восприятия жизненных забот. Для меня все вокруг было пропитано романтикой.

Но кругом говорили, что пора определяться. Конечно, поступать в Университет на биофак, куда меня упорно толкали, я категорически отказалась по двум причинам – во-первых я понимала, что бабушка рассчитывает на блат (дедушка все-таки был выдающимся биологом), а во-вторых, и наверное, это главное, в школе относительно меня сложилось твердое мнение, что «она -то уж в институт непременно поступит». Я конечно понимала, что школьных знаний моих маловато, но раз так считают, то, возможно, так и есть, и я могу выбрать для себя любую специальность. У меня был толстый сборник для поступающих в ВУЗы, но я все равно не могла ни на чем остановиться.

Рассуждая абстрактно, вероятно интересно стать астрономом, смотреть через телескоп в звездное небо, наблюдать за созвездиями, изучать зарождение и гибель иных миров, искать во Вселенной собратьев по разуму... Но кто-то из знающих взрослых сказал, что астрономы

очень редко смотрят в телескоп, а в основном занимаются математическими расчетами орбит различных небесных тел и другими скучными проблемами. Это мне явно не подходило.

Еще конечно интересно покорять океаны, изучать закономерности, происходящие в них, открывать новые острова, да и вообще, танцевать и купаться в морской пене с гирляндами цветов на шее где-нибудь в тропических морях (я в те времена зачитывалась рассказами Джека Лондона, а из художников мне очень нравился Гоген). Но как выяснилось, на океанолога брали только мальчиков.

Остался только Горный, где был факультет гидрогеологии, а ведь гидро – это вода. Значит мне надо туда, именно там были океаны и моря. Но на этот факультет был высокий конкурс 28 баллов из 30. Я столько и получила, поэтому спокойно подошла к списку поступивших. Но меня в нем не оказалось. Я – в деканат, там мне объяснили, что с таким баллом оказалось слишком много абитуриентов, и меня решили перевести на очень интересный нефтяной факультет, где был недобор. Это без моего-то согласия решили меня перевести на какой-то нефтяной факультет!.. (между прочим, как потом выяснилось, именно в это время на нефтяной факультет поступил мой будущий муж – золотой медалист). Я забрала свои документы и поехала домой страдать.

Бабушке я категорически запретила звонить куда-либо и договариваться через знакомых профессоров. Пусть им будет хуже, потеряли такую выдающуюся личность. С ногами я сидела в кресле, слушала пластинки и упивалась своим горем. Все мои подружки то поступили, а я... Мне представлялся уходящий поезд, я стою одна на перроне и их, моих друзей – ровесников мне уже никак не догнать.

Поездка на Кавказ.

Тем не менее, несмотря на страдания, я решила вместе с моей Валею осуществить важную мечту нашей жизни – посетить те места, «...где, сливаясь, шумят струи Арагви и Куры...», то есть, пройти пешком по Военно-Грузинской дороге. Не помню, как на это реагировала бабушка, но мы -таки поехали на Кавказ. Вероятно бабушка решила таким образом облегчить мне мои тяжелые душевные страдания.

Сейчас я могу уверенно сказать, что такая поездка двух совсем еще не приспособленных к самостоятельной жизни девочек была весьма опасной, хотя и запоминающейся.

Ехали мы на поезде до Тбилиси с пересадкой в Сухуми. Но в Сухуми мы впервые увидели яркое голубое море и решили, что здесь надо задержаться. На вокзале какая-то русская женщина предложила нам комнату, мы с радостью согласились, отнесли туда вещи и побежали на пустынный в такое раннее утро пляж. Я сразу бросилась в воду. Какая красота! Какое ласковое море! Так и хочется плыть куда-то вдаль, за буйки, там по- особому сверкает вода! Но вдруг я обратила внимание, что на перерез мне плывет какая-то темная фигура. Наверное, меня хотят оштрафовать за то, что я заплыла за буйки. Пришлось поворачивать назад. Фигура оказалась мужчиной, который плавал значительно быстрее меня. Как выяснилось, он просто хочет со мной познакомиться. Но это не входило в мои планы, большого труда стоило объяснить ему, что мне некогда и я опаздываю на поезд. Пришлось срочно уходить с пляжа.

Но и в городе было хорошо – полно тропической зелени, дурманящий запах магнолий, цветущие олеандры, приветливые светлые дома. Вот только встречные люди на нас как-то странно реагировали. Все мужское население на нас обращало просто нездоровое внимание. Возможно, дело было в том, что на нас с Валею были одеты брюки (тогда мода женщинам носить брюки только распространялась по стране), а здесь это было в диковинку. Встречные мужчины обязательно хотели с нами познакомиться. Однажды дело чуть ли не дошло до драки. Валя робко жалась к моему плечу, я активно огрызалась, словом, обстановка оказалась слишком напряженной, неприветливой.

К тому же в первые дни нашего пребывания у нас из кошелька исчезли деньги. Пришлось обратиться к квартирной хозяйке. Я, как более смелая, сказала, что вот он, кошелек, лежит на

столе, а деньги из него куда-то исчезли. Хозяйка обиделась на нас и выгнала вон. Мы с чемоданами направились на почту отсылать родителям телеграммы с просьбой срочно прислать нам денег на дальнейшее путешествие и возвращение домой.

Из Сухуми мы перебрались в Тбилиси. Конечно, город произвел сильное впечатление прежде всего тем, что он совсем не походил на наш северный, такой просторный, равнинный, холодный, геометрически выстроенный Ленинград с огромными площадями. Здесь было все более уютное, теплое, не прямолинейное, чувствовалась близость гор. Полно зелени. Дома тоже носили определенный национальный колорит. Даже река Кура, которая по ширине и полноводности может быть сравнима разве что с каналом Грибоедова или Мойкой, все равно была какой-то уютной, милой, говорливой, типично горной.

На узких извилистых улицах было полно приветливого народа, который с тобой приветливо общался. Утром по улицам ходили продавцы с огромными бутылками за спиной и пронзительно кричали:» Мациони!... мациони!» (между прочим, мациони – очень вкусный молочный продукт типа ряженки). Транспорт был тоже какой-то уютный, домашний. Если мы спрашивал у водителя, как удобней доехать до интересного для нас места, то он не только все нам подробно объяснял, но даже мог изменить маршрут общественного транспорта, чтобы довезти туда, куда нам нужно. Город, несомненно, понравился, хотя чрезмерное внимание мужского населения причиняло много неудобств. В частности, в центре города в каком-то определенном месте всегда собиралась группа молодых хорошо одетых красавцев, которые часами лениво рассматривали проходящих, отпуская вслед различные шуточки. Надо же, видимо они нигде не работали и нигде не учились.

Мы решили подняться на фуникулере на гору Давида, где находился, судя по путеводителю, прекрасный парк с экзотическими растениями. Был будний день, народу было мало. Не успели мы пройти и десятка шагов, как к нам подошел смотритель (а может и экскурсовод), который велел нам срочно уходить, так как он не хочет отвечать за нашу безопасность. Пришлось, ничего не посмотрев, спускаться вниз.

На склоне горы, высоко над Тбилиси, находится пантеон выдающихся людей. Там, в частности, похоронен А.С.Грибоедов и его красавица жены Нины Чавчавадзе. На могиле очень трогательная, сочиненная ею надпись.: «Жизнь и дела твои бессмертны в памяти русской, но зачем я пережила тебя, любовь моя».

Из Тбилиси мы вместе с экскурсией все-таки отправились в тот монастырь, «где, сливаясь, шумят струи Арагви и Куры». Он стоял на склоне поросшего лесом холма. Сам интерьер монастыря оказался довольно скромным, не помню никакой позолоты и драгоценностей, но на всю жизнь запомнилась одна икона – поясной портрет Иисуса Христа. У него был совершенно особый взгляд, секрет которого состоял в том, что из любой точки зала он пристально, прямо в душу, смотрел на тебя.

Мы внимательно слушали экскурсовода, любовались видами, но совершили одну ошибку – что-то спросили у стоящих рядом экскурсантов. После экскурсии мы с Валею решили позагорать и самим спуститься на дорогу. Но это оказалось очень трудным – в целом спуск напоминал партизанский рейд – мы скрывались, нас преследовали. Неслись вниз с невероятной скоростью, продираясь сквозь колючий кустарник, прыгая как горные козы, с высоких обрывов. Но в конце концов все закончилось благополучно – преследователи нас догнали уже у открытой дороги. Оказывается, мы произвели на них неизгладимое впечатление.

Дальнейшее путешествие по Военно-Грузинской дороге прошло без особых эксцессов, любовались горными красотами, не отрываясь от общей группы экскурсантов и в основном из окон автобуса..

К сожалению, лично меня все время преследовало какое-то чувство несвободы, казалось, что за нами все время следят. Поэтому ощущение того, что все хорошо, то, что хорошо конча-

ется, присутствовало. В холодный Ленинград я вернулась с большой радостью, и снова столкнулась с вопрошающими взглядами бабушки и с реальностью – что делать дальше.

Попытка поступления в институт.

Кто-то мне посоветовал поступать на вечерний или заочный, факультет, но в Горном по специальности гидрогеология не было ни того, ни другого. В Горном институте был лишь заочный филиал московского нефтехимического института имени Губкина. Что делать? А время шло. Даже мама упрекала меня, что я сижу и бездельничаю. Пришлось послать в Москву копию моего отличного аттестата и результатов вступительных экзаменов. Завязалась переписка. Прием абитуриентов у них начинался только с Нового года и то при наличии справки с места работы. Какой работы? Куда я пойду? Как ее надо искать?

Я продолжала страдать, сидя в кресле. Бабушка не выдержала и позвонила к академику Д.В.Наливкину, зав. кафедрой в Горном институте. Он удивился, что так поздно к нему обратились, ведь уже ноябрь и занятия в сформированных группах давно идут. Предложил отсрочить зачисление на гидрогеологию на следующий год, но я сказала, что это невозможно. Тогда он предложил написать в Москву в деканат письмо, что хоть я временно не работаю, но он знает меня как способную и старательную студентку и просит зачислить без экзаменов к ним в институт. Письмо он написал, пришел ответ из Москвы на мое имя, в котором говорилось, что пользоваться блатом в таком юном возрасте недостойно звания комсомолки и советского человека. Я могу поступить в их институт лишь на общих основаниях, только при наличии справки с работы и по конкурсу на основании результатов новых вступительных экзаменов. Это убедило меня, что слушаться никаких взрослых советов нельзя, а жизнь моя просто закончена.

И вдруг раздался телефонный звонок и незнакомый мужской голос сказал, что в научно-исследовательском геолого-разведочном нефтяном институте ВНИГРИ требуется коллектор, и надо обратиться в отдел кадров по адресу Литейный 39. Хоть я и подозревала, что без бабушки здесь не обошлось, но, окрыленная, бегом побежала на Литейный, благо это было близко от дома. Короче, моя дальнейшая судьба решилась, а ВНИГРИ стал тем стержнем, вокруг которого складывалась вся моя последующая сознательная жизнь.

Юность. Начало работы во ВНИГРИ.

Вступительные экзамены в МИНХ я сдала на сплошные пятерки и стала студенткой-заочницей факультета нефтяной геологии.

Это должно было бы стать мне уроком – от гонора отказалась быть студенткой дневного нефтяного факультета в Горном институте, и после длительных и неприятных хлопот стала студенткой-заочницей нефтяного же факультета, но в Москве. Однако с учебой дело обстояло не так уж плохо. Лекции, на которые я в первом семестре ходила довольно регулярно, проходили в Горном.

Группа заочников, в которую я попала, состояла преимущественно из великовозрастных производственников, давно закончивших школу и благополучно забывших все школьные науки. Поэтому я на их фоне была звездой первой величины. Ко мне все время обращались для решения задач по математике и физике. Преподаватели ко мне прикрепляли отстающих, короче, я чувствовала свою значимость. А вот дружеских отношений я ни с кем не завела – очень уж мне все казались старыми, глупыми и неинтересными. Лица мужского пола так вообще отвратительными. Там сложилась группка особенно противных парней еврейской национальности, высокомерных и насмешливых, также, как и я, не прошедших по конкурсу. Они меня буквально изводили своим чрезмерным и явно недружеским вниманием. По вечерам они звонили мне по телефону и говорили всякие скабрзные гадости, при встрече старались меня как-нибудь задеть и обидеть. «Что я им сделала? Почему они меня так ненавидят? Ведь я никого из них никогда не трогала и не обижала» – страдала я дома и не могла понять, – неужели они меня считают антисемиткой, но ведь это совсем не так.

Через много лет, когда один из этой группы оказался в нашем секторе, я у него спросила, почему они меня так преследовали. Он мне ответил: «Потому, что ты нам очень нравилась». Никогда бы не подумала. Но тогда из-за них мне даже не хотелось ходить на занятия.

Осенью 1956 года вся страна была потрясена так называемыми Венгерскими событиями – в Будапеште произошло массовое восстание против коммунистического режима. На его подавление были брошены войска государств – членов Варшавского договора, а по сути в основном советские войска. Молодежь бурлила. Я очень хорошо помню переполненный огромный актовъй зал в Горном институте, все шумели, что-то кричали. И вдруг на сцену выскочила девушка и в микрофон прокричала стихи. В них были такие строки:

Там детская кровь заливает асфальт!

Там русское – стой, как немецкое – хальт!...

Зал буквально взревел. Все мы по набережной толпой направились на Дворцовую площадь. По пути к нам присоединились студенты Университета. На площади тоже было много горячих слов и лозунгов. Я не помню, чтобы нас разгоняла милиция.

В прессе эти события отражались скупо как мелкие хулиганские выступления. Но на самом деле эти события, как мне кажется, были началом разрушения нашей страны, во всяком случае, веры в ее непогрешимость и в гуманизм социалистических лозунгов о свободе, равенстве и братстве. Я знаю, что с десятков студентов Университета и Горного института были исключены, но постепенно все как-то успокоилось, и жизнь пошла своим чередом. У меня эти события оставили ощущение невероятного порыва и единения в борьбе за справедливость, за честь и достоинство своей страны, которая не смеет никого угнетать, которая обязана быть светочем правды и справедливости (боже, какая я была дура). Еще долго я чувствовала себя некомфортно на занятиях и лекциях. Потихоньку интерес к учебе падал.

И только спустя полвека я узнала правду об э тих событиях в Венгрии, которые были совсем не так однозначны. Ведь там в результате их изменившейся государственной политики, направленной на борьбу с коммунистической идеологией, на улицы вышли толпы фашиствующих националистов, которые вылавливали, избивали, вешали противников. Происходили настоящие погромы, сопровождавшиеся жуткими убийствами коммунистов или сочувствующих им. Ввод советских войск должен был прекратить эти погромы.

На работе дела обстояли еще менее благоприятно. Конечно, само помещение центрального корпуса ВНИГРИ производил впечатление. Это бывший особняк Пашкова (архитектор Боссе), проданный им государству под Департамент уделов и прослуживший в этом качестве до революции. Каждый день мы входили в ту самую дверь, которая была воспета Некрасовым, и на которую он часто смотрел из дома Панаевых: «Вот парадный подъезд. По торжественным дням, одержимый холопским недугом, целый город с каким-то испугом подъезжает к заветным дверям».

На входе сотрудников встречали две огромные бронзовые фигуры буйвола и бизона. Широкая лестница вела в просторный вестибюль с огромным от пола до потолка сводчатым окном. Окно выходило в маленький собственный садик с круглым, в наше время не функционирующим фонтаном, окруженным разнообразными деревьями, в основном кленами. Могу смело сказать, что осенью вид из этого окна был непередаваемо прекрасным.

С горечью должна отметить, что в последствии, когда наш обедневший институт был вынужден сначала частично, а потом полностью покинуть это здание, так как арендная плата стала непосильной, в него въехала более богатая государственная организация – городское управление по экологии. Первым делом, экологи убрали фонтан, вырубили все деревья, заасфальтировали дворик и сделали в нем для себя отличную автомобильную стоянку.

Рабочие кабинеты находились в роскошных дворцовых апартаментах, некоторые из которых были разделены невысокими деревянными перегородками. Само собой разумеется, что

никакие даже самые мелкие переделки, типа вбить гвоздик или прикрепить бумажку кнопкой к стене не разрешались.

Помимо прекрасного дореволюционного декора стен и потолка, находившегося в приличном состоянии, в кабинетах сохранились и очень красивые мраморные каминные. Мебель, конечно, была своя, канцелярская.

Я попала в бывшую библиотеку – огромный мрачноватый зал на первом этаже, с пола до потолка обитый резными дубовыми панелями, в котором за разгороженными канцелярскими шкафами столами, заваленными бумагами, сидело человек 20.

В общем, внешняя обстановка была, на мой взгляд, вполне подходящая, но вот сама работа от 9 до 18 час, а главное, мое непосредственное начальство, ввергали меня в уныние. Это была Татьяна Львовна Дервиз. Такую фамилию я не так давно встретила в книге описания архитектурных достопримечательностей особняков Ленинграда. Наверное, она была из тех потомков. Во всяком случае внешне она напоминала злую высокомерную классную даму средних лет. Ни с кем из сотрудников она не общалась, никто не хотел с нею работать. Наверное, потому и была в отделе кадров к ней вакансия. Вообще-то по профессии она была стратиграфом. Мне она давала копировать каротажные кривые – для таких неумех, как я, это были совершенно неинтересные линии разных цветов, которые получаются при прохождении сквозь толщу земли определенных электрических разрядов.

Чтобы не уснуть от скуки, я про себя пела песни или читала стихи. Как-то Татьяна Львовна вдруг передала мне записку и велела прочитать ее дома. В ней было написано примерно следующее: «Люся, у вас есть дурная привычка – когда вы что-нибудь делаете, вы шевелите губами. Такая привычка раньше была у кучеров для привлечения к себе внимания пассажиров. Не делайте этого, это вульгарно». После такого послания я совсем приуныла. Хорошо хоть в скором времени у нас начинались сборы на первые для меня полевые работы. Но об этом немного позже, а сейчас я хочу рассказать о событии, которое как мне кажется, было для меня самым тяжелым в жизни.

Смерть бабушки.

В конце марта 1956 года умерла бабушка. Она уже давно страдала от астмы, часто принимала нитроглицерин и прыскала в рот какое-то средство. Но мы с ней в после школьный период как-то особенно сблизились. Часто сидели вдвоем, слушали пластинки, играли в музыкальную викторину. Бабушка была очень рада, что я устроилась на работу, а когда я получила первую зарплату и разложила купюры, как пасьянс, на столе, она чуть ли не прослезилась.

У нас с ней была твердая договоренность, что я ни при каких обстоятельствах не буду приходить домой позднее 11 часов, и я это четко соблюдала. Когда я вечером торопилась домой, то всегда знала, что у окна стоит бабушка и ждет меня.

И вот в начале года она получила толстую бандероль из Норильска, в которой были Левушкины бумаги и письмо. В нем сообщалось, что Левушка умер в больнице от воспаления легких. Это ее полностью подкосило – ведь судя по имеющейся между ними интенсивной переписке, она его ожидала домой уже этим летом.

Бабушка больше не вставала, сидела в кресле и почти все время молчала. Мама и Танечка всячески ухаживали за ней, я пыталась ее развеселить, что-то рассказывала ей, но все было напрасно. На 8-ое марта я на свои деньги купила ей очень красивую чашку, на которой написала «бабушке от внучки в день 8-го марта». Она с трудом приоткрыла глаза и шепнула – «спасибо, ласточка». Больше она не открывала глаз и ничего не говорила. Умерла через две недели тихо, во сне. Чашку я разбила.

Мама с Танечкой пытались меня утешить. Говорили, годы, что ж поделаешь. Я молчала и не плакала.

Похороны помню смутно. Знаю, что ее отпевали в Преображенском соборе. Я стояла в сторонке, священник говорил какие-то непонятные слова, а у меня было состояние, близкое к

экстазу. Мне казалось, что мы вместе с бабушкой в каких-то сверкающих высотах узнаем самое главное. Вдруг меня кто-то дернул за рукав – «вынь руки из кармана, нехрень паршивая» – проговорила какая-то незнакомая старушка. На этом мое общение с Богом закончилось.

Дома все казалось пустынным и ненужным, даже мелькала мысль о суициде. Если- бы была водка, я бы запила, но ее не было, поэтому я написала стихотворение, вспоминая которое я плачу.

Ночь, комната. Четыре угла. Раз -два, раз – два.
Дверь, окно, стола круг. Сжат комок бесполезных рук.
Часы четверть бьют, ускоряю шаг. Уже сотни лет я хожу так
От окна к стене и назад, шагая с минутами в лад.
Слезы высохли на века. Словно плетть, не нужна рука.
Одинока. Одна, одна. Раз-два, раз-два.

По каким-то непонятным мне психологическим причинам, на первое мая пригласила к нам малознакомую мне компанию молодежи. Мама отговаривала меня – «Люся, что ты делаешь, ведь у нас траур». Но я говорила – ничего, пусть будет весело. Действительно, шумели, пили, пели, танцевали, но веселей не стало. Поэтому моя поездка в экспедицию в Западную Сибирь была для меня необходимым и настоящим лекарством.

Сейчас, вспоминая те давние времена, я поражаюсь, насколько неподготовленной я вступила во взрослую жизнь. Я была каким-то колючим комнатным цветочком, который считал себя свободным, ни от кого не зависящим перекати-полем. Ведь до смерти бабушки я практически и в трамвае то одна не ездила. Деньги вообще не входили в круг моих интересов, в магазины я не ходила – все, что мне нужно, мне покупали, для этого не надо было просить. Да мне и не нужно было ничего – есть какая-то одежда, обувь, за меня до 18 лет выплачивали пенсию (за дедушку, который ведь по документам был моим отцом), а теперь я получала зарплату (то, что она была минимально возможная по тем временам – 500 руб – меня не смущало) – короче, что еще нужно?

Я по-прежнему покупала пластинки, ходила в преимущественно музыкальные театры, в Эрмитаж и Русский музей, изредка – в кино, иногда со школьными подружками, а чаще – с Вaley.

Гуляли по Неве. Я читала свои стихи, она – свои. Да и по дому я ничего не делала – уборка, стирка, готовка, все это делалось как-то само собой и без меня.

И вот я попала в первую в моей жизни экспедицию, да еще под началом очень своеобразной женщины.

Первая экспедиция. Западная Сибирь.

Итак, летом 1956 года я оказалась в Новосибирске. На то время город меня поразила своей пустынностью. Большие современные, но скучные здания, широкие малолюдные улицы, мало машин. Огромный, но опять-таки скучный мост через серую широченную Обь.

Два огромных театра – театр оперы и балета и драматический театр Красный факел тоже произвели на меня довольно удручающее впечатление, особенно первый. Как мне сообщили, его труппа состояла целиком из выпускников Ленинградского и Московского хореографических училищ и консерваторий. Репертуар был классический. Билеты в театральных кассах были на все спектакли, и я покупала самые дешевые на последний ярус. Каково же было мое удивление, когда меня провели в партер в огромный полупустой зрительный зал, где я могла выбрать себе самое удобное место, а двери на балкон и ярусы оказались заколоченными досками. Зрителей было совсем мало, артисты выступали великолепно, мне их было очень жаль, и я старательно аплодировала. Как любительница хореографии, я с удовольствием просмотрела весь репертуар.

Также мало народу было и в драматическом театре. И вообще, к одиннадцати часам город казался совершенно безлюдным.

В центре, где мы остановились в огромном недавно построенном помещении ЗапСибНИГРИ, нам для работы выделили большой кабинет, в котором на ночь мы расстилали свои спальные мешки. А днем сидели за переписыванием каких-то отчетов. Так как предмет изучения мне был совсем неизвестен, мне было неинтересно, и я с нетерпением ждала нашего отъезда в настоящее поле, тем более, что наша группа пополнилась двумя студентами местного техникума – девочкой и мальчиком, а также молодым парнем – шофером.

С них С девочкой Ниной мы сразу сдружились, а вот парни казались исключительно противными, особенно студент.

Наконец мы тронулись в путь. У нас была грузовая машина ГАЗ-51 с тентом, которая потом нередко заменяла нам дом, и подробная топографическая карта южной части Сибири. Нужно было ехать на какие-то определенные точки, где находились обнажения коренных пород. Для этого по карте выбирали подъездные дороги улучшенного типа, изображавшиеся в виде двух параллельных линий. Вот тут-то я впервые познакомилась с русским бездорожьем. Дороги были грунтовые, глинистые. Чтобы на них не скапливались воды, все они были слегка выпуклые, поэтому даже после небольшого дождя они становились скользкими, и машины сползали с них в кювет.

Общее впечатление от первого маршрута – нам без конца приходилось вытаскивать нашу машину. Хорошо еще, что нам всегда охотно помогали встречные шоферы. В одном месте значительная часть дороги была вся засыпана зерном. Говорили, что целинники (а это было время Хрущева и поднятой целины) были вынуждены таким манером делать дороги проезжими, засыпая лужи.

Помимо дороги, большое впечатление на меня произвел проезжаемый нами лес. Но не красотой, так как лес был довольно однообразный, болотистый и равнинный, а своей дремучестью, подавляющей огромностью, а также зарослями смородины самого высокого качества. Ягода была спелая, сладкая, поэтому мы прямо объедались.

Из-за качества дорог, до нужных точек удобней было добираться на поезде. Поэтому Татьяна Львовна взяла себе в помощь студентов и с ними поехала на следующую точку по железной дороге. Меня же с шофером и машиной отправила своим ходом. Причем меня сделала ответственной.

Где-то на трассе машина сломалась. Оказывается, у нее полетела помпа. Нас на буксире дотасили до ближайшего села, находившегося недалеко от железной дороги. Там определили, что чинить эту помпу можно только в автомастерской города Мариинска, примерно в 50-ти километрах от нашего села.

Что делать? Помпа эта весила, по-моему, килограмма 3-4. Я, как ответственная, приняла первое в моей жизни решение – надо ехать на поезде в Мариинск. Положила помпу в рюкзак, рюкзак – на плечи, и вместе с шофером отправилась на станцию. Но пассажирские составы на ней не останавливались, зато товарные составы притормаживали, а некоторые даже стояли. С большим трудом нам удалось забраться на площадку медленнодвигающегося в нужную сторону состава. Поехали.

Но мы были не одни, таких безбилетников в поезде хватало. Вдруг по составу разнеслась весть, что в Мариинске облава, милиция вылавливает безбилетников. Надо перед городом прыгать с поезда.

Состав, конечно, шел медленно, но я еще не имела в этом деле опыта, и поэтому трусила. На повороте шофер спрыгнул, я – за ним, предварительно надев за спину рюкзак с помпой. Удар был ощутимый, я с трудом встала, и мы поплелись в Мариинск.

Вообще-то это был небольшой поселок городского типа. Я отдала злополучную помпу шоферу (как его звали – не помню), а сама поплелась в дом приезжих – очень болела спина.

Это оказалось деревянное двухэтажное здание. Так как был полдень, то народу в нем практически не было. Дежурная оформила меня и сказала, чтобы я поднималась по лестнице на второй этаж, а там повернула бы направо в большую комнату для женщин, где я могу себе выбрать любую кровать, так как постояльцев пока нет. Я, чуть живая от усталости и боли, так и сделала.

Действительно, в огромной комнате не было ни души. Я выбрала себе кровать у стенки, разделась и уснула. Проснулась уже вечером от громких мужских голосов и табачного дыма. Оказалось, что я попала в мужскую комнату. Вероятно повернула не направо, а налево. В результате мне пришлось, закутавшись с головой в одеяло, наслаждаться звоном бутылок и мужским матом до поздней ночи в ожидании, когда все уснут и я смогу незаметно выскользнуть.

Утром встретила шофера, вместе с ним сходили в мастерскую. Там помпу починили, я заплатила, сколько нужно, но когда я стала, как меня учила начальница, просить квитанцию об оплате, мне дали только письменную расписку. Потом Татьяна Львовна эту расписку от меня не приняла – такое в бухгалтерии не проходит.

Вообще, эта первая моя экспедиция в настоящее время вспоминается с улыбкой – сколько было забавных и нелепых ситуаций. Наверное, самой забавной была я сама. К примеру, вот такая картинка: Большое сибирское село, воскресенье, солнечный день. Начальница посылает меня в сельсовет по какому-то поручению. Я, одетая как настоящий геолог – шаровары, кавбойка, куртка с множеством карманов, через плечо с одного бока – полевой бинокль, с другого – полевая сумка-планшет, на голове – берет, на шее – яркий платочек – иду по центральной сельской улице, полна собственной значимости. У ворот на скамейках сидят бабы. С интересом смотрят на это чужеродное явление. Впереди дорогу переходит стайка гусей. Я насторожилась. Вроде бы они уже перешли на другую сторону и опасности нет, но вдруг от стаи отделился один гусак и с шипением, растопырив крылья, побежал прямо на меня.

Сначала я, стараясь сохранить достоинство, просто убыстряла шаг, но после того, как он преболно ущипнул меня, позорно побежала, на ходу отмахиваясь от него молотком. Гусь оказался настырным и прогнал меня прямо до сельсовета под хохот окружающих.

Или другой забавный эпизод, который мог кончиться совсем невесело. Наш отряд, состоявший по-прежнему из пяти человек, остановился на берегу реки Томь, немного не доезжая до крупного города (по-моему Абакана). Начальница решила здесь сделать временный лагерь и поставить палатки. Место было красивое, пустынное. На другом берегу неширокой реки зеленел лес, а на нашем – песчанистый луг.

Разгрузили машину, и нас с Ниной оставили обустраивать лагерь, а сами поехали в город. Мы быстро справились с поручениями.

А солнце печет, тепло, хорошо. Очень захотелось искупаться. Купального костюма у меня не было. Следует отметить, что в этом возрасте я была довольно упитанной, белотелой, в результате сибирских дорог вся покрытая синяками, особенно выделяющимися на белом фоне. Нижнее белье не отличалось изяществом – трикотажные панталоны и белый сатиновый бюстгальтер.

Нина не решилась лезть в воду и мне не советовала – река незнакомая, мало ли что. Она только загорала. Но мне хотелось показать ей класс – ведь я плавала даже в море (Финский и Рижский заливы), а наша Нева намного шире этой речки, которую мне переплыть ничего не стоит (не шире Фонтанки). Поэтому я смело вступила в воду и поплыла на противоположный берег.

Вода – теплая, солнышко светит, как хорошо! Вот что-то берег очень медленно приближается. Я прибавила скорости, но до берега все еще далеко. Попыталась ногой дотянуться до дна – меня что-то чиркнуло по ноге. Я поняла, что это течение. Оказывается, оно бывает силь-

ное, встать на дно я не смогу и вылезти на берег – тоже. До этого я никогда с чем-либо подобным не сталкивалась.

Нужно повернуть и плыть назад. Но к моему ужасу наш берег и лагерь исчезли, меня унесло куда-то далеко, а речка превратилась в широченную реку. Как я потом поняла, наш лагерь был поставлен на одном из рукавов Томи. Меня уже несло течением вдоль к Абакану.

Следует отметить, что день был солнечный, теплый, воскресный, набережная реки Томь являлась центральной улицей города. Вдоль реки был городской пляж, вокруг было полно купающихся и лодок.

Меня несло по середине реки. Самостоятельно доплыть до берега не было сил, попросить о помощи, помня свой купальный костюм, было просто невозможно. Я уже думала, не пора ли мне кричать свою последнюю фразу: «Вещи -маме, дневник – Вале», но постеснялась портить окружающим хорошее настроение. Перевернулась на спину и, глядя в чистое небо предалась течению, прекратив борьбу за жизнь. Очнулась я от того, что мой затылок обо что-то стукнулся. Я перевернулась на живот и увидела, что река уже вынесла меня за пределы города. Я нахожусь под железнодорожным мостом, за которым начинался сплав леса. Кругом плыли бревна. Держась за них, я выбралась на пустынный берег.

Что делать? В лагерь нужно возвращаться через весь город, а это не один километр. В воду я больше не полезу. Положение безвыходное. Сидела и рыдала, обхватив колени руками.

И все же пришлось, не обращая внимания на удивленные взгляды, смешки и раздававшиеся вслед мне реплики, с ревом бегом пронестись по оживленной набережной.

Конечно, это был хороший урок.

—

Между тем работа шла своим чередом, интереса во мне не вызывала. Мы с Ниной дружно презирали нашего студента-рабочего, которому начальница поручила следить за нашим моральным обликом и докладывать ей. Однако прямых столкновений в партии не было. Время от времени мы возвращались в Новосибирск.

В одно из таких возвращений я в столовой, куда мы зашли перекусить, забыла свою сумку, и это оказалось очень серьезной проблемой. Я потеряла все свои документы, какие-то деньги, а также собранные нами геологические материалы. Пришлось обратиться в милицию. Там сообщили, что если паспорт не найдется втечение ближайших дней, то мне необходимо оформить временный паспорт. Он не нашелся, и я, заплатив положенный штраф, получила временный (на три месяца) новосибирский паспорт. Одновременно по настоянию начальницы я оформила дубликат командировки и допуска к секретным работам, а в Горном институте – дубликат студенческого билета и зачетной книжки. Само собой разумеется, что хранившиеся у меня квитанции для авансового отчета также пропали безвозвратно.

Но этого оказалось мало. Начальница велела мне одной ехать на разведку, где мы до этого все вместе описывали керн, и добирать мною утерянные геологические материалы. Мне были выделены деньги на проезд и суточные. Билеты я купила, а все, что осталось – потратила на какую-то ерунду, ведь в наше время с голоду не умирают, как-нибудь проживу.

И вот я сижу в плацкартном вагоне, кругом полно добродушного, приветливого народа, все достают свои пожитки и начинается пиршество. Я забираюсь на третью багажную полку чтобы не мешать общей трапезе. Уверяю, что сыта (действительно, часа три назад я купила самую дешевую банку консервов – горбуша в собственном соку – и всю ее съела со свежим хлебом).

Когда трапеза закончилась и продукты были убраны, я с достоинством слезла вниз, достала из рюкзака алюминиевую кружку, налила в нее воды из титана, развернула оставшуюся у меня корку хлеба и обмакнула его в воду. Дальше – немая сцена, которая сопровождала мои приготовления, закончилась, и все окружающие с шумом и причитаниями стали мне сносить разные вкусы.

Я понимаю, с моей стороны это было типичное нахальство, но люди меня так искренне кормили, так опекали, кругом было все так душевно и тепло...

На станции Итат, где мне надо было сходить, меня провожали чуть-ли не всем вагоном. Беспокоились, как бы я не заблудилась, хотя весь поселок состоял из одной улицы. Предупреждали, чтобы я была внимательной, так как там работают штрафники.

После такого прощания и напутствий я с рюкзачком бодро пошла по дороге, вот только не успела спросить, в какую надо идти сторону. Вечерело, а разведка все не показывалась. Народу на улице не было, все дома окружены высокими глухими деревянными заборами, спросить не у кого. Наконец стало понятно, что я шла как раз в противоположную сторону – начиналась тайга. Я повернулась и пошла назад.

Стало уже совсем темно, надо проситься на ночлег. Но мои попытки napроситься на ночлег не увенчались успехом – либо мне на стук в ворота не отвечали, либо когда я говорила, что мне нужна разведка, отвечали, что у них нет места, а ты иди себе прямо (может быть действительно боялись штрафников).

Между тем наступила настоящая осенняя ночь. Я выбрала забор, за которым наиболее отчаянно лаяла собака, выбрала сухое местечко и легла спать.

Сейчас даже трудно понять, почему я была так счастлива! Конечно, в голове бродили стишки про малютку, который «так устал и весь продрог», но я смотрела на редкие звезды, слушала лай собаки, а душу мою распирало ощущение абсолютной свободы. Я ни о ком не беспокоилась, мне ничего было не надо, я ничего не хотела и никуда не стремилась. Так хорошо смотреть в небо и ощущать бесконечность мира, частичкой которого являюсь и я...

С такими мыслями уснула, проснулась же от того, что на меня падал первый снег. Встала, отряхнулась, и улыбаясь от счастья, зашагала на разведку. Там я за несколько дней выполнила, что мне было поручено, а с едой было то же, что и в поезде. В общем, от голода не умерла.

Настало время отъезда в Ленинград. Татьяна Львовна наконец-то выплатила всю причитающуюся мне зарплату. До этого она мне денег практически не давала, считая, что я их потаю. На еду мне денег было не нужно, так как мы питались все вместе в столовых общепита, когда они попадались на пути нашего следования.

Обычно мы ели не чаще, чем один раз в сутки. Все это не могло не сказаться на внешнем виде – еще месяц назад мама, получив мою полевую фотографию, была так напугана, что выслала мне денег на обратный билет. Ну а с зарплатой я расправилась очень быстро – прежде всего купила себе фотоаппарат ФЭТ и необходимые к нему причиндалы, а на остальное – подарки маме и Танечке.

Ехала я в плацкартном вагоне (в купейном проезд нам не оплачивали). Опять-таки меня переполняла гордость за самостоятельность и независимость. Я стояла в коридоре у окна с фотоаппаратом и с интересом смотрела на проплывающий пейзаж. Вот красивый мост через реку, около него стоит пограничник. Я его сфотографировала и помахала ему рукой. А вот тоннель, тоже красиво.

В общем, я во всю фотографировала пейзажи, радовалась жизни, была хороша собой с фотоаппаратом, биноклем и новой полевой сумкой. Мне улыбались, со всеми в вагоне оживленно общалась. И вдруг ко мне подходит проводник и просит, чтобы я зашла к нему в купе, там меня ждут. Я с интересом пошла за ним. Там сидело два серьезных человека. Меня попросили предъявить паспорт. Я показала свой временный. Покажите командировку. Я показала дубликат. Есть ли у вас что-нибудь более постоянное? Я показала дубликат студенческого билета. Тогда меня спросили, что я делала в вагоне у окна. Я сказала, что фотографировала. Мне было велено срочно засветить пленку. Пришлось признаться, что я не умею этого делать, так как только что купила аппарат, и пленку в него мне вставили. По тому, как я судорожно нажимала на все кнопки, они, наверное, поняли, что я не вру, поэтому сами вынули пленку. «Но в чем дело, разве нельзя фотографировать?». «Нельзя военные объекты». «Разве мосты,

тоннели военные? Ведь об этом нигде не написано». «Да. Надо соображать. Так и быть, мы не будем снимать вас с поезда, но сообщим, куда следует». Завершение моей первой взрослой поездки было окончательно испорчено.

Но история с потерянными документами на этом не закончилась. В Ленинграде в милиции мне пришлось долго объяснять, почему я взяла временный паспорт в Новосибирске, затем уплатить штраф за новый Ленинградский, а затем началась трехлетняя проблема с пропиской. Дело в том, что по совету районной паспортистки, я для того, чтобы получить постоянную прописку в новом паспорте, должна была сначала выписаться, что я и сделала. Но оказалось, что это был плохой совет – теперь мне давали только временную прописку, которую надо было возобновлять каждые полгода. И каждые полгода я аккуратно писала в заявлении, что, как основной квартиросъемщик, не возражаю против своего вселения по своему адресу. Вот такие были правила.

Жизнь во ВНИГРИ.

По возвращении в Ленинград жизнь моя более или менее наладилась. Во ВНИГРИ у меня стали появляться приятели, я уже не сидела целыми днями, как бирюк, за копированием карточек, а занималась чем-то более осмысленным. Меня вовлекали в какие-то общие беседы, мероприятия. Я даже принимала участие в общественной жизни – участвовала в художественной самодеятельности – в праздничных концертах читала стихи (не свои, конечно).

Надо сказать, что я еще в школе в старших классах занималась в драматическом кружке, который вела старая, довольно известная в городе актриса Караткевич. Она даже определила мое амплуа – трагические героини или старухи. В разыгрываемых нами пьесах, за неимением трагических героинь, я исполняла роли старух. В частности, в спектакле «Двенадцать месяцев» я была бабой Ягой, и несмотря на мой неудачный выход (я должна была появиться на сцене у костра в результате кувырка, но кувырок не получился, и я упала прямо в импровизированный костер), преподавательница советовала мне попытаться поступить в Театральный институт.

Мое последнее публичное выступление помню хорошо. Оно было на какой-то общественный праздник. Набрался полный актовый зал зрителей. Я прочитала с выражением стихотворение Роберта Бернса «Ты свисти, тебя не заставлю я ждать...». Мне оно казалось воплощением юношеской чистой и бесхитростной любви. Удовлетворенная своим выступлением, довольная и гордая, я села на место. Потом мне донесли отзыв одной взрослой женщины: «Вышла шустрая молоденькая особа и с наивным видом прочитала какое-то скабрёзное стихотворение». На этом мое участие в художественной самодеятельности закончилось навсегда.

Благодаря активному общению с местной молодежью, мне удалось сменить работодателя – я ушла от слишком уж своеобразной Татьяны Львовны и ее скучных карточек в новый, только что сформированный в институте под руководством профессора Е.М.Смехова, отдел трещиноватости. Непосредственным моим начальником стала Майя Ромашова – молодой специалист, невысокая очень симпатичная девушка с сильным самолюбивым характером, которая в отношениях со мной строго держала дистанцию.

Тематика, которой занимался наш отдел, была в общих чертах мне понятна – выявление причин и закономерностей возникновения и развития трещин разного масштаба в горных породах земной коры, и изучение их влияния на фильтрацию по ним жидкостей, в том числе и нефти. Она мне казалась важной, глобальной, а значит, интересной.

Наш институт оказался в стране пионером в изучении этой проблемы, кстати, не потерявшей своей актуальности и до сих пор. Но на то время самым главным для меня была открывающаяся возможность ездить в экспедиции в разные экзотические места, где коренные горные породы не скрыты под покровом почвы, как в Западной Сибири, а обнажены, и мы можем в них изучать эту самую трещиноватость.

И первый регион, где я оказалась – это Средняя Азия, а конкретно, отроги Гисарского хребта, формирующего целый ряд более мелких хребтов и входящих, в свою очередь, в Памирскую горную систему.

Средняя Азия.

Итак, в течение нескольких лет я выезжала на полевые работы в Среднюю Азию. Это было как попасть из современных скучных северных краев в южную сказку типа 1001 ночи. И дело, конечно, не только в климате, но и во всем образе жизни местного населения.

В качестве базы был для нашей партии выбран город Термез, находящийся на границе с Афганистаном и считавшийся в советские времена самым жарким местом Советского Союза. Дело в том, что он находился во впадине, поэтому горячий воздух в нем застаивался. Если на севере существовала критическая минусовая температура, при которой не рекомендовали выпускать детей на улицу, да и взрослым по возможности не выходить, то здесь на юге существовала критическая положительная температура, по которой тоже рекомендовалось сидеть дома в тени и на улицу не выходить. По-моему это было порядка +40° в тени, во всяком случае мы однажды такой день застали. Могу сказать, что у всех сидевших в чайхане мужчин и распивавших горячие чаи, на шее были полотенца, которыми они усиленно вытирали пот.

Следует отметить, что в Средней Азии пьют только зеленый чай, никогда не кладут в него песок. Хозяева наливают уважаемым гостям чаю не более половины пиалы, с тем, чтобы иметь удовольствие подливать им горячий.

Мы вначале пользовались привезенным нами из дома черным чаем, но скоро поняли, что он здесь кажется просто невкусным, поэтому перешли на зеленый. Я специально привезла зеленый чай в Ленинград с тем, чтобы порадовать маму и Танечку. Но дома зеленый чай мне показался невкусным. То ли дело в воде, то ли в чем-то другом – не знаю.

И вот в такой город, где все время безоблачное небо и не бывает дождей, мы приехали в начале июня. Термез оказался небольшим захолустным зеленым городком без национальных архитектурных излишеств. Он состоит в основном из одно-двух-этажных глиняных и кирпичных побеленных зданий самой простой архитектуры, часто окруженных белыми глиняными заборами типа дувалов. Жили в нем без видимых национальных трений как узбеки, так и русские, вероятно имевшие отношение к находящимся здесь пограничным войскам.

Вдоль улиц по обоим сторонам проходили арыки, наполненные водой и окруженные высокими раскидистыми деревьями, так что почти все время можно было находиться в тени. В городе существовал центральный парк, в котором по вечерам звучал духовой оркестр и работал кинотеатр под открытым небом. Днем же из репродукторов часто звучали довольно монотонные национальные напевы и музыка.

Был еще восточный базар, а также кафе и чайханы в национальном духе, где под тенью деревьев или легких навесов, местные мужчины, одетые как в национальные, так и в обычные легкие штатские костюмы, часами сидели или полулежали на коврах у водоемов. Они, не торопясь, распивали чай из пиал, играли преимущественно в нарды, реже – в шахматы, или просто беседовали.

Женщин же в чайханах никогда не было. Узбечки, встречаемые на улицах, практически все одевались в национальные одежды – пестрые шелковые свободные платья и шаровары. Пожилые женщины и старухи на свои пестрые платья-рубахи часто одевали нечто странное и некрасивое – длинный темный стеганный халат, один рукав которого надевался на голову, а другой болтался на спине. Назад нередко была откинута и полоса в виде частой черной волосяной сетки – паранжа, однако я не видела, чтобы они ею хоть раз закрывали лицо. Девушки таких халатов не носили, но головы у всех были покрыты тонкими покрывалами, которыми они прикрывали лицо, когда к ним обращались мужчины или просто незнакомые, вроде нас.

Базу мы сняли в небольшом белом доме, окруженном белым забором. Внутри большого белого двора, в котором находилась наша машина ГАЗ-51, имелась колонка с водой, выложенная мелкими камнями, и больше – ничего. Даже глинистая земля типа такыра казалась белой. Ни одного кустика, ни одной травинки, не говоря уж о деревьях.

В назначенный день выезда в маршрут наша начальница Майя поручила нам, мне и двум парням, погрузить все нужное снаряжение. Я с энтузиазмом бросилась выполнять поручение, схватила спальные мешки, выбежала во двор...

Но ослепительное солнце стояло прямо над головой, от стен, забора и от белой земли исходил такой жар, кругом ни малейшего ветерка... После нескольких шагов я пошатнулась и вдруг оказалась на земле. Очнулась, когда начальница стояла надо мной и строгим голосом отчитывала: «Люся, почему вы меня не предупредили, что у вас эпилепсия? Я вас не смогу взять в маршрут». В те времена я не знала, что это за болезнь, невнятно пыталась оправдаться, хотя, кто его знает, может я действительно больна? Но в маршрут очень хотелось. Уж не знаю, как мне удалось уломать начальство.

Прекрасно помню первый маршрут – в район отрогов Кугитанг-тау. Как раз к этому времени в нашу партию приехал наш шеф – профессор Е.М.Смехов. За летний период он обычно посещал с инспекцией разные партии своих подопечных-«трещиноватиков», работавшие в Волго-Урале, Северном Кавказе, Восточной Сибири и других районах страны. Но у нас он обыкновенно задерживался надолго. От него я получила первые уроки не только по исследуемой тематике, но и по житейским проблемам полевого быта.

Прежде, чем загрузиться в машину, он проверил внешний вид всех сотрудников. Так как стояла жара, то все мы были одеты по минимуму. Практически всех он заставил переодеться – «машина открытая, а вы должны быть закрытые». На голове – платок или шляпа, по возможности закрывающая лицо. Оставшаяся часть лица должна быть смазана жирным кремом. В машине сидеть спиной к солнцу.

Все мы про себя ворчали, считая это придурью, но повиновались приказу. Оказалось, что это совсем не придурь. Я сидела спиной к солнцу, на голове была дедушкина соломенная шляпа, повязанная сверху белой косынкой, одета в белую футболку с длинным рукавом и отложным воротником, застегнутым на шее. Выдавила на лицо пол тюбика детского крема – и все же в результате нашей поездки на открытой машине, обдуваемой теплым, очень приятным ветром, у меня на скулах и на имевшейся чуть ниже подбородка маленькой открытой поверхности груди был настоящий термический ожог – не просто слезла кожа, а были месяцы незаживающие глубокие раны. Однако следует отметить, что раны зажили, и уже через месяц – полтора я могла не прятаться от солнца, а ходить часами полуобнаженной и даже без головного убора.

И все же поездка была сказочной. Вот один из первых маршрутов. Перекусить мы останавливались у чайханы кишлака Сайроб. Там растет знаменитая на всю округу чинара, видевшая, по преданиям, войска Александра Македонского. Это старое развесистое дерево, под листвою которого может спрятаться от солнца большая отара овец. Обхватить его могут не менее 10 человек. Дерево считается священным. Внутри него находится огромное дупло, которое выполняет роль местного медресе. Считается, что для исполнения желаний надо хотя бы прикоснуться к дереву.

Мы, конечно, повертелись здесь, пока формулировали свои многочисленные желания, по фотографировались, поели вкуснейшую местную шурпу и плов, и поехали дальше в горы,

до крупного кишлака Дербент (не путать с Кавказским Дербентом – старинным дагестанским городом). Он расположен перед входом в ущелье с названием «железные ворота». Опять-таки по преданию, по нему двигались войска Александра Македонского во время его похода в Индию.

Под надзором Е.М.Смехова, мы разбили лагерь на территории сада местного декхана под какими-то плодовыми деревьями на берегу бурной, но неглубокой речки Мачай-Дарья, которая и прорубила в горах в давние времена это старинное ущелье. Ширина реки была не больше 20 метров, глубина до 1 метра, но перейти ее было довольно сложно – быстрое течение сбивало с ног, а вода была холодной, чистой. Во всяком случае, мы ее использовали для питья, иногда даже не кипятили, хотя Евсей Максимович за это на нас сердился.

Каждое раннее утро, взяв с собой молотки и рюкзаки с едой и питьем, мы (это отряд из пяти человек), отправлялись вверх по реке по старинной тропе, проходящей по ущелью. Справа от тропы – невысокая частично разрушенная от времени природная стена, представленная известковыми утесами. Слева – не переставая шумит река, а над всем – небо цвета голубой эмали и раскаленное солнце.

Мы останавливались через какое-то определенное время, делали описание пород, измеряли параметры (ориентировку) трещин с помощью специального компаса, отбивали образцы, искали в отвалах пород окаменелую фауну, чтобы потом по ней определить возраст отложений, и шли дальше.

Можно представить, как сложно было находиться на этом солнцепеке. Я, помятуя про свою «эпилепсию», частенько говорила: «я пойду искать фауну» и на четвереньках, чуть живая, уползала за какой-нибудь хоть малый выступ в тень. Но все трогались вперед, и я за ними.

Идем мы гуськом по тропе, испещренной какими-то странными, но красивыми узорами (я думала, что это следы ветра, переносащего дорожную пыль, а оказалось, что это змеиные следы. Я – последняя, уже отстаю от всех, проклинаю себя за то, что такая слабая, время от времени поглядываю на часы – скорее бы 12. Ведь с 12 до 15 часов у нас обеденный перерыв, в самое пекло по существующим в стране правилам безопасности работать нельзя. Вот уже передние дошли до мостика над рекой и спустились под него в тень к воде, значит мне осталось совсем немного. В полубессознательном состоянии я дохожу до них, сейчас я упаду, еще чуть-чуть...

Вдруг слышу голос Евсея Максимовича: «Люся, а где молоток?». Ах, я его забыла на предыдущем обнажении. «Идите и принесите молоток». Я поворачиваю назад. Я совсем не помню, где находилось это последнее обнажение, все обнажения похожи друг на друга. Бреду ничего не понимая, куда глаза глядят. И как не странно, но мне повезло, в течение ближайших часов нашла я молоток, и счастливая повернула к мосту.

Уже видно отдыхающих. Вот сейчас и я отдохну, напьюсь воды, наемся помидоров и фруктов, вымоюсь в реке... Но раздается голос Евсей Максимовича: «Перерыв закончен, пошли дальше».

После этого урока я больше никогда не оставляла молоток на обнажении.

В лагере Евсей Максимович проводил у нас (у меня и двух рабочих Вити и Коли). ревизию спальных мешков, полотенец, носков на предмет санитарии. Я была самой старшей, 18-тилетней, мальчишки – моложе 16-17 лет. Я, конечно, очень обижалась, он же говорил, что чистота – неременный залог здоровья. Рассказывал, как еще до революции, когда он служил простым матросом на военном корабле, их капитан таким манером проверял всю команду, опасаясь возможных эпидемий.

Еще он нас учил, как надо ходить в маршруты в горной местности с учетом правил безопасности. К сожалению, я все это пропускала мимо ушей, за что и была наказана – стала участницей одного очень неприятного происшествия, чуть ли не закончившегося трагедией.

Дело было так. На каком-то участке маршрута по этому самому ущелью Железные ворота, наш маленький отряд, состоявший из Майи Геннадьевны, Виктора, Коли и меня, заканчивал свою работу. Майя на камушке что-то дописывала в пикетажку. Вечерело, рабочий день приближался к концу. Я почему-то решила всех поразить своей необыкновенной смелостью и ловкостью – полезла вверх по практически вертикальной стенке, цепляясь руками за небольшие выступы. Все выше и выше, уже стоящие подо мной люди кажутся маленькими фигурками, я им сверху кричу УРА!. Но вдруг почувствовала, что уступ скалы, за который я цеплялась и подтягивалась одной рукой, отваливается. Вот-вот он рухнет, и мне его не удержать. Я во весь голос крикнула: «Осторожно, обвал, бегите!». И вот большой кусок утеса сначала медленно пополз, а потом полетел вниз, по пути рассыпаясь на многочисленные более мелкие обломки. Мальчишки пустились в рассыпную, а Майя, соскочив со своего места, вдруг упала на землю. Я смотрела вниз, цепляясь одной рукой, и ждала, встанет ли Майя или нет. Если она не встанет, то я отпущу эту руку. Но Майя встала.

Когда я, не помня себя от ужаса, спустилась вниз, она мне сказала только одно: «Люся, вы чуть не убили человека» – маленький осколок в нее попал. Этот урок по безопасности хождения в горах я тоже запомнила на всю жизнь.

И еще один эпизод из моей первой поездки в Узбекистан. Это уже не ущелье в отрогах Кугитанга, а пересечение самого хребта.

В разрезе хребет состоит как бы из двух частей, сложенных различными типами пород: нижнеюрские отложения – это песчаники и глины, обнажающиеся в виде осыпей и довольно пологих холмов, и верхнеюрские отложения, сложенные известняками и обнажающиеся в виде вертикальной стенки. Хребет тянется с юго-запада на северо-восток и является водоразделом, благодаря которому влажный воздух остается в южной части территории, где склоны покрыты зеленью в виде зарослей арчи и кустарников, а на севере и западе за хребтом простирается бесконечная ровная пустыня.

Начальство решило, что интересно бы посмотреть, как меняется ориентировка трещин по разрезу верхнеюрских известняков. По топографической карте нашли изображенную пунктиром тропу – перевал через стену, которая ведет к высохшему руслу ручья, в свою очередь секущему известняки и выходящему в пустыню.

Для нас был разработан маршрут: из лагеря, который был расположен среди зарослей арчи у прозрачного ручейка, утопающего в мяте, мы по охотничьей тропе, которая казалась совершенно вертикальной, переваливаем через хребет, находим там каньон в виде русла

высохшего ручья и по нему тихонько, замеряя ориентировки трещин, выходим в пустыню, где нас будет ожидать машина.

На все нам отпускалось два дня, вечером у выхода из ущелья нас будет ждать машина. Мы – это я и парень, техник-геолог Виктор. Он был назначен старшим. Шеф вел с ним отдельную беседу по быту в маршруте и техники безопасности, а мне было велено его слушаться. Конечно, это был мощный удар по моему самолюбию.

Тщательно собирали рюкзаки, беспокоясь о том, чтобы они были как можно легче. Из еды взяли тушенку, огурцы, помидоры, хлеб, по два литра воды на нос, по моему настоянию две банки сгущенного молока, возможно еще что-нибудь, но я не помню. Для тепла взяли по байковому одеялу, и отправились в путь.

Подъем по тропе для меня был мучителен – на четвереньках, шаг вперед, два катишься по мелкой осыпи назад. Впереди все время мельтешат Витькины ноги, рюкзак тянет назад, солнце шпарит вовсю, подъем не кончается, пить хочется по страшному... Поднимались мы как минимум три часа.

Когда, наконец, закончился подъем, а я напилась и смогла встать на ноги, то первое что я увидела – это невдалеке маленькую стайку пугливых джейранов – местных ланей, легконогих, стройных, которые с интересом смотрели на нас, а затем, быстро, изящно, как балеринки, с уступа на уступ ускакали, буквально упорхнули прочь. Кругом – нагромождение камней, никаких признаков растительности, а тем более воды.

Теперь предстояло найти этот каньон. Но то, что довольно отчетливо выделено на карте, совсем не выделяется в реальности. С трудом мы что-то нашли, слабо напоминающее ложе высохшего ручья, и пошли по нему, причем я не была уверена, что это то, что нам нужно. И тут меня, наверное, впервые, охватило беспокойство – ведь кругом на многие десятки, а то и сотни километров ни души, спросить дорогу не у кого, воды нам явно не хватит и взять ее неоткуда, а что, если мы заблудимся? Конечно, у нас есть компас и мы знаем, в каком направлении нам надо идти. А потом ведь мы молодые, в нас поверили взрослые, значит все будет хорошо.

Мы перекусили водой и хлебом, причем ни на какую тушенку, а тем более сгущенку, даже смотреть не хотелось. Виктор сказал, что надо экономить воду, да я и сама видела, что еще первый день не кончился, а у меня уже нет половины литровой бутылки. Двинулись дальше, по пути замеряя и записывая характеристику трещин.

Постепенно русло высохшего ручья стало выделяться более рельефно. Мы по нему спустились вниз на северо-запад.

На ночь остановились на относительно ровной площадке. С заходом солнца изнуряющая жара уступила место теплоте короткому вечеру, а затем настала теплая сказочная ночь... И какая ночь, какие звезды... Вероятно, только в горах и на юге они достигают такого размера. Сплошная романтика, ничего не имеющая общего с какими бы то ни было личностными отношениями.

Следует отметить, что в обыденной обстановке Витька мне не только не нравился, но просто раздражал, так что ни о каких нежных чувствах не могло быть и речи. Мы просто лежим рядом на одеялах, смотрим на звезды, думаем о вечном... «Расскажи что-нибудь» – просит Виктор. И я ему рассказываю одну из моих самых любимых сказок об Италии Горького: «Старик Джованио Тубо еще в ранней молодости изменил Земле ради Моря...». Наверное, такие ночи, наполненные неизмеримой красотой, не забываются.

На следующий день уже к обеду вода закончилась, солнце печет, каньон углубляется, русло ручья иногда представлено гладкими крутыми уступами, по которым когда-то стекали водопады. Приходилось их обходить стороной, а сил оставалось все меньше и меньше. А во рту все ссохлось, вскоре появились болезненные трещины. Постепенно закончились наши «научные» замеры, мы просто понуро шли на запад, только бы выбраться из этих гор. К вечеру уже так устали, что было не до романтики. Не помню ни звезд, ни теплого нежного ветра.

На третьи сутки по плану мы должны уже выйти в пустыню. Но пока только нескончаемое извилистое ущелье и сухое уступистое русло высохшего ручья. Обходить опасные участки у меня уже нет сил, я просто сажусь на третью точку и съезжаю с 1,5-2-х метровых ступеней бывших водопадов. Виктор на меня сердится, пытается командовать, но без результата. Меня покачивает из стороны в сторону, платок я где-то потеряла, так что иду с открытой головой. Оборвалась лямка лифчика, порвалась футболка, но внешний вид меня не волнует. Во рту и на губах болезненные трещины, кажется, что язык вываливается изо рта, время от времени падаю на землю. В голове туман. Говорить не могу, кажется, что даже горло высохло. И все это от того, что мы без воды всего лишь вторые сутки.

Весь день идем на запад, уже вечереет, мы идем прямо на заходящее солнце. Вот за этим поворотом оно должно показаться. Но нет, снова ущелье...

Конец пути дался нам особенно трудно. И все-таки, когда уже совсем стемнело, мы вышли! Впереди каменные стенки раздвинулись, показалась пустыня. Перед нами лежал разрушенный каменный загон для овец. Судя по следам на земле, сюда приезжала машина, значит мы вышли туда, куда надо.

Я залезла под навес в загоне, хотя Виктор предостерегал, что там могут быть змеи и скорпионы, и буквально отрубилась. Утром, когда проснулись, увидели примерно в километре от нас одинокую юрту. По моей просьбе Виктор пошел к юрте и захватил нашу несъеденную тушенку и сгущенку, чтобы поменять их на воду. Боже, какая это была вкусная вода, но было ее все равно мало. Я была, конечно, очень благодарна ему, ведь он также безумно устал, и вообще была вынуждена признаться себе, что он крепче, сильнее меня, а главное, он просто хороший человек.

Наша машина приехала за нами лишь после обеда. Шофер, веселый пожилой мужчина, привез нам полный трехлитровый чайник воды, попенял на то, что мы опоздали на целые сутки. Мне галантно уступили напиток в первую очередь. Я пила, пила, пила... Наконец оторвалась, передала чайник Виктору. И только тут поняла, что вода какая-то странная, солоноватая, да еще пахнет сероводородом... Потом выяснилось, что шофер набрал ее из попутного сероводородного источника. Но мы на него не сердились, все равно вода утоляла жажду.

Погрузились в машину и поехали в наш зеленый лагерь под тень арчи и чуть слышный плеск тоненького хрустального ручейка. По дороге машина еще раз остановилась у какой-то буровой бригады чтобы набрать воды и напиться, но я из машины не вылезала, понимала, что мой изодранный костюм будет местных мужиков шокировать.

На начальство наш внешний вид, особенно мой (Витька говорил: «ты хоть прикройся, бесстыдница»), произвел впечатление, и они решили устроить нам выходные – все вместе поехали на озеро Кайнар. Это озеро карстового происхождения, находится у дороги, идущей параллельно Кугитангскому хребту, то есть той дороги, по которой нас привезли после маршрута. Озеро известно тем, что около него расположена могила какого-то святого человека. Из разных мест к ней ходят паломники и оставляют либо на ветках сухого дерева, под которым она находится, либо между камней, которыми она выложена, свои послания и приношения в виде привязанных обрывков материи, каких-то комочков и даже денег. Сюда привозят и больных, ибо из озера вытекает маленький ручеек, формирующий целебные вязкие, черные грязи. Над всем стоит устойчивый запах сероводорода.

К этому озеру мы приезжали и в другие сезоны, но никогда не встречали никаких паломников, всегда наслаждались купанием в озере в одиночестве. Само озеро, небольшое по площади, было необыкновенного изумрудного цвета за счет растущих на дне водорослей. Вода абсолютно прозрачная, а мелкие острые камушки, которыми усыпано дно и на которых растут водоросли, выглядят как драгоценности. Если учесть, что кругом безлюдная пустыня, то это место кажется действительно божественным оазисом.

На следующий год, когда мы уже в другом составе были в этих местах, здесь со мной произошел случай, который я помню по сей день и который, как я считала, стал поворотным в моем мировосприятии.

Дело было так. На ночь мы расставили свои раскладушки у озера, я свою оттащила подальше в пустыню, потому что под звездным небом мне хотелось в одиночестве прослушать мою любимую пластинку «Гитара гауча» (я возила с собой патефон и набор пластинок, а на этой пластинке была записана песня, которая звучала в Москве на фестивале молодежи). Содержания ее я точно не знала, ибо мужской голос под гитару пел на испанском языке, но чувствовала, что это о любви, красоте, одиночестве, бесконечности, словом, соответствовало моему романтическому настрою. Я смотрела на небо, наслаждалась музыкой и незаметно заснула. Внезапно проснулась глубокой бархатной ночью. Помню, меня поразили необыкновенно яркий Млечный путь, освещавший все вокруг. Откуда-то подул ветер, нежный и благоуханный.

Поняла, что я не могу лежать, мне надо встать и идти вперед, навстречу этому ветру, как бы купаясь в звездном сиянии. Я пошла, убыстряя шаг, в пустыню, по ходу сбрасывая с себя какую-то легкую одежку. Мне хотелось прямо разорвать себе грудь, чтобы этот ласковый, обнимающий ветер проник в меня, и я бы полетела с ним вместе. Эмоциональное напряжение все возрастало, ничего подобного я еще никогда не испытывала, невероятный эмоциональный и физиологический восторг. Я бежала голая по пустыне, не думая ни о каких опасностях, наслаждаясь обнимающим ветром и тонким, экзотическим ароматом. «Ветер из Индии» – так я назвала этот невероятный энергетический порыв.

Что это было – не знаю, может быть это действительно какое-то особое энергетическое место, ведь не даром же сюда к священной могиле приходят паломники. Но после этого случая я стала менее эмоциональной, менее восторженной, краски окружающего мира для меня стали более приглушенными. Такого острого накала страсти и восторга я уже никогда не испытывала. Вероятно, это состояние называется экстаз. Судя по классике, в него впадали древние жрецы или шаманы, совершая свои обряды (такие сумасшедшие нагие женщины изображены на библейских гравюрах Дюре). Похоже, что в эту ночь я отдала существенную часть духовного и физического потенциала, отпущенного мне природой.

Недалеко от озера Кайнар находится еще одно чудо природы, на те времена еще мало изученное – это Карлюкская сталактитовая пещера. Она сформировалась в верхнеюрских известняках все того же Кугитанга. Непохоже, чтобы в нее водили каких-нибудь экскурсантов – вход выглядел абсолютно нехоженым, диким. Однако местные геологи о ней знали и рассказали нашему шефу. Мы ходили туда с факелами и мотками бечевки, чтобы не заблудиться. Прошли мы вглубь в темноту не более полукилометра. Это извилистая анфилада зал разных размеров, стены в которых украшены кристаллами ангидрита и гипса, а сверху и снизу спускаются друг другу навстречу сталактиты и сталагмиты от белоснежного до кремового цвета, иногда образуя колоннаду. Благодаря прекрасной кристаллизации все это имеет облик резных драгоценных украшений. Кое-где слышно падение капель воды, которые и формируют все эти сказочные красоты.

По телевизору я нередко видела знаменитые Уральские сталактитовые пещеры, но по красоте они намного уступают Карлюкской. Там на полу валялись обломки сталактитов, мы кое-что подобрали, привезли в институт обломок сталактита размером около метра, который долгие годы лежал в вестибюле на специальном постаменте под стеклянным колпаком. И домой я захватила небольшой обломок кремового сталактита, он и сейчас лежит у меня на шкафу в виде украшения и, конечно, памяти.

Идти в глубь пещеры мы побоялись – ведь на то время у нас не было ее плана. Идти было легко, только смотри под ноги, чтобы не наткнуться на камни. Высота ее, по крайней мере в той части, где мы были, не менее 3-х метров, внутри тепло, но не жарко, воздух свежий. Все

для того, чтобы стать прекрасным туристическим объектом, да и вход не сложный, не надо никуда карабкаться.

Очевидно, что моя первая поездка в Среднюю Азию была для меня очень интересной и памятной.

—
На следующее лето мы с Майсей Геннадьевной снова поехали в Узбекистан. С нами вместе шефа уже не было, а поехало два парня – старший Гоша Рожков, которому на то время было уже лет 30, и другой, помоложе, лет 25-ти, статный, высокий и красивый. Гоша оказался исключительно приятным, доброжелательным, умным, добрым, общительным человеком. Мне кажется, я таких в жизни больше никогда не встречала – с ним было так приятно беседовать, чувствовался его искренний доброжелательный интерес к собеседнику, причем он находил общий язык с кем угодно. Впоследствии он стал специалистом экстра- класса по литологии осадочных пород, защитил докторскую диссертацию, разработанные им методики применяются и теперь.

Отправляясь в маршрут в горы, мы оставляли машину в базовом лагере, а сами налегке с палаткой и спальными мешками отправлялись в безлюдные и прекрасные предгорные места. Для облегчения передвижения часто приходилось нанимать местных проводников с ишаками. Это очень приятные, но упрямые животные, а маленькие ишачата – просто картинка, они такие славные, веселые, что просто глаз не оторвать.

Сейчас мне кажется, что этот второй среднеазиатский маршрут был самым сказочным и счастливым в моей жизни. Кругом красивейшие природные пейзажи, запах арчи, чистейшие горные ручьи, нет изнурительных подъемов, похожих на прошлогодние горные пересечения, а самое главное, приятная, доброжелательная обстановка в партии, во многом благодаря Гоше.

Он был влюблен в Майю Геннадьевну, она же со свойственным ей гонором начальника, все время с ним спорила, никогда не соглашалась с его мнением, без конца придиралась. Гоша ей обычно со смехом говорил: «Майка, ну прекрати, все равно все знают, что ты меня любишь». По возвращении в Ленинград они поженились и прожили жизнь в большой любви.

Второй парень – Борис – был совсем другого рода. Всем своим видом он показывал глубокое пренебрежение к женскому полу, девченки же на него так и оглядывались. У него был сложный, высокомерный и обидчивый характер, словом он был тот, которого было необходимо проучить, чтобы не задавался.

Он был первым парнем, к которому я почувствовала определенный интерес, хотя основное мое желание было наказать его за всех обиженных им женщин.

Наш роман, если только можно его так назвать, длился около года. Вспоминать об этом сейчас смешно, но я, оказывается, была достаточно хитрой и хладнокровной, и добилась, что он просил моей руки. Я отказала, пояснив, что не чувствую себя такой старой, чтобы выходить замуж, хотя мне и льстило это предложение. Видимо, судьба меня хранила, он был очень тяжелым в общении человеком, придиричивым, ревнивым, хотя, наверное, ему от меня пришлось не сладко.

Ну да это все лирика, а работа продолжалась. В нашем отряде был еще веселый молодой парень – шофер и кухарка, высохшая и злая тетка, старая дева, которая очень не любила «распоясовшуюся молодежь», варила какие-то невкусные каши. Все ее раздражало, успокоить ее не мог даже Гоша. Единственно, кто ей был дорог, это маленькая черная собака Жучка, которую она возила всегда с собою. Но у этой собаки было одно отличительное качество – несмотря на то, что она выглядела толстой, коротконогой, сарделькой, она производила неизгладимое впечатление на местных кобелей, которые сбегались со всей округи. Жучка от страха забиралась в женскую палатку под кровать своей хозяйки. Огромные псы, а это местные волкодавы, окружали палатку. Выбраться из нее утром было затруднительно.

В этом году наши маршруты также были сосредоточены в районе Кугитангского хребта, но стоянки для лагеря выбирались хоть и в безлюдных и диких, но более комфортных условиях.

Помню один из них – кругом заросли дикого винограда, но какого винограда... Это что-то типа дамских пальчиков без косточек, исключительно сладкий. Огромные кисти прямо сверкали на солнце. В Ленинграде бы такой виноград продавали по самой высокой цене.

Стекающий с гор ручей образовывал маленькие водопадики, кое-где выдалбливал в известняках неглубокие ванны. Одну из них Гоша почему-то назвал «ванна Геринга». В них можно было нежиться и наслаждаться ароматом арчи, мяты, свежим ветерком, лениво срывая спускающиеся чуть ли не прямо в рот виноградины.. Кое-где росли и огромные деревья – грецкое орехи, но во время нашего там пребывания орехи еще были зеленые. Словом, обстановка была курортная.

Из такого лагеря каждый день мы совершали короткие походы в горы, однажды даже заночевали в горах. Это была чудесная ночь. Мы посидели у костерка, попели песни (я в те времена еще немного пела, хотя и знала, что с музыкальным слухом у меня проблемы, но зато с памятью их не было – я знала уйму песен, особенно из бардовского репертуара, а публика была невзыскательной). Разложили свои мешки и легли на них, наслаждаясь южным звездным небом. Невольно разговоры велись на самые отвлеченные темы, и в частности, о религии. Гоша оказался глубоко религиозным, достаточно подкованным в вопросах религии человеком. Я возражала ему, приводила какие-то примеры. Помню, как он сказал: «В Бога надо верить, и все. Иначе жить невозможно, теряется смысл». Про меня же он сказал: «Ты хуже, чем атеистка, ты сомневающаяся». Почему я это запомнила – не знаю, может быть действительно потому, что до конца своих дней остаюсь «сомневающейся».

По работе нам иногда приходилось сталкиваться с местным населением, заезжать или заходить в кишлаки. Люди жили совсем в иных условиях, чем в России. Весь быт был пронизан национальным духом. Кажется, что здесь сохранился средневековый уклад. К нам, для них иностранцам, отношение всегда было в меру приветливое. В горных кишлаках нас часто старались угостить, даже иногда приглашали на свои праздники. Более того, нас, русских женщин, усаживали вместе с мужчинами за трапезу, наливали нам чай, угощали также, как и наших парней. Никаких назойливых приставаний, двусмысленностей они себе не позволяли. По сравнению с кавказцами, они выглядели более скромными, сдержанными, мне даже кажется, стеснительными, но конечно живущими по своим средневековым правилам.

Помнится один такой случай: для того, чтобы идти в маршрут в горы, мы хотели взять в аренду ишака. Нам посоветовали обратиться к председателю колхоза и показали, где он живет. Дом его, по архитектуре ничем не отличался от других глиняных одноэтажных саклей кишлака, разве что немного больше за счет окружающего его обширного двора с одиночными высокими фруктовыми деревьями. Все окружал высокий глиняный дувал. На открытой затененной веранде, увитой виноградом и застланной коврами, нас приветствовал толстый старый бабай (бабай – это почтительное название пожилого уважаемого человека. Так могут даже обращаться к не очень пожилому человеку, если ему хотят польстить). Он усадил нас на ковер, представил нам своих седобородых сыновей, которые присоединились к нашей компании. Робкие женщины сразу же вынесли угощения, фрукты и чай, и тут же исчезли.

По-русски он понимал плохо, так что мы, попивая чай, долго с помощью переводчика объясняли ему, что нам надо, и с интересом поглядывали во двор. А во дворе всю кипела жизнь. Там было полно бегающих чумаzych ребятишек, кур и несколько ишаков, в том числе один маленький очаровательный мохнатый ишаченок, который смешно подпрыгивал сразу на четырех копытцах и убегал от ребятни. Ребята носились за ним, стоял смех и гвалт. Особенно выделялась одна маленькая девочка лет восьми – десяти, видимо пытавшаяся навести порядок в этой шумной компании. Внешне она была также, как все, замурзанная, бегала вместе со всеми, трясла своими многочисленными косичками, но время от времени, как настоящая хозяйка, раздавала подзатыльники наиболее расшумевшимся. «Это ваша внучка?» – спросили мы у бабая. «Нет, это моя жена». Мы онемели. Потом, правда, нам пояснили, что по обычаю

можно заплатить родителям за будущую жену калым, забрать ее в свой дом и держать там вместе со своими детьми до ее повзрелости. Коран такое позволяет.

Как бы то ни было, но ишака мы получили, и он один терпеливо тащил в горы все наши спальные мешки и продукты.

И все же главным событием этого сезона была поездка по Памирскому тракту через Таджикистан в Киргизию. Ехали мы на нашей машине ГАЗ-51. Я не помню, в чем заключалась геологическая цель этой поездки, может быть, Гоша просто уговорил Майю воспользоваться возможностью и посмотреть мир.

Выехали мы из Термеза полным составом, но по дороге нашу кухарку не пропустили через пограничный пост – у нее не было пропуска. То, что она имела в паспорте штамп пограничного города Термеза, оказалось для местных пограничников не имеет значения. Мы были вынуждены ее отправить обратно в Термез на самолете, куда с собаками не пускали, а Жучка одна, без хозяйки, осталась с нами. У нас же у всех были выправленные в Ленинграде в Большом Доме специальные пропуска, по которым мы могли находиться даже на самой границе. Между прочим, и в сам город Термез без этого пропуска нас тоже бы не пустили.

Памирский тракт.

Итак, наш путь лежал на восток. Дорога шла через Ферганскую долину, которая относится к Узбекистану, но населена исключительно таджиками. Это вызывало, во всяком случае в наши времена, определенные сложности во взаимоотношениях двух соседних республик. Дело в том, что эта территория, в силу своего расположения во впадине, обладает субтропическим климатом. Она всегда славилась плодородием, в ней снимают по несколько урожаев в год. Вся она пронизана оросительными каналами, способствующими этому. Словом, настоящая житница, приносящая немалый доход.

Между тем, узбеки и таджики в национальном отношении визуально относятся к различным расам: узбеки – к монголоидам, а таджики – к индо-европейцам. Как известно, у соседей всегда возникают какие-нибудь конфликты, у них – тоже. Таджики себя чувствовали несправедливо обиженными и не любили узбеков, хотя, казалось бы, по образу жизни они похожи друг на друга – по одежде мне они казались одинаковыми – у мужчин – халаты, подвязанные платком, на голове – тюбетейка или чалма, у женщин – платье-рубаха и шаровары, на голове – большой платок – покрывало, которым они прикрывали лицо при беседе с незнакомцами, или откинутая на спину паранжа. Да и религия у них одна – мусульманство, правда, не знаю, какой конфессии, да и в те времена официального атеизма это казалось неважным.

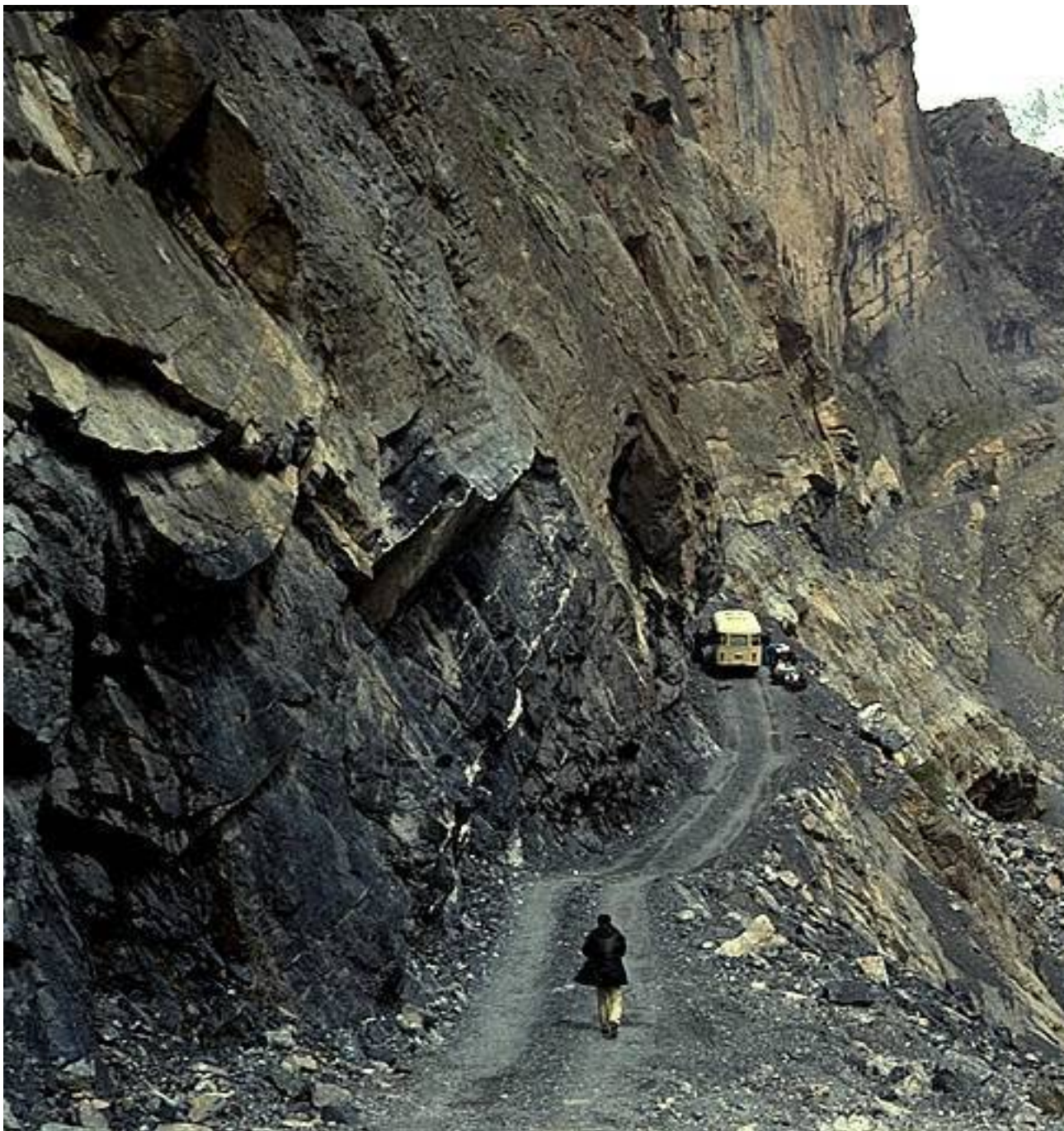
Мне Ферганская долина запомнилась как зеленая парная баня с тяжелым, липким воздухом, скоплением нечистот, плавающих в многочисленных арыках, грязными оборванными, но просто очаровательными ребятишками, такими глазастыми, но часто с конъюнктивитными болячками. Без всякого взрослого надзора они играли и копошились в этих арыках, спокойно ели плавающие в них арбузные корки и другие отбросы, бросались объедками друг в друга. Казалось, что кругом одни микробы, москиты, и вообще, какая-то общая нищета, болячки и неряшливость. У взрослых тоже часто на лице отмечались следы кожных заболеваний. Как я потом выяснила, это следы пендинской язвы, или просто пендинки, переносчиками которой являются москиты. К тому же, после гор здесь как-то тяжело дышалось.

Гоша сразу же вынул имевшийся у нас радиометр, и сказал, что надо срочно отсюда уносить ноги – прибор зашкаливал. Так что мы побыстрее выехали из этой «райской» долины, не заметив никаких красот.

Дальше уже шел путь по горному Таджикистану. Дышать стало легко, дорога постепенно поднималась вверх, открывались красивые пейзажи, настоящая Швейцария. Настроение улучшилось, плохо было только Жучке – у нее временами поднималась рвота. Она скулила, беспо-

коилась, а так как присматривать за ней наша повариха поручила мне, то я и держала ее большую часть пути на руках.

Въехали в Горно-Бадахшанскую автономию. Начался уже настоящий Памирский тракт, серпантин, дорога узкая, грунтовая. Чтобы разъехаться со встречной машиной, надо кому-то пятиться назад до специальных разъездных площадок. Вдоль дороги стояли особые указатели, типа – «осторожно, возможна лавина», или «тише, сигнализация запрещена, громко говорить запрещается», или «осторожно, резкий поворот» и тому подобное.

Действительно, с левого бока нависали высоченные горные утесы, справа – под крутым откосом неслась бурная река (Вахш или Пянж, они по течению сливаются друг с другом). По реке проходила государственная граница. Спуститься к реке было нельзя – там, где берег немного выполаживался, по камням была уложена колючая проволока – граница на замке. Пограничников мы не видели, но я думаю, они видели нас – один раз мы остановились где-

то по санитарной необходимости, я нашла укромный уголок, но вдруг обнаружила какую-то железную арматуру в виде трубы, направленной в сторону реки.

А еще один раз на минутной остановке как раз в месте выполаживания берега, у нас убежала Жучка. Она, не взирая на уложенную по земле проволоку, сбежала к воде, чтобы напиться. Я звала ее, звала, но все бесполезно. Пришлось мне аккуратно, стараясь не наступить на колючую проволоку, спуститься за ней и вынести ее оттуда на руках.

За рекой – Афганистан, в те годы еще мирный. Их берег представлен в основном очень крутым откосом, совсем диким, почти вертикально спускающимся к воде. Никакой видимой дороги вдоль границы у них не было. За все время нашего проезда, а это было примерно три дня, мы только один раз на отвесной чуть заметной охотничьей тропе видели пробирающегося одинокого охотника с кривым ружьем за плечами.

Там, где горы хоть немного отступали, у них были кишлаки, где спокойно работали декхане, женщины стирали белье, бегали ребятишки. Это было так близко, что я кричала им «Салям!» и махала рукой. Они мне отвечали «Салям!» и тоже махали.

Люди точно такие же, и одеты также, внешне совсем неотличимы от горно-бадахшанцев. А вот горно-бадахшанцы, как мне показалось, от таджиков отличаются. Во-первых, они держатся намного свободнее, особенно женщины, которые могут сами остановить машину, не закрывая лицо покрывалом разговаривать с незнакомыми, даже мужчинами. Нам красивая молодая горянка продала ведро вишни невероятно вкусной, вступила с нами в беседу, да и вообще держалась абсолютно независимой. Кроме того, у всех встреченных горцев были какие-то более значимые и красивые лица. Если у таджиков и узбеков красивыми бывают, в основном, дети, девушки до замужества и старики, то среди бадахшанцев чуть ли не каждый человек – это библейский образ, прямо, как в иллюстрациях Дорэ. И, конечно, особенно хороши девушки и старики, прямо от них трудно отвести глаз.

Мы сделали отворот от тракта и съездили в горы на кварцевый рудник, где с помощью взрывов добывают горный хрусталь. К самому руднику надо было перебираться через глубокое узкое ущелье с помощью канатов в люльке, напоминающей корыто. Переправа над бездной, несомненно, произвела впечатление, буквально дух захватывало от высоты.

Там, в отвалах, мы набрали себе обломков хрусталя в виде крупных кристаллов. Один из них, как украшение, стоит у меня дома рядом с обломком сталактита.

Обогатившись каменным материалом, снова вернулись на тракт, едем дальше. Для ночевки выбрали участок, где долина немного расширилась. Ночевали прямо у реки, расставили раскладушки у машины.

Ночь не принесла прохлады – плохо спалось, не переставая шумела река, я все время вертелась, скидывала с себя простыню. Было душно, сон не шел. Утром выяснилось, что нам мешали спать москиты. Я оказалась искусанной с ног до головы, физиономия распухла, все чесалось.

Доехали до довольно крупного пункта, являющего столицей Горно-Бадахшана. Там в чайхане за вкусным обедом мы разговорились с местными посетителями, и нам рассказали, что основной проблемой пограничников здесь являются контрабандисты – афганцы, которые на надувных пузырях переплывают через бурный Вахш в гости к своим родственникам. В основном они везут наркотики. Такие случаи бывают часто, их вылавливают и возвращают обратно. Однако некоторые все-таки пробираются, тем более, что несомненно существуют родственные связи между населением правого и левого берега реки. Похоже, что это единый народ, искусственно разделенный государственной границей. Еще нам подсказали, где рядом с трактом у перевала находится горячий водоем – природная ванна.

Мы поехали дальше. Температура снижалась. Пришлось доставать теплые куртки. На перевале (отметку я не помню, но это самый высокий перевал в Союзе) было просто холодно. Все, кроме меня, жаловались на тошноту и головную боль, я же не чувствовала ничего, кроме холода.

Мы, конечно, нашли горячую ванну – это был плохо огражденный камнями небольшой пустынный водоем, над которым плотной шапкой стоял пар. Купаться и греться в такой теплой воде – одно удовольствие. Мы, наверное, торчали здесь не меньше часа.

На ночь остановились уже после перевала. Спали, конечно, в мешках, сверху даже прикрывались чем-нибудь теплым. На утро проснулись совсем в другой обстановке. Впереди – освещенный ярким солнцем широкий, привольный, безлюдный пейзаж – пустынная холмистая равнина. Вдали – как белоснежное ожерелье- плавные спокойные контуры заснеженных горных вершин.

Недалеко от дороги – ярко-синее озеро, вокруг которого ни кустика, ни деревца. Все пустынно, озеро имеет форму огромного блюдца. Мы шли к нему по какой-то нетвердой, слегка похрустывающей и пружинящей корке. Оказалось, что это соленое горькое озеро, в котором не живут никакие рыбы или птицы. Конечно, красиво, но немного жутковато.

Вдруг вдали появились неясные движущиеся темные фигуры, напоминающие стога сена, которые почему-то быстро к нам приближались. На нас неслись, выставив рога, незнакомые животные, похожие на косматые черные горы. Оказалось, это яки. Они, наверное, по размерам – как бизоны, но с очень длинной, прямо в пол, шерстью. Вообще то это было страшновато, особенно потому, что они выглядели совершенно дикими, а кругом – никаких пастухов.

В общих чертах, судя по тому, что мы видели, проезжая через эту горную систему по Памирскому тракту, я бы разделила Памир по геоморфологии на две части – западную, по форме складчатости напоминающую Кавказ или Альпы, то есть интенсивно расчлененную, с пиками и пропастями, ущельями с горными ручьями, и восточную, высокогорную, сухую, со сглаженными формами рельефа, где на фоне относительно ровной высокой платформы (выше 4 км) высятся огромные, издали пологие, сглаженные «холмы», покрытые вечным снегом – те самые семитысячники. Они напоминают мудрых старцев, с высоты спокойно посматривающих на своих более молодых шаловливых потомков.

Спуск в Киргизию был более спокоен. Стали появляться отары овец, табуны лошадей, пастухи на лошадях в треугольных войлочных шапках в сопровождении собак. Появились и кустарники, одиночные деревья. Короче, горы закончились, началась Киргизия.

На дороге нам стали попадаться всадники на крепких лошадях, как мужчины, так и женщины, причем у многих во рту были трубки. Все люди, в основном, в национальных, не похожих на узбекские и таджикские, костюмах и в своеобразных войлочных шапках с кисточками. Да и внешне они отличались своими широкими скуластыми лицами и раскосыми глазами.

Мы заехали в небольшой город Ош и зашли там на базар. Большого обилия фруктов я нигде не видела. Одних персиков было как минимум с десятков сортов, причем большую их часть вообще нельзя перевозить – они такие нежные, что от простого прикосновения на их

чудной, бархатистой коже появляются пятна, и они портятся прямо на глазах. С уверенностью могу сказать, что таких ароматных, вкусных и сладких персиков, как в Оше, просто нельзя и представить, а у нас в Ленинграде вообще не бывает.. Конечно, было полно и других фруктов, но нам они казались привычными, просто вкусными, сладкими, как везде в Средней Азии. Поэтому Ош в моих воспоминаниях связывается именно с персиками.

Кстати, один из геологов, с которым мы имели дело, отвел нас в свой сад и показал особый сорт персиков, которые настолько нежные, что их нельзя доставить даже на соседний базар – их надо срывать с ветки и тут же есть

Рядом с городом Ош находится место, являвшееся целью нашей геологической поездки – скальное обнажение, где можно наблюдать разлом, по которому на поверхность вытекает нефть. Это, в свою очередь, доказывает возможность фильтрации нефти из глубин по трещинам, а тем самым показывает актуальность работ, которые проводил наш сектор трещинных коллекторов.

—
Обратную дорогу в Термез мы опять-таки совершили по Памирскому тракту, но этот путь как-то стерся в моей памяти. Помню только, что на этот раз я, также, как и все, отреагировала на резкую смену давления, с трудом передвигала ноги, болела голова, подташнивало. Даже не ходили к соленому озеру, но в теплой ванне у перевала – купались. Где-то по дороге к нам в машину подсел попутчик, разговорились. Он оказался топографом и участвовал в целом ряде экспедиций по Памиру. Узнав, что мы из Ленинграда, он просил нас сообщить в Академию Наук о том, что в одном из здешних горных озер (дал его координаты) он наблюдал необычное крупное, по виду земноводное животное типа лохнесского чудовища, с красной гривой. Я ему это обещала и действительно звонила в Академию Наук, но там на мое сообщение никак не отреагировали. Сказали лишь, что сведений о лохнесском чудовище у них накопилось уже более сотни из разных мес, мало ли кому что-нибудь могло примерещиться.

Работа во ВНИГРИ.

«Вернувшись в свой город, знакомый до слез», снова до следующего лета я погрузилась в прозаические будни. К работе, связанной с обработкой набранного полевого материала, особого рвения я не проявляла. Однако любознательности на то время я окончательно не потеряла. Дело в том, что в те далекие годы (конец 50-х – начало 60-х) в институте работало много корифеев геологии. В зале Ученого Совета происходили жаркие научные дискуссии по самым разным проблемам, иногда основополагающим.

Помню одно из таких заседаний. Весь зал был забит слушателями. Молодежи, в том числе и мне, достались лишь стоячие места у стенок. Обсуждалась проблема происхождения нефти. В те времена существовало две взаимно противоположных теории – органическая и неорганическая. Сторонники первой, а к ней принадлежало подавляющее большинство исследователей во всем мире, считали, что нефть образовалась в результате геохимических процессов преобразования органического вещества сапропелевого типа в процессе осадконакопления. Сторонники второй считали, что нефть поступала в земную кору из земных глубин по разломам. Спор происходил между двумя ведущими специалистами – академиком Н.Б.Вассоевичем и академиком Н.А.Кудрявцевым. И конечно, это был образец научной дискуссии. Хотя оба были достаточно темпераментные и категоричные в отстаивании своих убеждений, ни один из них не позволял себе оскорбительных выпадов по отношению к оппоненту, не перебивал его в запале, внимательно выслушивал и показывал ошибочность или спорность приведенных им доводов. И теперь, через столько лет, слушая по телевизору различные ток-шоу, с грустью должна заметить, что общая культура собеседников стала на много ниже.

В зале Ученого Совета проходили не только защиты отчетов, диссертаций и научные лекции, но и вечера поэзии, правда, во внерабочее время. В те времена в стране был какой-то всплеск интереса к поэзии. В Москве и Ленинграде, а может быть и в других городах, соби-

рались целые стадионы, чтобы послушать выступления выдающихся поэтов того времени – Окуджавы, Евтушенко, Вознесенского, Рождественского, Городницкого, Ахмадулиной и др. По-моему, всех их объединяло ощущение внутренней свободы, высокой гражданственности, так называемое, «чувство оттепели». Я даже на День поэзии однажды специально ездила в Москву, а уж в Ленинграде старалась не пропустить ни одного поэтического собрания.

Так вот, у нас в институте тоже были любители поэзии. Им удалось организовать во ВНИ-ГРИ два вечера, на которых выступал Иосиф Бродский, благо, что он жил рядом с нашим институтом – в доме Мурузи на углу Литейного и Пестеля.

Конечно, это была неординарная личность, даже сама фигура Бродского – вошел огромный косматый рыжий парень в толстом поношенном свитере в сопровождении целого шлейфа юных поклонниц, смотревших на него, как на божество. Он как медведь буквально лег на трибуну и завыл. Это было что-то среднее между монотонной мелодекламацией и вокалом. По спине бегут мурашки... Часа два он, не переставая, читал свои стихи.

«...горя и боли мимо бредут по земле пелигримы.

Горбаты они, убоги, нищи, полуодеты,

Глаза их полны заката, сердца их полны рассвета...»

Мне совсем непонятно, что трогает душу, но трогает. После таких стихов хочется молчать, поэтому шумные восторги сопровождавшей его свиты раздражают и кажутся каким-то диссонансом. Воспоминания остались на всю жизнь.

Потом, когда Бродского судили за тунеядство, я подписывала какую-то общественную декларацию в его защиту, которая даже не зачитывалась на суде. У нас по рукам ходила стенография судебного заседания. Это было воплощением злобной дурости. Даже казалось, что это шарж на правосудие.

—

Конечно, жизнь в городе для меня в те времена заключалась не только в работе, но и в посещении зрелищных мероприятий, и в частности, наиболее дешевых – кино (я считаю, что среди наших отечественных фильмов были настоящие мировые шедевры). Много времени уходило на чтение различных журналов и книг. Я по-прежнему увлекалась поэзией. Находилась время и для типичных для юных девиц свиданий, танцах в Мраморном зале (на Васильевском острове в ДК им.Кирова), прогулках, дурака валянии. Находилось некоторое время и для учебы, то есть для нерегулярного посещения Горного института.

Бывали и часы депрессии, когда все кругом казалось скучным, неинтересным, а самое главное, моя собственная жизнь, да и я сама. Для таких моментов у меня был подготовлен набор пластинок (в основном это были романсы в исполнении Шаляпина и Обуховой, но под самый конец – «Гитара гауча» неизвестных исполнителей). Я в одиночестве или с Валецкой сидела с ногами в высоком кресле, пила шампанское из хрустального старинного бокала, тем самым пополняя скудеющее ощущение красоты, загадочности и необъятности окружающего мира.

Но окружающий мир напоминал о себе и отвлекал от таких размышлений. Зимой у меня, здоровенной, жизнерадостной и цветущей девицы, бывшей накануне на танцах, утром на ноге появились три огромные, величиной с пятак, глубокие язвы – воспоминания о Средней Азии, теплых южных ночах и москитах. Я понеслась в поликлинику, объяснила, что это, наверняка, пендинская язва, которой я летом заразилась в экспедиции. В поликлинике мне болячки смазали какой-то мазью, завязали бинтом и тут же отвезли в Боткинскую больницу.

Положили меня в огромную палату человек на двадцать, всю заставленную, как по стенкам, так и по центру, железными койками. Меня поместили в самый центр. Тапок не дали, велели с кровати не вставать.

Вокруг меня лежали в основном старухи с воспалением легких. Отношения наши не сложились – дело в том, что я оказалась прекрасным и единственным в городе экспонатом для студентов и врачей. Ко мне без конца приходили целыми группами студенты, чтобы посмот-

реть на «трофическую язву». Им вначале рассказывали о существующих дерматологических заболеваниях. Затем следовала демонстрация редкой для наших краев язвы с каким-то латинским названием. А для этого с меня каждый раз сдирали плотно прилипающую повязку, что было очень даже больно.

Естественно, такое обилие шумных посетителей не могло радовать моих соседей, но и меня не радовало повышенное внимание к моей персоне, тем более, что никакого лечения не было. Как мне потом сказали, у нас в городе с таким заболеванием еще не сталкивались, надо проследить, как оно будет развиваться дальше. После пятого за день посещения медиков я поняла, что мой вклад в медицину уже вполне достаточен, и потребовала, чтобы меня отсюда срочно выписали. С трудом добившись своего, поехала домой и занялась самолечением – просто завязывала ногу бинтом, который меняла даже не каждый день.

Я знала, что пендинка бывает трех вариантов – трех-месячная, полу-годовая и годовая, после чего она сама по себе проходит. Я прекрасно помнила, что от нее на коже остаются неизгладимые следы, но у меня она, слава богу, не на лице. Болевых ощущений не было, поэтому я особо не паниковала, вела обычный образ жизни. Действительно, у меня оказалась самая легкая форма, и через три месяца я была уже абсолютно здорова.

Другое неприятное событие этой зимы произошло у нас дома. Я уже писала раньше, что после смерти бабушки наша квартира стала коммунальной – в двух комнатах поселился профессор-психиатр Попов Николай Александрович и его супруга Галина. Я им, особенно ему, не симпатизировала, но так как бытом я не занималась, то мои общения с ними ограничивались «здравствуйте» и «до свиданья». Танечка, правда, при мне жаловалась маме, что Попов – страшный бабник, щиплет ее за попу, а стоит Галине выйти за порог, как он к себе кого-то приводит. Меня это не интересовало, тем более, что он такой старый, противный, лысый и маленький.

Но тут как-то я рано вечером возвращаюсь домой с работы, а на лестнице стоит моя мама в фартуке, вся перепуганная. «В чем дело?» – «Да там Николай Александрович, наверное, пьяный, я его боюсь, он меня хватает, тянет к себе». Надо знать мою маму – чтобы она на кого-нибудь пожаловалась – такого не бывает, у нее всегда все люди очень хорошие, да и она сама – воплощение доброты и беспомощности. Я врываюсь в квартиру, в передней стоит Попов, для меня сгусток мерзости. Я подошла к нему и, задыхаясь от ненависти, тихо сказала что-то вроде «Если вы еще когда-нибудь хоть пальцем дотронетесь до моей матери, то я вашу голову сверну на спину». Вроде бы инцидент закончился, тем более, что я его жене ничего не сказала, но не тут-то было.

Через месяц меня вызывают в деканат Горного института. Зам. декана, суровая женщина, показывает пришедшее по поводу меня от профессора Н.А.Попова письмо с просьбой исключить из института недостойную звания советской студентки Белоновскую Л.Г. так как ... А дальше – перечисление моих прегрешений. Обвинялась я по всем статьям и как хулиганка, дебошир, пьяница, мошеница, проститутка, вожу кампанию с подозрительными элементами, устраиваю оргии, занимаюсь антиобщественной деятельностью, пропагандирую опасные анти-советские идеи, воспитана в семье врагов народа, по-моему, даже шпион иностранной разведки. Немного он переборщил с обвинениями, и это была его ошибка. Кроме того, уже годы были не те – на дворе «оттепель». Не приняли всерьез его обвинения, а мне посоветовали держаться от него подальше и не вступать с ним ни в какие конфликты. Кстати, подобное заявление Попов послал и на мою работу, но там также на него не отреагировали.

Вот такие вот были отношения. Кстати, именно в это время я услышала очень для меня подходящий анекдот. «Она любила все человечество за исключением соседей по квартире» – ну прямо про -меня.

Наконец-то кончилась долгая зима, полная выше перечисленных неприятностей, а также тоскливого ожидания следующего полевого сезона, и началась весна, и какая весна!... Апрель 1961 года! Наш Юрий Гагарин в космосе! Такого всеобщего счастья и ликования в моей жизни больше никогда не было! Народ вывалил на улицы, незнакомые люди обнимали друг друга, поздравляли с прорывом человечества (кстати, русской национальности) в космос. И какой он солнечный, родной, с каким открытым и добрым лицом! Я прилипла к телевизору (он у нас появился еще при жизни бабушки, мы были одними из первых телезрителей Ленинграда) и с удовольствием и гордостью смотрела все передачи, где показывали, как встречали Гагарина. Я даже вместе с Хрущевым проливала слезы умиления, когда тот его обнимал и поздравлял с полетом.

Все-таки, в какой прекрасной стране я родилась, какие у нас умные и мужественные люди! Ну и пусть, что мы живем беднее, чем на Западе, что у нас плохо с жильем, с дорогами. Зато мы помогаем тем, кому совсем плохо, кто голодает (на то время, вероятно это была Африка. Мы вкладываем деньги в мировую науку, мы поднимаем целину, строим в Сибири мощные гидроэлектростанции, собираемся повернуть полноводные сибирские реки в Среднюю Азию, чтобы дать воду задыхающейся от засухи огромной, ныне пустынной территории. Да и вообще, все, что мы делаем, это грандиозно и направлено не на благо какого-то капиталиста или помещика, а на благо всего человечества. Это благородно, а главное, справедливо.

Вот такие вот светлые и наивные мысли были, наверное, не только у меня, но и у значительной части тогдашнего молодого поколения.

Оттепель.

И все же реалии жизни не проходили мимо меня незамеченными. Во времена Хрущевской оттепели в стране произошли существенные перемены. Сейчас я думаю, самое время рассказать о том, как впервые я почувствовала, что такие для меня основополагающие жизненные понятия, как справедливость, у нас в стране могли и могут и не соблюдаться.

Я очень хорошо помню этот день. Мы вернулись на базу в Термез после очередного маршрута, и на почте я получила письмо от мамы примерно такого содержания: «Люсенька, пришли мне, пожалуйста, данные твоего паспорта. Дело в том, что тебе могут выплатить 300 руб (цифру я не помню, но она была весьма скромная) за папочку. Я уже получила, потому что в бумаге написано, что Юрочка был действительно не виноват, но его убили. Целую, твоя мама». Мне как будто дали оплеуху. Я послала маме телеграмму: «Не смей получать деньги за жизнь отца», а для себя решила, что, вернувшись домой, буду расследовать все обстоятельства его ареста и гибели. Я была просто в бешенстве, хотя, конечно, посылать подобную телеграмму маме, человеку, отбывшему шесть лет в ссылке лишь за то, что она была женой, было по меньшей мере жестоко.

Вообще-то история с поисками истины началась еще примерно года за два до описанного письма. Как-то мама, вернувшись с работы (а она работала лаборантом на станции переливания крови) рассказала мне, что ее хорошая знакомая, служившая кассиром в сберкассе, рассказала, что вдовам осужденных по 58-ой статье, положена хорошая пенсия. Уже несколько человек ее оформили и получают, она сама им выплачивает.

Еще при жизни бабушки, в 1948 году, когда истек срок задержания отца (10 лет без права переписки), мама посылала запрос в НКВД. В начале нам ответили, что Белоновский Г.Г. задержан вплоть до выяснения каких-то дополнительных обстоятельств. Затем пришла справка, что он умер в 1944 году от воспаления легких. Мама, конечно, плакала, говорила, что у Юрочки давно были слабые легкие, бегала в церковь, заказывала панихиды.

Так значит теперь власти точно разобрались, что он невиновен. Поэтому мы с мамой решили, что раз ей до выхода на пенсию остался еще целый год, а работа лаборанткой означала работу уборщицей и соответственно оплачивалась по минимуму, то имеет смысл ей выхлопо-

тать пенсию за отца. С помощью этой хорошей знакомой она собрала необходимые документы, а та подала их, куда надо. Через порядочное время знакомая вернула маме документы обратно. Ей объяснили, что такая пенсия полагается лишь женам партийных, а Юра был беспартийный.

Я взвилась от негодования. Уже к тому времени было известно, что приговор «10 лет без права переписки» означал расстрел. Я об этом маме не говорила, мне казалось, что это будет ей особенно тяжело. Но меня возмущала несправедливость. Поэтому как-то вечером, сидя с ногами в своем кресле, выпив какого-то вина для храбрости и подогревая себя соответствующим подбором пластинок (по-моему, это было что-то брутальное из Шуберта), я написала гневное письмо на имя Н.С.Хрущева. Смысл его заключался в том, что когда расстреливали, то не спрашивали парт.билет, а чтобы хоть как-то искупить свою вину, он потребовался. Разве это справедливо? Ведь это просто подлость. Вот такое письмо с адресом Москва, Кремль, Хрущеву я отнесла на Московский вокзал и передала прямо в почтовый вагон.

Через нескольких месяцев ко мне по почте пришла официальная бумага из Ленгорсовета с приглашением явиться такого-то числа в такой-то кабинет в Мариинский дворец. Я пошла туда, хотя и немного трусила – ведь посоветоваться с кем-нибудь я не могла. Меня принимал какой-то очень вежливый чиновник, уж теперь не помню теперь, мужчина или женщина. Он показал мне мое письмо, на котором была резолюция, что-то вроде «разобраться». – «На что вы жалуетесь, что вы хотите?» – «Я ничего не хочу, а жалуюсь на несправедливость». – «Вы неправы, никакой пенсии вдовам репрессированных мы не выплачиваем». – «Ну как же так, мне об этом сказали в сберкассе». – «Это ошибка, просто партия считает возможным ежемесячно выделять из своих средств определенные суммы своим пострадавшим членам. Это не называется пенсией».

К моему стыду, у меня из глаз полились слезы – как могут взрослые люди обманывать, ведь это нехорошо. Беседа продолжалась, у меня спросили про мать и сказали, что ей в виде исключения тоже могут назначить досрочную пенсию исходя из минимального оклада (то- есть 50 руб). Я сказала, что не надо, так как она уже достигла пенсионного возраста и получает свою минимальную пенсию. Далее у меня спросили, как у меня дела с квартирным вопросом, нет ли жалоб. Я ответила, что все хорошо и мне ничего не надо. Со мной вежливо попрощались и сказали, что если возникнут затруднения, то обращайтесь.

Переживала я этот визит довольно долго, особенно меня угнетали мои слезы и сопли – как я могла быть таким слабаком. В голову невольно лезли стих великого поэта «...немытая Россия, страна рабов, страна господ...». Ну почему я прямо не сказала, что «вы мне лжете», а разревелась. Действительно, под моей боевой внешностью скрывается рабская сущность, и с этим я ничего не могу поделать.

И еще один эпизод, ранящий душу, врезался в память. В это время я зачитывалась только что вышедшим в свет романом Б.Пастернака «доктор Живаго». Особенно меня поразили его стихи. И вдруг по радио я услышала гневное выступление Хрущева, в котором он клеймит Пастернака и заявляет, что ему не место в Советском Союзе, пусть убирается вон. Я была просто в ярости. Да он такой, чтобы судить такого человека! Ведь Хрущев позорит своим выступлением мою страну! Я кричала металась, как ненормальная у репродуктора. Куда написать, куда жаловаться? Но тут же по радио прозвучало ответное письмо Пастернака, и какое письмо... В нем он просит не лишать его Родины. Я просто плакала от сострадания, бессилия, от личного оскорбления. Да и сейчас, когда я вспоминаю этот день, у меня снова глаза на мокром месте. Выходит, не ладно мы живем, не по- совести.

Снова Средняя Азия

Летом я уже поехала в Среднюю Азию в другом составе – Гоша углубился в науку, писал диссертацию. Над своим столом он повесил лозунг, на котором крупными буквами было напи-

сано: « *Счастье – это когда утром с радостью идешь на работу, а вечером с радостью возвращаешься домой*». Несомненно, оно у них было.

Теперь моим начальником стала Таня Дорофеева, молодая (старше меня лет на пять), жизнерадостная, умная, внешне очень приятная девушка с красивыми золотистыми длинными волосами. Она недавно защитила кандидатскую диссертацию, а теперь правая рука Евсея Максимовича.

Дальнейшие полевые работы я проводила в основном под ее ненавязчивым руководством, за исключением тех случаев, когда ей приходилось по семейным обстоятельствам оставаться дома.

Итак, снова ослепительное солнце, южное небо, сказочные места – снова Средняя Азия.

Состав видоизмененной партии и нашу полевую работу я помню смутно. Наиболее яркие впечатления остались от посещения Бухары. Это как побывать в сказке «1000 и одна ночь».

Под слепящим эмалевым голубым небом теснятся средневековые двух-трехэтажные светлые, в основном белые и бежевые дома, часто сложенные из глинистых кирпичей, с редкими окнами на улицу, или вообще без окон. Обычно они окружены глухим, иногда узорчато-кирпичным глиняным забором. Между жилыми постройками возвышаются стройные белые мечети и минареты с голубыми сверкающими на солнце изразцовыми куполами, на большинстве которых почему-то находятся крупные гнезда аистов, устроенные из веток.

Улочки узкие, извилистые, пересекающиеся. Все это перемежается с ярко зелеными кронами лиственных деревьев (по-моему, чинар), высаженных вдоль многочисленных арыков, и небольшими водоемами у практически каждой чайханы.

Машин в городе очень мало, изредка встречаются лишь в самой центральной части. В большинстве же улочек им просто не въехать, и транспортом здесь являются лишь навьюченные ослики, иногда – с маленькими тележками.

Народ практически весь в национальных одеждах, однако здесь часто (по сравнению с Термезом) встречаются мужчины в чалмах – чувствуется, что это старинный мусульманский религиозный центр. Женщин же в паранджах также не видно, да и вообще на улицах их очень мало.

Мужчины в основном отдыхают в чайханах под матерчатыми навесами у водоемов. Они, в тени, полулежа на коврах неторопливо ведут беседы, попивают чаи, играют в нарды и шахматы, некоторые курят какие-то сложные аппараты, вероятно, кальяны.

Кстати, во время моей работы в Средней Азии, а это 60-е годы, на базарах везде свободно продавался «нас» – это легкий наркотик в виде коричневой мелкой пыли, напоминающей махорку. Продавался гранеными стаканчиками, как у нас семечки. Я в Термезе пробовала его на вкус, но ничего не поняла, а когда решила сделать из него сигарету и выкурить, то тоже, кроме головной боли, удовольствия не почувствовала.

В Бухаре мы ходили по отмеченным в путеводителе достопримечательностям. Больше всего мне запомнился очень почитаемый у них мавзолей Самани (по-моему XУ1 век), сложен-

ный из светло-бежевых кирпичей, но так искусно, что кладка напоминает кружево. Из кирпича сложены колоны, арки, все величественно и красиво.

Так как никакого общественного транспорта не было, то осмотр достопримечательностей под раскаленным солнцем был утомительным, очень хотелось пить. Поэтому мы остановились у первого встречного ларька с водой. К нему была небольшая очередь местного населения. В

ларьке сидел толстый мужик с голым пузом, мокрым от пота и торговал газированной водой. Он наливал из какого-то большого сосуда в пивные кружки воду. Насколько я заметила, кружек было немного. Как только одна освобождалась, он ее тут же наливал для следующего посетителя. Для нас он сделал исключение – освободившуюся кружку вначале бросил в таз с водой, побултыхал ее там немножко, и налил уже нам наше питье. Конечно, в такую жару было не до санитарии с гигиеной, но вернувшись домой в свою машину, мы все выпили по таблетке фталазола, на всякий случай.

И еще такой забавный эпизод. Это уже во время маршрута в гористой местности. Так сложилось, что я отправилась одна, хотя и хорошо помнил, что это категорически запрещается по правилам безопасности. Но местность была открытая, холмистые безлесные предгорья. Погода, как всегда, прекрасная, маршрут короткий – всего километра три от лагеря.

Я, одетая в облегченную форму (шаровары, майка и легкая кепка на голове), с планшетом на боку и геологическим молотком в руке, бодро шагала по гребню холма, любовалась живописностью пейзажа, наслаждалась ощущением свободы и полным безлюдьем. Где-то далеко, внизу, в дымке зеленели луга, копошились крохотные фигурки. Вероятно, люди работали на хлопковых полях. Я была преисполнена собственной значимости и силы.

Но вдруг мне показалось, что какие-то четыре черные точки отделились от зеленого пейзажа и стали приближаться ко мне, постепенно увеличиваясь в размере. Наконец до меня донесся лай, я поняла, что на меня из далекого кишлака вверх по склону несутся четыре волкодава. А среднеазиатский волкодав – это очень серьезная собака. Мало того, что она ростом с теленка и выполняет сторожевые функции, но, как нам рассказывали местные жители, их тренируют так, чтобы каждый пес мог справиться с волком. Для этого их практически не кормят, считая, что они сами должны добывать себе пропитание.

Короче, я испугалась. Что делать? Никакого укрытия или дерева, на которое можно забраться, нет. А собаки все ближе и ближе, они окружают меня полукругом. Не лают, а жутко рычат. Видно, мне конец. Я изо всех сил стала кричать, может быть меня услышат работающие внизу на полях люди, хотя вряд ли. Ну что ж, буду сражаться до последнего. Я стала бросать в них камни. Собаки остановились, сели, внимательно глядя на меня. Лай и рычание стали менее страшными. Время от времени они обнюхивали не долетавшие до них камни (я никогда не отличалась меткостью). Потом я заметила, что их обрезанные хвосты слегка шевелятся, а я знала, что на собачьем языке это означает дружелюбие. Ну и повезло же мне, осталась жива.

Потом мне объяснили, что меня спасло. Спас меня мой крик. Оказывается, что волкодавы никогда не нападают на женщин, это у них на генетическом уровне. Издали они меня приняли за мужчину-чужака, и лишь по голосу поняли, что ошиблись. Вот какие бывают истории.

Уже потом, заходя в кишлак, я сталкивалась с такими собаками. Считаю, что это умнейшие и красивейшие собаки. Им обычно режут уши и хвосты, чтобы волку при борьбе не за что было ухватиться. На шее у них длинная густая шерсть, настоящая грива, но такая шелковистая. Они любят и понимают ласку – я даже обнимала одну из таких собак, она мне это позволила. Буквально руки утопали в ее мягкой шерсти. Она меня не сторонилась, а, наоборот, даже лизнула. Но вывозить их в Россию нельзя – они погибают то ли от нашего климата, то ли от иного образа жизни.

В городе все шло своим чередом. Изменения прошли на работе – уволилась Майя, ушла работать экскурсоводом в минералогический музей Горного института. У них с Гошей родилась дочка. Ушел на пенсию наш шеф Евсей Максимович, стал просто консультантом, и вместо него руководителем сектора была назначена Мара Хаджиевна – доцент Горного института, довольно молодая женщина лет 35, стеснительная, с тихим голосом, не умеющая давать приказания.

В секторе встретили ее не очень-то приветливо – ряд сотрудников (по-моему и Таня) считал себя более достойным звания руководителя, но лично мне она понравилась сразу. Я еще помнила ее по Горному – она читала нам курс нефтепромысловой геологии. На ее лекциях можно было бездельничать, она практически не делала замечаний, а когда задавала кому-нибудь вопросы и он не отвечал, то краснела и смотрела в землю.

С ее приходом постепенно стала меняться тематика исследований, на первый план выдвигались уже литологические вопросы, а не тектоника. Сектор стал уменьшаться в численности. Тем не менее мы, человек 20, сидели в одной большой комнате с перегородкой – бывшей гостиной. Мое место было у шикарного мраморного камина (мне как-то по почте прислали поздравление, где на конверте было написано «Ленинград, Литейный 39, Белочке у камина»).

В нашей половине так называемая молодежь, а это пять человек, как-то сдружилась, прямо чувствовали себя родственниками. Естественно, занимались не только работой, но и всякими общественными приколами. Самый забавный и самый молодой в нашей кампании был Виктор Деч – мне он казался совсем мальчишкой, младше меня на три года, нахальный, веселый, не злобливый, дурашливый. А самой старшей была моя начальница Таня Дорофеева, которая, как я уже говорила, на то время была моей лучшей подругой. Она всегда была полна идей и активно привлекала меня к их исполнению. Мы писали забавные поздравления, заметки в газету «Нефтяник», торжественно-сатирические адреса. Я не только писала стихи и тексты, но и украшала их, по мере сил, рисунками и фотографиями. Иногда получалось очень даже забавно.

В обеденный перерыв часто отправлялись ко мне на квартиру – благо я жила совсем близко от работы – там распивали чаи (но не алкоголь) и болтали на разные темы. Должна отметить, что вопросы мироздания или политики мы не обсуждали, хотя лично меня они очень интересовали.

Конечно, обсуждали историю с Евсеем Максимовичем, к которой я была в определенной мере причастна. Вообще-то он в секторе пользовался безусловным уважением, и не только из-за возраста, но и по жизни. Он был из плеяды старых большевиков, в революцию служил комиссаром на боевом корабле. В войну работал руководителем Дальневосточного геологического ведомства. В тяжелейших условиях полного безлюдья и бездорожья проводил первые разведочные работы.

После войны занимал высокие геологические должности в Западной Украине, создав там во Львове филиал ВНИГРИ. Словом, был всегда там, куда посылала его партия.

И вот партия решила, что после 70 лет научным сотрудникам желательно уходить на пенсию. А у нас в институте таких было полно. Однако единственным, кто выполнил это пожелание (или распоряжение), был Евсей Максимович.

Бытовые условия у него были очень скромные – он жил один в малюсенькой однокомнатной квартире, обстановкой напоминающей каюту корабля – узкая койка, тумбочка, письменный стол, фанерный шкаф для книг и газет, два-три стула – и все. У него была живущая отдельно больная сумасшедшая жена, он платил ей алименты, хотя и был разведен, и двое пенсионного возраста детей, с которыми он практически не общался и которые жили где-то в Сибири. Вот таким мы его себе представляли.

И вдруг оказывается, что он уже давно был влюблен в нашу Майю, мою бывшую начальницу. Задним числом, меня конечно удивляло, зачем это он так долго инспектировал нашу партию в Средней Азии, зачем Евсей Максимович в городе посадил нас с Майей в свой отдельный кабинет, почему это Майя позволяла себе так резко, а иногда и грубо с ним разговаривать. Однажды, когда Майя заболела, он послал меня к ней с пакетом каких-то продуктов, Майина мама не хотела даже их принимать, но я уговорила, объяснила, что это от сектора. Мне не приходило в голову, что такой старый заслуженный человек может влюбиться в молодую женщину.

Положение обострилось, когда появился Гоша. Вероятно, Евсей Максимович всеми силами пытался этому противиться, но состоялась свадьба, а потом Майя родила ребенка. Меня Евсей Максимович вызвал в свой кабинет (я уже сидела вместе со всеми внизу у камина) и попросил отнести Майе подготовленный им пакет с детским бельем, игрушками и питанием. Я в начале вроде бы согласилась, взяла его, но во время наших общих обсуждений мне рассказали, что Евсей Максимович написал в партком жалобу на Гошу, обвинял его в религиозном кликушестве. Я в начале не верила, но мне даже показали само это заявление. Это было шоком. Я поднялась в кабинет к Евсею Максимовичу и отдала пакет назад. Сказала, что не могу выполнить его поручение. Он спросил, почему. Я ответила, что из-за его письма. То, что было дальше, даже вспоминать больно. У него на глазах показались слезы, а уж про меня – нечего и говорить, буквально разревелась. Я поняла, что эта любовь для шефа была страшной трагедией.

Уже через много лет мы как-то пришли к нему, одинокому, полуслепому, глухому, на его 98-летие. Он шутил, говорил: «Что уж вы меня так поздравляете, разве это праздник? Вот давайте соберемся через два года».

Меня поразила скудность обстановки и посуда в его доме – алюминиевые ложки и вилки, граненые стаканы, разнобойные самые дешевые тарелки. Словом, человек явно не купался в богатстве. На тумбе – газеты и геологические журналы, которые он мог читать только с лупой.

Ну так что, какой он человек, хороший или плохой? Не знаю, но мне было его искренне жаль.

Появление Игоря. Тимано-Печора.

Тем временем в нашем секторе появился новый сотрудник – молодой специалист Игорь Татаринов. Его посадили в наш кабинет, но за загородку, так что я его увидела не сразу. Зато одна из наших наиболее информированных сотрудниц, встретив меня как-то на улице, спросила: «Как у тебя дела с этим мальчиком?». Пришлось одеть очки, и я пошла на ту половину, чтобы на него посмотреть. Ничего себе, но знакомиться совсем не обязательно, мне вполне хватало своей друзей.

Вскоре я стала замечать, что Витка упорно втягивает в нашу кампанию этого Игоря, даже в кино он шел вместе с нами, и вскоре вместе со всеми приходил ко мне в квартиру. Причем вначале мне это не нравилось, тем более, что нахальством и раздолбайством он старался подражать Витке.

Так постепенно Игорь проникал в мою жизнь.

Примерно первые полгода наши отношения не выходили за пределы обычного знакомства. Мне, конечно, было приятно все время ощущать его неотступное внимание, и я понимала, что старание быть со мной «своим парнем», это только маска, скрывающая стеснительность и неуверенность в себе. Но навстречу ему я не шла.

Пришло лето, а с ним и полевые работы. Меня направили на север, в Тимано-Печорскую провинцию, в которую был направлен и Игорь.

Центром нашей базировки был маленький город Ухта, построенный в 30-50 годы в лесотундре заключенными. Временным руководителем была назначена Руфа Петрова – красивая молодая женщина с черными бархатными загадочными глазами. Но у нее были какие-то личные проблемы, поэтому через полмесяца она уехала в Ленинград, и мы остались в урезанном состоянии (геолог – Игорь и два техника – я и Женька – алкоголик). А задание было такое – изучение закономерностей развития трещин в земных недрах и влияние глубины (геостатического давления) на их раскрытие (т.е. ширину).

Дело в том, что в нескольких десятках километров от Ухты в поселке Ярега было открыто нефтяное месторождение, в котором нефть добывали шахтным способом, то есть можно было спуститься под землю и просмотреть, как выглядят продуктивные пласты.

В Ухте располагалась стационарная база ВНИГНИ и Ухтинский филиал ВНИГРИ. Кстати, в нем большинство геологов были бывшими заключенными, выходцами из Московских и Ленинградских институтов. Многие из них были глубоко пожилыми людьми, уже имели ученые степени и были признанными знатоками геологии северо-запада России. Они давно отсидели свой срок (10-15 лет), а возвращаться домой, видимо, было некуда. Конечно, мы по сравнению с ними были просто начинающими младенцами.

Нам порекомендовали ехать на 3-ю шахту, считающуюся наиболее продуктивной. Но она располагалась как раз на территории действующего лагеря. Нам выправили соответствующие документы, дали маленькую машину, и мы поехали в шахтерский поселок Ярега.

Пейзаж был довольно грустный – это плоская, как стол, практически безлесная, какая-то серая болотистая равнина с редкими лесочками, где тонкие сосны росли в виде спичек. Наконец вдали показались три высокие правильной формы горы – это терриконы выработанной пустой породы – результаты работы трех шахт. Мы приехали.

Ярега представляла собой скопление вполне приличных одно-двухэтажных деревянных бараков, стоящих вдоль трех прямолинейных улиц, вдоль которых были проложены деревянные пешеходные мостки. Здесь жили в основном вольнонаемные рабочие. Находилась также буровая контора, руководившая разработкой месторождения.

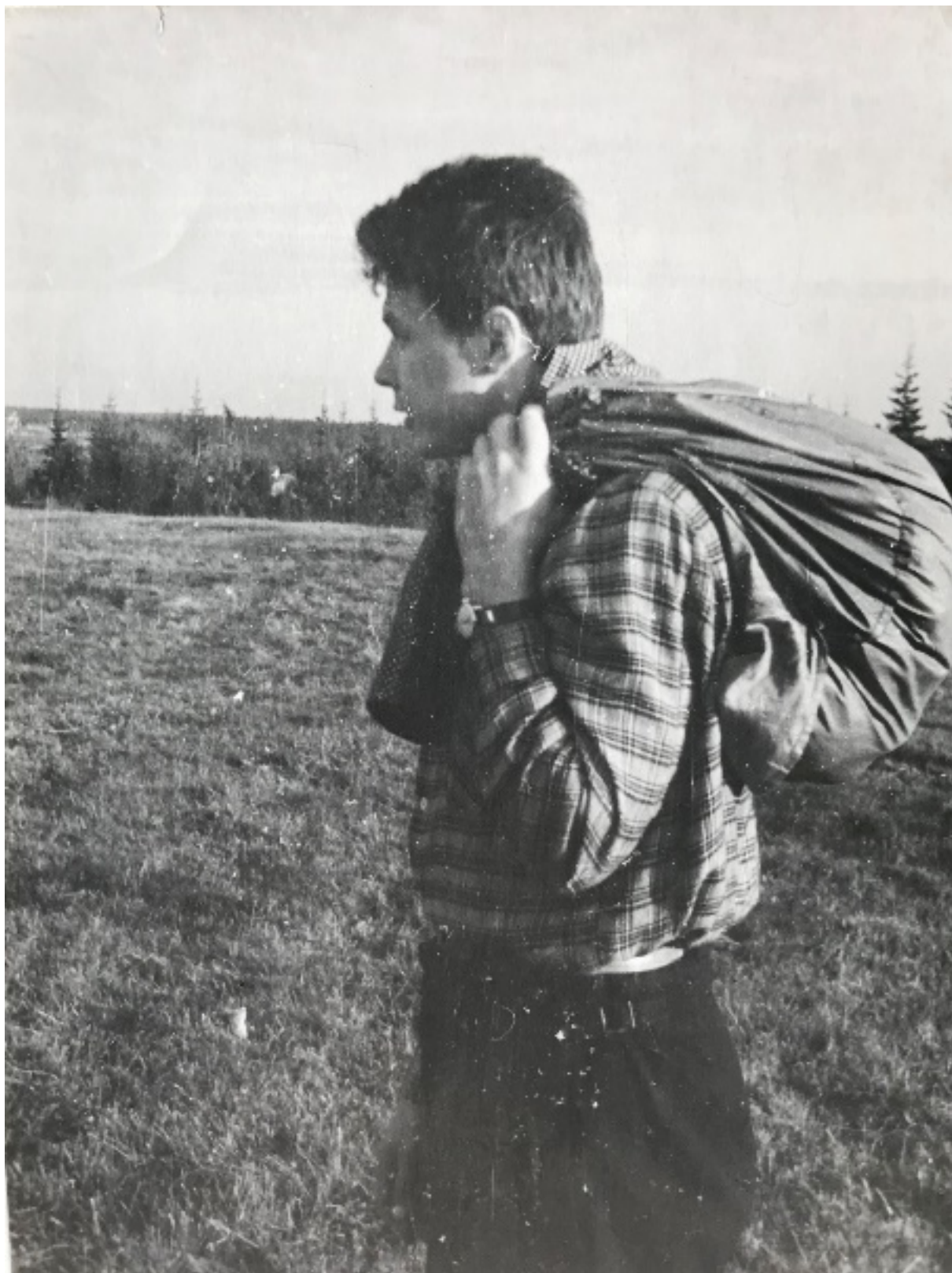
Само месторождение было на ту пору уникальным – добывали тяжелую нефть совсем близко от поверхности – всего каких-нибудь 200-300 метров (обычно продуктивные нефтяные и газовые пласты залегают на глубинах 1,5-3 км и более).

Нам выделили комнату в общежитии, в котором находилась также столовая. В общем условия были вполне приличными.

Конечно, жить в одной комнате с двумя парнями было несколько двусмысленным, однако взаимная неприязнь к вечно озабоченному неряшливому Женьке, а также попытки настроить его на путь трезвости, не могли нас с Игорем не сблизить. Работа отвлекала, тем более, что по вечерам мы должны были обрабатывать собранный днем материал. Однако вечера были слишком длинные – никакого телевизора или радиоприемника не было. Пойти гулять на улицу, хоть там и были фонари, тоже не хотелось. Поэтому мы в основном читали или разговаривали, хотя Игорь не отличался особой разговорчивостью.

В выходные ходили за грибами прямо за поселок в кочковатый болотистый лесок, предварительно интенсивно намазавшись дихлофосом от комаров. А комары здесь были не такие, как у нас в Ленинградской области. Во-первых, они несколько крупнее, а во-вторых летают не в одиночку, а плотными стаями и по наглomu всей стаей атакуют, выставив вперед, как пики, свои острые хоботки. Мне они напоминали почему-то пикирующие немецкие истребители. Правда, нам местные геологи рассказывали, что комары – это полбеда по сравнению с мошкой, пользующейся особенно широким развитием на севере и в Сибири – ведь не даром весь северо-восток страны практически безлюден. Из-за этих кровососов жить там просто невозможно. Даже зверей там мало, они вынуждены убегать из тайги на открытые ветренные равнины. Поэтому эвенки и прочее коренное население предпочитало селиться по побережью Ледовитого океана, а не в тайге.

Наши грибные походы выглядели следующим образом. Игорь не сходил с дороги и стоя читал газеты, терпеливо дожидаясь меня. Я ходила вокруг него кругами и сносила в расстеленный рядом с ним плащ грибы. Это были подберезовики и подосиновики. Искать их было не нужно – они тесно росли кругом, а я выбирала среди них наиболее красивые. Затем Игорь взваливал тук с грибами на спину, и мы возвращались домой.

В общежитии круглый год было центральное отопление, поэтому все собранные грибы мы нанизывала на нитку, а гирлянды сушили на батарее. В результате мы привезли в Ленинград столько сушеных грибов, что могли обеспечить ими всех родных и знакомых.

Работа на территории действующего лагеря впечатляла. Раньше здесь содержали как уголовников, так и политических. В результате уголовники, как горячие патриоты своей страны, люто ненавидели предателей Родины, иногда возникали страшные кровавые стычки. Так как все они работали в шахтах, то начальство следило за там, чтобы уголовники и политические

спускались туда в разные смены и работали на разных участках. Но в результате Хрущевской оттепели политических выпустили, остались одни уголовники. Именно с ними нам и нужно было работать.

Лагерь был мужской, так что мое появление в нем – для начальства лишние хлопоты. Но мне было очень интересно, и я настаивала.

Начальство лагеря для нашего посещения выбирало определенные дни и часы. По-моему, мы могли быть под землей в день не больше 4 часов. Кроме того, мы могли посещать только определенные штреки (участки), где в данное время не ведутся работы. И самое главное, нас должен был все время сопровождать с оружием специально выделенный человек. Вот сколько с нами было мороки.

Нашим охранником оказался очень симпатичный молодой парень, осужденный на 10 лет за убийство. Он нам рассказал свою грустную историю. По окончании военного училища и получения звания лейтенанта, всем им выдали оружие. Он с однокурсниками пошел в кафе, чтобы отметить это радостное и торжественное событие. В кафе выпили, завязалась ссора, в борьбе за справедливость в ход пустили новенькое оружие. В результате есть убитые. Вот так глупо очень хорошему, несомненно доброжелательному, спокойному, позитивно по жизни настроенному человеку самому удалось сломать свою жизнь. Мне было его искренне жаль.

Сама работа заключалась в следующем. Проходили через контрольно-пропускной пункт, где проверяли наши документы. Вызывали нашего сопровождающего, он нас отводил в раздевалку для инженерного состава. Там нам выдавали тяжеленную брезентовую рабочую робу, защитные каски с фонариком и аккумулятором, на бок какое-то специальное приспособление на случай аварии, на другой бок – нашу полевую сумку, в руки – молоток, и мы готовы.

Мне казалось, что в таком снаряжении я абсолютно не походила на женщину. Поэтому я смело выходила во двор, где свободно расхаживали не занятые в это время в забое эки, и мы шли вместе с ними к лифту, в котором по центральному стволу спускались вниз в шахту.

Внизу оказывались в хорошо освещенном штреке, являющимся центром пересечения расходящихся в разные стороны коридоров (штреков), по которым были проложены узкоколейки. По ним в разные участки пласта курсировали небольшие, в основном, грузовые составы (как в метро). Мы сели в открытую вагонетку, и по темному довольно узкому туннелю поехали к выделенному нам участку. Слезли, вагончики умчались дальше в темноту, а мы по еще более узкому штреку отправились куда-то вбок, в полный мрак. Включили свои персональные фонари на касках.

Конечно, находится под землей на глубине 200 с лишним метров жутковато. Кругом закладывающая уши тишина, время от времени нарушаемая неясными шорохами – где-то осыпался кусочек породы, или упала капля жидкости. Температура здесь постоянная порядка 5° и зимой, и летом. Везде ощущается сильный запах нефти и промозглая сырость. Нефть или пластовая вода пропитывают все вокруг – и стены, и пол, и потолок, но интенсивность пропитки разная. Иногда нефть просто капает со стен в специальные выдолбленные в породе желоба, откуда ее потом собирают. Но в основном рабочие – буровики отбивают мокрые куски пород, которые грузят на вагонетки, подвозят к центральному стволу и поднимают на-гора, где потом из них нефть и экстрагируется.

Несомненно, работа очень тяжелая, даже само нахождение в шахте мне казалось наказанием. Тем не менее мы в одиночестве делали свое дело – замеряли трещины, описывали породу, отбивали образцы для дальнейшего лабораторного анализа. Я частенько смотрела на часы – скорее бы конец.

Наконец наш охранник говорил: «Пора двигаться к выходу», и мы отправлялись к узкоколейке, по которой к нам в определенное время подъезжали вагонетки. В них уже сидели возвращавшиеся из дальних забоев рабочие.

В первый день произошел забавный случай. Мы залезли в свободный вагончик, сели на пустые железные скамейки и поехали к выходу. Ехали минут 15. Когда состав наш прибыл в центральную освещенную часть шахты, где находилась клеть, выполняющая роль лифта, все быстренько освободили вагончики и направились к лифту. Одна я не могла тронуться с места – оказывается, во время дороги какие-то шутники незаметно привязали меня за мою портупею к скамейке. Машинист кричит – выходи скорее, ему надо дальше вести состав, а я не могу распутаться с многочисленными веревочками. Кругом все смеются, вероятно у них такое практикуется с новичками. Пришлось нашим мужчинам мне помогать.

Как приятно подняться из шахты на открытый, свежий, пусть холодный и сырой воздух лагерного двора. На поверхности было довольно много зеков, они свободно расхаживали, занимались своими делами, к нам особого интереса, по-моему, не проявляли. Мы, грязные и усталые, в своих тяжелых робах шли к ИТР-овскому душу и раздевалке. И тут мимо нас фертом прошел один парень и прямо ожег меня своим взглядом. Такое лицо не забудешь. Он был типичный блатной авторитет, шел пританцовывая, кепка на макушке, на лице похоть, самоуверенность, наглость, презрение. От него исходила просто невероятная энергетика сильного самца. Меня взглядом он буквально раздел. Даже мурашки побежали по коже. Не дай бог с таким встретиться на свободе – не задумываясь, прирежет.

После этой встречи я с большим нежеланием спускалась в шахту и старалась держаться как можно ближе к нашему охраннику, да и Игорь не терял меня из виду.

Когда мы вернулись из Яреги в Ухту, то она нам показалась прямо столицей. Полно приятного народа, магазины, кинотеатры, кафе и столовые, асфальтированные дороги. Очень симпатичный местный парк, и хоть деревья там небольшие и хилые, но видно, что они высажены с любовью и за ними тщательно ухаживают. Даже неширокая река Ухта, в которой в солнечные летние дни можно было купаться, достаточно живописна.

Встретили нас очень приветливо. У нас на базе, где в это время было много командированных из ВНИГРИ, в том числе и моих знакомых, устроили вечеринку с танцами. Мы с Игорем танцевали, и он меня в первый раз поцеловал.

Таким образом Ухта явилась тем местом, где началась наша последующая долгая, свыше 50 лет совместная жизнь. Вроде бы счастливый для нас город. И все же, глядя в прошлое, мне почему-то вспоминаются ухтинские доски объявлений, связанные в основном с обменом жилья. Обычно предлагался обмен ухтинских отдельных двух-трех комнатных квартир в благоустроенном кирпичном доме на скромное жилье в более южных регионах страны. Нередко попадалась такая странная формулировка: «на любое жилье в России». Вероятно, Север в быту не воспринимался, как Россия.). Мне кажется, что дело не в скудной тундровой растительности, сером небе, скучной архитектуре современных кирпичных пятиэтажек, а в каком-то неуловимом чувстве несвободы этого северного города, большинство местного населения в котором живет здесь либо по принуждению, либо в результате печальных жизненных обстоятельств.

В Ленинграде все знакомые говорили, что я ужасно похудела. Я хвасталась– «Попробуйте на шахте поработать, там ведь повышенная радиация». Действительно, нам в Ухте сказали, что из воды этого 3-его пласта на соседнем обогатительном заводе извлекают какие-то важные радиоактивные элементы, причем за год их набирается с чемоданчик. Правда добавили, что этот бронированный чемоданчик каждый год увозят в Ленинград для дальнейшего использования.

Дома дела текли своим чередом. На работе я особенно не выкладывалась, обстановка была крайне доброжелательная. Правда, с учебой произошли некоторые изменения. Если раньше я была круглой бездельницей, и даже подумывала бросить всю эту скучную дребедень, то с появлением в моей жизни серьезного, целеустремленного Игоря, прогуливать лекции и

практические занятия стало как-то стыдно. На время сессии я отправлялась уже не в Горный, а в Москву в МИНХ. А там среди незнакомых людей бездельничать было неинтересно, поэтому я сдавала хвосты и потихоньку приближалась к диплому.

Москва и защита диплома.

С Москвой у меня были связаны довольно яркие впечатления. Прежде всего сам город мне очень нравился. Его живописное расположение, кривые, запутанные улочки, где за поворотом может находиться какой-нибудь неожиданный сюрприз в виде маленькой церквушки или старинного облупленного дома с палисадом, а то и вовсе тупичок. Ощущалась какая-то общая русская беспорядочная, бесшабашная, но сердечная атмосфера, отличавшаяся от ленинградского, немного высокомерного строгого официоза, и она меня трогала до слез.

В первый раз я попала туда весной. Меня поразило обилие в городе цветущих плодовых деревьев, особенно у Кремля в Александровском сквере, где была настоящая вишневая кипень. Холмистая местность придавала городу особенную живописность. Чего стоят Воробьевы горы, с которых можно без конца любоваться этим цветущим яблонево-вишневым городом. А проспект Вернадского, по которому я от Университета холила до своего института и до расположенного рядом общежития на Ленинском проспекте. Ведь он на всем своем протяжении по озелененной в виде бульвара середине был засажен кустами черной смородины. Когда она созревала, ее можно было есть, что для многочисленных студентов было весьма кстати (я тоже ее ела). И даже в центре на Чистых прудах, где я частенько жила у тети Люли, бабушкиной племянницы, среди пышных старинных лиственных деревьев были посажены единичные яблони и вишни. Москвичи говорили, что осенью, когда яблоки созреют, они очень даже вкусные, и их с удовольствием собирают прохожие.

Мне вспоминалось одно стихотворение из детства неизвестного мне автора (в младших классах мы в школе писали сочинение про Москву, и я под руководством бабушки написала к нему эпиграф):

«Город чудный, город древний, ты вместил в свои концы
И посадки, и деревни, и палаты, и дворцы.
Опоясан лентой пашен, весь пестреешь ты в садах,
Сколько храмов, сколько башен на твоих семи холмах!»

В Москве мы гуляли с моей тетей Люлей, интересной экстравагантной женщиной, когда-то красавицей, эстрадной актрисой и художницей с интересной судьбой. Ей известный театральный деятель-искусствовед Гершуни посвятил свою книгу «Рассказываю об эстраде». В ней много фотографий популярных в довоенные годы артистов, а фотографий тети Люли даже больше, чем фотографий Айсидоры Дункан.

В мое время она уже вышла на пенсию как художница-портретистка, жила одна в коммунальной квартире и мечтала вернуться в родной Ленинград, с которым у нее была связана вся ее бурная жизнь.

Мы бродили по Москве, заходили в интересные с художественной точки зрения места, и конечно, посещали театры. К сожалению, денег у меня было маловато, у нее – тем более, но однажды мы купили у спекулянта билеты в Большой на Болеро Равеля в исполнении Майи Плисецкой (это был один из первых ее спектаклей). Места у нас были хоть и на верхнем ярусе, но по центру. Это было прекрасно, до дрожи, до слез.

Кстати, деньги, которые мы заплатили спекулянтам за билеты, были мне, получавшей в те времена чуть ли не минимальную по стране зарплату, по карману. И водить тетю по музеям я тоже могла, вот только в рестораны и кафе мы не ходили.

Помимо развлечений, я форсировала в МИНХе имевшиеся у меня многочисленные «хвосты», так что в конце концов благополучно вышла на защиту диплома.

Диплом я писала по выдуманному мной месторождению, якобы находящемуся где-то на юге Украины. Выдумала для него геологию, какие-то технические параметры, разрабатывала

технику бурения (в основном списывала с какой-то книжки), считала запасы. Сейчас даже не представляю, как можно было быть такой нахальной. Но я твердо уверяла своих друзей, а главное, Игоря, что в дипломной работе должно быть показано только то, что я разбираюсь в геологических вопросах, а не какие-то точные сведения.

Вспоминаю один очень забавный эпизод времен моих преддипломных пребываний в Москве. Жила я не у тети, а в общежитии МИНХа на Ленинском проспекте. Это было довольно новое здание, но, к сожалению, в нем было очень много клопов. Со мною вместе занимался Женька Введенский, о котором я уже упоминала, когда рассказывала об Ухтинской поездке и работе в шахте. По мимо того, что он был выпивоха и грязнуля, его основной чертой было невероятное упрямство.

И он, и я сдавали какой-то технический предмет, по-моему, технический расчет конструкции скважин. Я, конечно, в этом мало что соображала, но проконсультировавшись у преподавателей, в конце концов разобралась и начертила то, что надо. Женька, само собой, в этом тоже ничего не смыслил, начертил с явными ошибками. Я пыталась ему помочь, растолковывала, где ошибки, но никаких замечаний он не признавал. «А я считаю, что у меня все правильно». Ну и черт с тобой, подумала я, и мы вместе понесли свои чертежи на защиту к профессору Доливо-Добровольскому. Это был настоящий профессор, каким они представляются по литературе – большой, солидный, вальяжный, в отутюженном костюме, белоснежной рубашке и галстуке. Он сидел один в большом кабинете за огромным столом в удобном кресле. Зашли мы с Женей вдвоем. Первой развернула свой чертеж я. Профессор внимательно рассмотрел его, задал какие-то уточняющие вопросы и в моей зачетке написал требуемое «уд».

Затем Женя положил на стол профессора свой чертеж, снял с него грязную газету и развернул ватман. А там оказалось с десяток клопов. Немая сцена. Женя говорит профессору: «Ах, извините», тут же вытрясает этих клопов в стоявшую рядом с профессорским столом проволочную корзинку для бумаг и продолжает защищать свой проект. Профессор застыл в кресле. После паузы воспитанный профессор, не притрагиваясь к бумаге, говорит ему: «У вас ошибка, заберите со стола свой чертеж». Но Женя считает, что он прав и пытается это доказать. Когда все-таки удалось Женю выпроводить из кабинета, ошеломленный профессор, обращаясь ко мне, лишь проговорил «Он у вас всегда такой?» К сожалению, да.

Диплом я защитила на отлично, но этому предшествовало казавшееся мне тогда трагическим происшествие. Дело в том, что к защите я сшила в ателье красивое платье из искусственного шелка цвета морской волны. Оно у меня лежало в красивом матерчатом чемодане рядом с бутылкой Хванчары и сертификатом в 1000 руб (зарплата моя была 900 руб), который я собиралась потратить в отпуске. По разработанному нами плану в день защиты Игорь должен был приехать в Москву с двумя билетами в Крым – мы решили вместе на месяц перед отъездом в экспедицию уехать на море.

У меня уже был написан доклад для экзаменационной комиссии, подготовлены все чертежи – словом, оставалось только накануне вечером выучить этот доклад, и все в порядке. Я полезла в чемодан за своим праздничным платьем чтобы его разгладить – и о ужас! Оказывается, в чемодане разбилась и вся вылилась бутылка Хванчары. Платье все было пропитано темно-вишневым благородным напитком. Я в ужасе стала отстирывать огромные пятна. К счастью, они таки отстирались и я повесила платье сохнуть. Но тут обратила внимание, что мой сертификат тоже целиком стал темно-вишневого, почти черного цвета. Прочитать его можно было только на свет. Что делать? Ведь ни в какой сберкассе мне по нему не дадут денег. Какой там доклад! Хорошо еще, что кто-то мне посоветовал обратиться в Центральный сбербанк. Я поехала туда, и после долгих мытарств у меня сертификат приняли к оплате. Поздно вечером, вся измотанная, я вернулась в общежитие. Решила, что завтра я пораньше проснусь, а защита у меня была назначена на 9 часов утра, и на свежую голову поучу свой доклад. Действительно, я рано встала, взяла высохшее платье чтобы его выгладить, и вдруг поняла, что оно страшно и

неравномерно село и на меня практически не налезает. Девченки мне посоветовали снова его намочить, и с помощью утюга растянуть в разные стороны. Все оставшееся до защиты время я потратила на растяжку. В результате кое-как удалось его натянуть, но все равно то, что получилось, назвать нарядным было нельзя – в нем я не могла нагибаться, так как плотно обтягивающий зад был короче переда.

В кабинете, где должна была состояться защита, я с помощью кнопок развесила графику и в основном по ней стала рассказывать то, что было нужно. Под конец судьба преподнесла мне еще одну оплеуху – у меня один за другим стали падать чертежи, и я была вынуждена, как можно деликатнее для экзаменационной комиссии изворачиваясь, поднимать их с пола и снова, повернувшись к публике задом, прикреплять к доске. Короче, вся защита для меня прошла в состоянии стресса и тумана, но хорошо все, что хорошо кончается.

Крым.

Уже вечером с прибывшим из Ленинграда Игорем мы отправились на вокзал в свое первое совместное отпускное путешествие. В плацкартном вагоне, спокойная и счастливая, я делилась с ним впечатлениями о прошедшей защите. Даже его насмешливая реакция на все мои беды и переживания, а главное на потерю бутылки Хванчкары, которой мы собирались отметить мой диплом (сказал, что ничего иного он от меня и не ожидал) меня не расстроили. Свалился с шеи груз, наверное, меня теперь из коллекторов переведут в геологи, а это значит, что повысят зарплату, то есть жизнь складывается беззаботная и веселая.

Это была первая и единственная в моей жизни поездка в Крым, Игорь-то там уже бывал во время учебной практики в Горном институте.

Приехали мы в Бахчисарай – небольшой пыльный жаркий городок, расположенный на равнине и застроенный неинтересными, в основном глиняными зданиями. Никаких гор вокруг не видно. Сходили в ханский дворец, но он меня тоже немного разочаровал, так как я представляла его более пышным, соответствующим театральным декорациям в Мариинском театре. Особенно меня не убедил фонтан слез – мне казалось, что в нем не хватает мрамора, позолоты, а главное – воды. Публика тоже показалась обыденной – никаких национальных костюмов, маленьких осликов, муэтзинов, даже чайханы не запомнилось. Единственное, что осталось в памяти – это чебуреки в каком-то обычном ларечке – нам выдали за умеренную плату каждому по горе небольших, румяных, с золотистой пупырчатой корочкой, ароматных чебуреков (по моему по 10 штук каждому), вкуснее которых я уже больше никогда не встречала.

Короче, по сравнению со Средней Азией, здесь не чувствовался национальный колорит.

Прибыли в многолюдную шикарную Ялту и тут же пошли на пляж. Там была уйма народу, некуда приткнуться. Знающие люди объяснили, что заполучить лежак можно только ранними утром, а загорать, лежа на камушках, не очень-то удобно. Кроме того, в Ялте очень дорогое жилье, а про гостиницы и говорить нечего. Нам порекомендовали двинуться по побережью в более мелкие курортные пункты.

Мы остановились в Симеизе, живописно расположенном на горном склоне. Снять комнату у моря даже здесь было для нас дорого, поэтому мы остановились на окраине в глиняном домике у приятной немолодой молчаливой хозяйки. Она нам сдала только что отремонтированную просторную побеленную комнату, в которой помимо двух кроватей стоял стол и две табуретки. До моря было идти вниз менее часа, то есть нас все устраивало.

Так как на улице стояла жара, то есть не хотелось, и мы в первый же день купили себе трехлитровую банку томатного сока. У Игоря не оказалось ножа, к хозяйке обратиться мы постеснялись, я решила сама открыть эту банку – проткнула крышку маникюрными ножницами. Произошел взрыв, томатный сок вырвался из-под крышки прямо на белоснежную стену. Наверное, он уже начал бродить в банке, я не виновата, лучше бы Игорь сам открывал эту паршивую банку. Но факт остается фактом – мы испортили хозяйке стенку. Игорь с умным

видом покачивал головой («что от нее ждать, ну конечно, руки как крюки», читалось на его ехидной физиономии).

На следующий день рано утром мы отправились к морю. У нас с собой был огромный рюкзак с ластами и масками, и какими-то приспособлениями для подводного плавания, а также небольшая матерчатая сумка с кошельком, ключами, фотоаппаратом, полотенцами и водой. Выбрали себе уединенную бухточку, отгороженную от общего пляжа. Но нас предупредили, что на пляже встречаются случаи воровства, поэтому мы плавали по очереди, один – в море, другой – на берегу стережет наше небогатое имущество.

Вволю накупались, нанырлись. Как хорошо! Ласковое синее море, ласково шуршат волны, перекатывая мелкие камушки, изредка на берег набегают сверкающая голубая волна... Вспоминаются строчки Окуджавы:

Непокорная, голубая волна
Все течет и течет, не кончается,
Море Черное, словно чаша вина
На ладони моей все качается...

Лежать и загорать часами, как Игорь, я не могла, без конца плавать – тоже. Я в основном прыгала с камня на камень, делала вид, что ловлю крабов, хотя на самом деле я их побаивалась. Закидывала удочку в надежде что-нибудь поймать, время от времени пыталась Игоря разбудить, уверяя, что вот-вот у меня что-то клюет.

Вдруг к нам подходят два загорелых парня – один – совсем подросток, а другой – типичный бандит, весь в татуировках, с очень несимпатичной физиономией, и начинают вести беседу с Игорем: откуда мы, на долго ли, что да как. Здесь близко вон за тем уступом есть хорошее место, где рыба хорошо клюет. Хочешь – покажу. Ну Игорь соблазнился, велел мне оставаться на месте сторожить вещи, а сам с этим бандитом пошел смотреть хорошее местечко. Мы остались вдвоем с пацаном. Впрочем, вскоре он тоже куда-то смылся. Я осталась ждать одна. Игоря все нет и нет. Уже полчаса прошло, а он не возвращается. Я начала беспокоиться, уж не прибил ли его этот подозрительный тип? В конце концов не выдержала, взяла валявшуюся рядом палку и пошла за уступ выручать Игоря. Но за уступом я встретила его одного. Он сказал, что ничего хорошего они не нашли, этот тип ушел, так что все в порядке, беспокоиться мне вообще не о чем, возвращаемся на наше место.

Мы вернулись к нашему огромному рюкзаку с плавательным оборудованием и обнаружили, что не все в порядке – рюкзак то цел, а вот маленькой сумки, куда я сложила всю нашу одежду и даже босоножки – нет. Игорь страшно расстроился, а я злорадствовала, ведь это он ушел с таким подозрительным типом, я бы ни за что с ним не пошла. Как хорошо, что в сумку я не положила наших документов, да и деньги были не все, а только на текущие расходы.

До позднего вечера мы проторчали на пляже, потому что идти голыми через весь город очень не хотелось. Самое печальное было то, что у нас в это сумке украли и хозяйкины ключи. Ее было искренне жаль, ей так не повезло с жильцами – мало того, что надо заново белить комнату, но еще и вставлять в дверь новый замок, так как воры могли следить за нами (так она считала). Наши потери, помимо одежды, заключались, в основном, в деньгах и казенном фотоаппарате, полном моих крымских снимков.

Остальное пребывание в Крыму как-то стерлось из памяти. Помню, что на маленькой моторной лодке проплыли вдоль всего курортного побережья, огибали Ай-Петри, видели «ласточкино гнездо» которое уже в то время должно было упасть. Игорь все интересовался, скоро ли мы вернемся назад, так как его укачивало, а мне было очень весело и совсем не хотелось на берег.

Бродили и по Ялте, гуляли в ботаническом саду. Все это было прекрасно, и как все прекрасное, пролетело мгновенно. Надо было возвращаться домой в Ленинград, так как подходило время поездки в очередную экспедицию.

Поволжье.

В этот сезон планировались поездки в три совершенно различных региона – Самарская лука (это Поволжье), Восточные Карпаты и Средняя Азия. Руководителем отряда была моя подруга Татьяна Дорофеева. Мне она очень нравилась, такая статная, остроумная, общительная, несомненно, очень толковая, а ее великолепные, длинные, золотисто-русые волнистые волосы были просто прекрасны. Помню, как однажды во время командировки во Фрунзе (бывшая столица Киргизии) мы с ней в гостиничном номере танцевали под звучащую по радио национальную мелодию какой-то танец с покрывалами, и я во весь голос распевала: «Радость безмерная, нет ей причины, Санта-Лючия, Санта-Лючия...»! Обе мы были почему-то переполнены ощущением внутреннего, беспричинного счастья.

Впоследствии она стала моим научным руководителем при написании кандидатской диссертации, причем ее роль в этом мероприятии была чуть ли не основной – я была у нее первым соискателем, поэтому мое нежелание писать работу она воспринимала, как мою попытку подорвать ее научный авторитет. К тому же в те времена в институте бытовала поговорка: «ученым можешь ты не быть, но кандидатом стать обязан».

Действительно, мои надежды на повышение зарплаты в связи с защитой диплома, не оправдались – меня из коллекторов перевели не в геологи, как я надеялась, а в младшие научные сотрудники с тем же окладом. В бухгалтерии сказали: «Вот когда защитишь диссертацию, сразу повысим. Зато пока у тебя будет расти научный стаж».

В отряде было много народа, к нам присоединились сотрудники лаборатории петрографии, рядом был и Игорь, присутствие которого меня очень смущало, так как он уделял мне слишком много внимания, а я всех убеждала, что отношения наши сугубо дружеские.

Волга и приволжские пейзажи, несомненно, производили впечатление – обрывистые скалистые берега, характерные для этого участка реки, мощная, но не очень широкая водная гладь, так что был хорошо виден противоположный берег. По ней достаточно оживленно в разные стороны двигались баржи, моторные лодки, реже – более крупные суда. Правда, может быть из-за погоды, Волга мне показалась какой-то серой, холодной, неприветливой.

Там, где скалистый берег выполаживался, открывались раздольные широкие зеленые равнины, одним словом, настоящий среднерусский пейзаж с кудрявыми рощами, симпатичными деревянными избами с затейливой резьбой, немногочисленными, но очень живописными церквушками. Особых признаков индустриализации не видно. Машин мало, зато часто встречаются тягловые лошади, перевозящие не только груз, но и людей. Они пасутся и на лугах вместе с коровами и прочий мелким скотом.

Население в основном сохранило какие-то старинные, именно русские черты – мужики часто с круглыми бородами, в косоворотках на выпуск, подпоясанные пояском, подстрижены под горшок, степенные. У женщин обязательно повязанные платками головы, часто сарафаны и бусы. Лица спокойные, открытые.

Конечно, это относится в основном к взрослому населению, на молодежи фольклерные особенности практически не замечаются. Да и вообще в крупные поселки мы не заходили, с местным населением общались мало, целый день проводили на обнажениях вдали от поселений, а вечерами у палаток обрабатывали произведенные за день замеры, торопились успеть выполнить весь намеченный план. Однако я помню, как мы купались в Волге, дно было песчанистое, а течение очень сильное, так что желания переплыть Волгу не было.

Карпаты.

На грузовой машине (во время полевых работ в любом регионе нас Институт снабжал только ГАЗ-51 со съёмным брезентовым кузовом, служившим нам не только средством передвижения, но иногда и домом), мы переехали в Восточные Карпаты.

Работы в Карпатах продолжались с перерывами лет 5-7. Был выбран очень подходящий объект для изучения влияния различных типов разрывов земной коры на формирование сопутствующей им трещиноватости в разных по своему литологическому типу породах. Маршруты прокладывались по горным речкам, секущим широкий возрастной диапазон осадочных пород.

По образу жизни условно исследуемую территорию Западной Украины можно разделить на три части: Предкарпатье, в частности такие украинские города, как Дрогобыч и Львов, горная часть, где проходили основные исследования, и Закарпатье с центром в Мукачево. Все эти три региона существенно отличались друг от друга.

Равнинная часть Западной Украины – это в основном возделанные степи. Вдоль широкой сети по русским меркам хороших дорог посажены плодовые деревья, все кажется ухоженным, аккуратным (но конечно, не так, как в Прибалтике). В селах обязательные высоченные подсолнухи.

Особенно характерен Дрогобыч. Он мне показался типичным украинским городком – невысокие преимущественно глиняные белые дома в окружении обширных зеленых садов. Все надписи только на украинском языке.

Мы остановились у родственников одной из наших институтских сотрудниц. У них был большой белоснежный дом с геранями на окнах, окруженный зеленым садом, в котором помимо фруктовых деревьев была целая плантация таких огромных подсолнухов, что в них можно было прятаться.

Пани, так мы обращались к хозяйке, и одеждой, и говором, и всем внешним видом напоминала какую-нибудь из бойких баб «Вечеров на хуторе близь Диканьки» Гоголя. Ее сын, работавший кузнецом, был настоящим Вакулой, такой же большой, неуклюжий, малоразговорчивый. От него так и веяло какой-то первобытной физической силой. Я, видимо, ему приглянулась, поэтому пришлось срочно съезжать с квартиры, уж очень он оказался прямолинейным кавалером.

С Дрогобычем связаны два забавных эпизода. Первый произошел на рынке. Было полно народа, стояли длинные телеги с сельскими товарами, торговали кто чем, стоял веселый гомон, пестрели яркие платки на грудастых, статных, бойких бабах, встречались мужики с усами вниз, в широких шароварах и вышитых у ворота рубахах. Мычали коровы, кудахтали многочисленные пестрые куры. Во всем чувствовался жизнерадостный южный колорит. Кстати, я здесь впервые узнала, что хозяйки на юге для еды покупают только живых кур. До этого я вероятно считала, что на прилавках магазинов как-то сами собой они появляются уже ощипанными и замороженными. Я была шокирована и решила, что в меню наших партийных обедов никогда не будет курятины.

Вдруг по толпе прошла какая-то волна – люди шарахались то в одну, то в другую сторону. Оказалось, что это дрались палками два цыгана. Они кругами носились друг за другом, толпа колыхалась, оставляя им пространство для боя, никто не пытался их разнять. Драка закончилась сама собой, и опять кругом смеялись, торговались, стоял оживленный гомон.

А между тем мы с Игорем пришли сюда не просто так. У него было поручение от его тетушки Нины Васильевны (она работала зав. библиотекой нашего института) купить ей теплый красивый платок. Платков было множество, у каждой хозяйки со своими узорами, так что остановиться на одном было трудно. Наконец Игорь решил, что хватит выбирать, и встал около одной бойкой тетki. Она начала расхваливать свой товар, назвала его цену, которая мне показалась очень большой. Я предложила Игорю еще посмотреть что-нибудь более хорошее и менее дорогое. И тут началось представление. Хозяйка, руки в боки, на весь рынок начала меня ругать, да так художественно, что просто заслушаешься. Примерно так: «Это мой то платок недостаточно хорош? Да ты глянь на себя, дохлая курица! Люди добрые, да вы посмотрите на эту кралоу, ни кожи, ни рожи, да какая она страхолюдина, да какая облезлая, а какие у нее ноги, а какие у нее руки, да и мать то у тебя такая же была, да и бабка твоя со страшной рожей...» и так далее. Голос ее раздавался по всему рынку, ругалась она, как песню пела. Все было бы очень забавно, но рядом находился Игорь, а мне не хотелось, чтобы он был в курсе всех моих пороков. Поэтому под зычные крики хозяйки и любопытные взгляды толпы я его быстренько увела с рынка без покупки.

Не менее забавный эпизод произошел у почты. Нам должны были переслать из института деньги на продолжение работы, но видимо забыли. Мы послали срочную телеграмму и ждали ответ, сидя рядом на скамейке в маленьком скверике. Вдруг к нам подошла цыганка с ребенком на руках и стала предлагать погадать. Мы дружно отказались. Тогда она стала просить денег, рассказывала, как ей тяжело с ребенком, нет у нее ни дома, ни еды, ребенок больной, что делать – не знает, помогите, чем сможете. Игорь остался невозмутим, я же дрогнула и полезла в кошелек. Игорь, продолжая читать газету, буркнул «Да врет она все, ты посмотри на ее зубы, они все золотые. А я в городе даже одну золотую коронку не смог поставить, пришлось ограничиться железной». Но это меня не убедило, уж больно цыганка продолжала просить и выглядела несчастной. Я дала ей рублевку (для масштаба скажу, что у меня тогда была зарплата 60 руб). Цыганка взяла эту бумажку и поднесла к Игореву носу. «На, жмот, подавись». На это Игорь протянул руку и говорит: «Давай». «Фиг тебе» – ответила цыганка, убрала рубль, плюнула и ушла. Мне эта сценка очень понравилась, во всяком случае я всегда вспоминала о ней с улыбкой.

Совсем другое впечатление производил Львов. Это был большой старинный город совсем не украинского облика, хотя все вывески были на украинском языке. В нем, действительно, чувствовалась Польша. Много старинных, готической архитектуры костелов, переделанных под православные церкви, но с органом и скамейками для прихожан. В центре улицы застроены старинными зданиями в стиле барокко, и в частности шикарный оперный театр, куда мы несколько раз ходили на представление. У меня в памяти осталось, что внутренний декор театра хоть и очень пышный, но довольно потрепанный.

В городе, стоящем на холмистой местности, по узеньким извилистым улицам проложены рельсы, по которым бегают непохожие на наши узкие трамвайчики. Город, несомненно, живописный, но какой-то неродной. Да и люди не такие открытые и приветливые, как к примеру в Дрогобыче. Мне казалось, что на всем лежит польский недоброжелательно-высокомерный отпечаток.

Во Львове был крупный геолого-разведочный институт, когда-то считавшийся филиалом ВНИГРИ, а теперь называвшийся УкрНИГРИ. Там мы в фондах знакомились с имеющимся материалом по нашей тематике, знакомились и с местными геологами. Встречали нас сдержанно приветливо, но опять-таки было ощущение некоторой польской спеси.

Кстати, здесь в чужом для меня институте впоследствии произошло мое первое в жизни публичное выступление. Меня послал сюда наш профессор Е.М.Смехов, чтобы рассказать о наших работах по изучению трещиноватости. Никакие мои просьбы и убеждения, что я не готова рассказывать о проблеме, ведь я только что закончила институт, не подействовали. Я отправилась сюда, как на заклятие. Помню огромный, больше, чем у нас, зал Ученого совета, полный народа, и я стою на трибуне, пытаюсь изо всех сил не уронить достоинство России и нашего института. Не знаю, откуда у меня что взялось, но оказалось, что в стрессовой ситуации я смогла собраться, и без всяких бумажек довольно связно доложить аудитории, чем мы собираемся заниматься в Карпатах. Я даже свободно отвечала на многочисленные, иногда не очень-то доброжелательные, и даже провокационные вопросы, типа «Уточните пожалуйста, какого возраста породы, которые обнажаются на 18-ом километре от поворота на Стрый с левой стороны дороги?». На что я, в то время еще совсем молодая девченка, ответила «Я не считаю возможным вступать в дискуссию о возрасте этих отложений в присутствии местных специалистов. Мы ведь еще не были в Стрые и этих отложений не видели».

Короче, я осталась собой довольна. Присутствовавшая в зале одна наша сотрудница мне потом рассказывала, что я, стоя на трибуне и подперев подбородок рукой, производила очень серьезное, уверенное впечатление.

Весть о моем «блестящем выступлении» дошла до нашей дирекции, меня сразу же просили выступить на совещании молодых специалистов, но я решительно отказалась.

Тем не менее лет через десять в огромном зале УкрНИГРИ проходила моя предварительная защита кандидатской диссертации, и все прошло для меня благополучно. Приняли меня доброжелательно и, как ни странно, мое первое выступление помнили.

Горная часть изучаемой территории, Восточные Карпаты, после гор Средней Азии и особенно Памира, казались красивыми декорациями, какими-то уютными, обжитыми, доброжелательными. Даже на самую высокую точку, расположенную в пределах тогдашнего Советского Союза – пик Гаверла – от нашего рабочего лагеря можно было дойти прогулочным шагом часа за два. Мы однажды решили посетить эту единственную точку в Карпатах, где бы по инструкции полагалось доплачивать высокогорные. Все остальные отметки были ниже, поэтому мы не получали никаких надбавок. Более того, в бухгалтерии нам даже не хотели дать разрешение на выдачу ватников и теплых спальных мешков. Говорили, что вы едете в курортные районы и вам ничего не положено. Приходилось требовать.

На пик Гаверла через лиственные и еловые леса вела хорошая протоптанная довольно пологая тропа, и выглядела вершина как зеленый безлесный холм, с которого во все стороны уходили веселые зеленые луга и леса.

Здесь не было крупных поселков, как в равнинной части, не было широких сельскохозяйственных угодий, зато чаще встречались прекрасные, в основном еловые леса. Население занималось в основном скотоводством – разводили овец и коз. По рекам сплавляли бревна, но это была сезонная работа.

Дома тоже не похожи на украинские – они сложены из бревен и крыты деревянной черепицей, очень симпатичной архитектуры. Встречались маленькие деревянные церквушки, в которых даже круглые купола покрыты темно-коричневой дранкой. Часто вдоль извилистых горных дорог стояли деревянные распятия, украшенные веточками, иногда с горящими лампадками.

Население тоже своеобразное. Это гуцулы, люди в основном высокие, стройные, с правильными, но мелковатыми чертами удлиненного лица, малоразговорчивые. В одежде также заметен национальный оттенок. У многих мужчин на головах высокие меховые шапки, кожаные или войлочные, расшитые жилетки. Мне показалось, что от украинцев они существенно отличаются и внешним видом, и обычаями. Мне показалось, что они похожи на венгров.

Первое впечатление от самих гор у меня было самое романтическое. Дело даже не в том, что рядом находился Игорь, а в общем настрое. К тому же Игорь вскоре уехал в Ленинград, там как раз в это время в институте формировался отдел математической геологии, руководителем которого его назначили. Поэтому в последствие мы с ним вместе уже никогда не работали, и он приезжал ко мне в партию лишь в свой отпуск.

Хорошо помню такую сценку. Рано утром наш отряд во главе с Татьяной выступает в маршрут. Идем гуськом друг за другом по узкой лесной тропинке, проложенной, вероятно, по просеке, ориентированной строго на восток. Местность холмистая, приходится то подниматься, то спускаться. Идем строго на солнышко, которое то скрывается за холмом, то снова появляется. По бокам стоят высоченные островерхие ели. Кругом безлюдно и прекрасно, ласковый ветерок, не жарко, кажется, что ты в сказке. Я, естественно, возглавляю шествие и распеваю песни.

Затяжной, но не трудный подъем, идем в тени, но уже видна верхушка холма, с которого нам снова откроется солнце. Я пою песню Окуджавы:

«Встань пораньше, встань пораньше, встань пораньше,
Когда дворники маячат у ворот,
Ты увидишь, ты увидишь, как веселый барабанщик
В руки палочки кленовые берет...»

Вот я уже на вершине, солнце светит в глаза, заливая все вокруг. Впереди новый крутой спуск и близко, метрах в 100 – новая вершинка. А на ней на задних лапах прямо на тропинке стоит медведь и, вытянув шею, с любопытством смотрит, кто это нарушает птичье пенье и прелесть летнего утра. Какое-то время мы смотрели друг другу в глаза, но потом он встал на свои четыре лапы и бесшумно скрылся в лесу.

Разве можно такое забыть. Наверное, это был медвежонок, потому что он не показался мне большим и страшным, но оставил воспоминание на всю жизнь.

А вот работать по горным речкам было довольно тяжело – дело в том, что значительную часть времени приходилось стоять в воде, а вода в этих речках очень холодная. Их истоки находились где-то далеко в высоких горах Центральных Карпат, уже за пределами нашей страны, где, вероятно, лежат снега. Иногда вода заливалась даже в сапоги, так что каждый вечер, возвращаясь из маршрута в лагерь, приходилось сушить их у костра.

Вечера у костра – это, конечно, романтика. Отряд наш был небольшой, довольно дружный, я, хоть и знала уже свои музыкальные способности, но смело солировала, а песен мы знали множество.

Сами речки были неглубокие, но довольно бурные. Где-то наверху, где проводилась вырубка леса, по ним иногда проводили сплав деревьев, поэтому вдоль берегов иногда встречались завалы веток, которые мы с удовольствием использовали для своих костров. Через речки были перекинuty деревянные мосты, тонкие для пешеходов, и пошире для машин.

Поговаривали, что иногда, когда высоко в горах идут дожди, вниз несутся потоки воды, которые могут повредить эти мосты, и однажды мне пришлось в этом убедиться.

Это было лет пять – шесть от начала работ, то есть тогда, когда мы уже в этом регионе освоились и не ждали каких-нибудь неожиданностей. Надо было просто закончить проводившиеся на одной речке работы в предыдущий сезон.

В этот злополучный сезон я была вынуждена сюда ехать как руководитель отряда, так как Таня по семейным причинам не могла выбраться.

Еще в городе у меня был составлен и согласован с бухгалтерией строгий план финансирования нашего отряда, так как после коротких работ в Карпатах следовала первая ознакомительная поездка в Туркмению. В отряде не было никого, на кого бы я могла перекинуть хотя бы часть организаторских забот.

Привожу примерный план нашей поездки: 21 июня – прибытие во Львов. 22 июня – получение на почте денежного перевода. 23 июня – выезд и устройство лагеря на реке Быстрица Надворнянская, 24-30 июня – работа в маршрутах. И так далее, то есть план был буквально по дням.

Мы действительно приехали во Львов 21 июня, но вот 22 июня денежный перевод из института не пришел. Я накатала желобу в бухгалтерию, обвинила их в срыве полевых работ, обещала сообщить дирекции, в общем, была полна благородного гнева.

В результате 23 июня деньги были получены, и мы с опозданием в один день двинулись на эту Быстрицу. Там мы быстренько разобьем лагерь в том же месте, где он был в прошлом году – на уютном берегу живописной речки.

Не сразу даже обратили внимание на то, что встречный пейзаж как-то изменился. По обочинам дороги появилось множество какого-то строительного мусора, веток, копошились люди. Вот и наш отворот, но моста через нашу речку нет. Спрашиваем, в чем дело. Нам сказали, что вчера вечером, то есть 23 июня, по Быстрице Надворнянской прошел мощный сель и все мосты снесло.

Сейчас эта речка снова спокойная, ее можно переехать на машине и ехать дальше вдоль до предполагаемого лагеря, что мы и сделали. Но вот когда мы подъехали к намеченному месту, я поняла, что тут было вчера. Весь уютный пляж исчез, берег был завален мощными деревьями, огромными камнями, грудями обломков, а те могучие деревья, под которыми мы в прошлом году разводили костер, вырваны с корнем. Именно там, где вчера должны были стоять наши палатки, а в них вечером мы должны были мирно спать, был центр завала. Вот какие совпадения бывают в жизни. Спасибо бухгалтерии.

—
Территория Закарпатья также не походила ни на Украину, ни на Гуцульщину. Местность была холмистая, очень зеленая, с многочисленными садами и виноградниками, с часто встречаемыми небольшими селениями какого-то западного образца. Вдоль дорог также часто встречались распятия, так что население казалось очень религиозным.

Основная база здесь у нас была в Мукачево. Это на то время был небольшой поселок городского типа, где среди садов и обширной зелени жили, в основном, венгры, поляки, украинцы, часто встречались кочующие цыгане.

Несколько сезонов мы снимали маленький глиняный дом у приветливой венгерской хозяйки. Ее муж работал на местном мясокомбинате, возможно поэтому она готовила такие блюда, вкуснее которых, мне казалось, и не бывает на свете.

Отношения с соседями у нас сложились очень хорошие, хотя, конечно, чувствовалось национальное различие и в быту, и даже во внешности. Это были люди более западной цивилизации, но без польского высокомерия, что отражалось и в обычаях, и в одежде.

В тот злополучный сезон, когда мы чуть не погибли от селя, а я, напомним, была начальником отряда, со мной произошло одно из пренеприятнейших в моей жизни событий.

Предварительно расскажу о ситуации. Как я уже говорила, в этот сезон работать предстояло в двух регионах – в Карпатах и в Туркмении, куда шофер должен был по железной дороге перегнать машину. Шофера нам подобрали в отделе кадров института – невысокого роста довольно молодого мужчину, который мне сразу чем-то не понравился. Но отказаться я не посмела, так как никого другого я предложить не могла, да и оснований не было.

Так как работали мы в широко известных, как благодатные туристические места районах, то в партию неоднократно приезжали в краткосрочную командировку, а то и просто так, отдельные сотрудники, иногда со своими родственниками. Естественно, что отказать кому-нибудь я не могла.

На протяжении полутора месяцев состав партии менялся, неизменным оставался шофер и его постоянные жалобы на машину, которая почему-то все время ломалась. Ему приходилось за нее платить то гаишникам, то каким-то непонятым механикам, которые, естественно, квитанций для оплаты в бухгалтерии не предоставляли. Раскошелиться приходилось мне.

Обычно посреди дороги машина останавливалась, шофер вылезал, открывал капот, минут 5-10 ковырялся в моторе, и заявлял мне, что нужны деньги на ремонт.

Но вот однажды у нас в машине оказался Валентин, муж приехавшей к нам нашей сотрудницы Маши. В Ленинграде он работал профессиональным шофером. Валентин подошел к мотору, что-то там ковырнул, и машина поехала. В кузове, где мы все сидели, он сообщил мне,

что во- первых, я допускаю к поездке по горным дорогам шофера, от которого несет алкоголем, а во- вторых, я, оказывается, из тех, которых грех не дурить, а наш шофер просто выдергивает какой-то шланг. Я пыталась оправдаться, что никогда не видела, чтобы мой шофер пил, а подходить и обнюхивать его мне неудобно. В общем, после этого случая у меня были все основания убедиться, что интуиция меня не подвела и действительно были основания для моего неприязненного к нему отношения. Но я по-прежнему стеснялась делать ему замечания, разговаривала с ним в основном в просительном тоне, во время пеших работ в маршруте позволяла брать машину для каких-то необходимых для него поездок, и даже выделила ему относительно крупную сумму денег под будущую зарплату – он купил себе костюм.

Время работы потихоньку приближалось к концу, приезжавшие в партию гости в основном разъехались, мы с моей помощницей вернулись на базу в Мукачево, и я стала готовиться к перегону машины на платформе в Ашхабад.

Стоял солнечный воскресный день. Чтобы запастись продуктами в дорогу, решили съездить в соседнее село Виноградово на рынок. Когда-то мы там уже бывали, и я помню, что это было типичное венгерское поселение, где ни в магазинах, ни тем более на роскошном южном рынке, куда в телегах, часто запряженных волами, свозили из окрестных деревень всякую снедь и фрукты, никто не говорил по-русски, многие даже его не понимали. И вывесок на русском или украинском языке, по-моему, в Виноградово на ту пору не было.

Сын хозяйки Корчик, мальчик лет 10, попросил меня, чтобы я взяла его и его товарищей с собой в Виноградово. Ну почему ж не взять – машина большая, крытая, пускай ребятишки прокатятся, ведь это недалеко – километров 20-25 по шоссе от Мукачево, родители не против.

Набилась полная машина ребят в возрасте от 5 до 10 лет, человек 20. Я усадила всех плотненько на откинутые вдоль бортов машины две скамейки и велела во время езды не вставать с места.

Хоть из-за брезентового тента, натянутого на дуги, в машине было довольно темно, но все равно, мне казалось уютно. Я сидела вместе с ребятами, а в кабине с шофером поехала наша кухарка. Машина тронулась. Дорога прекрасная, и хоть наслаждаться встречными видами было из-за брезента затруднительно, но можно было смотреть назад через открытую заднюю часть машины. Мы даже пели какие-то песни.

Вдруг машина резко вильнула в сторону, началась какая-то тряска, мы куда-то мчимся на огромной скорости. Я не успела испугаться, миг, и в машине стало светло. Сорвало брезентовый тент и все металлические дуги, на которых он был закреплен.

Вначале я ничего не поняла, только потом до меня дошел весь ужас произошедшей ситуации. Оказывается, события развивались следующим образом. Машина спокойно ехала по шоссе, впереди показался тоннель, проложенный под железнодорожной насыпью. А около него стоял пост гайшников. Наш шофер, у которого, оказывается, уже были с гайшниками натянутые отношения, заметил их издали, быстро свернул на грунтовую дорогу, шедшую рядом с шоссе, и помчался по ней. Он решил проскочить через железную дорогу по другому низкому тоннелю, проделанному в железнодорожной насыпи специально для прохода скота и телег. С нашей машины снесло все, что было выше кабины. Если бы кто-нибудь из ребятишек решил встать со скамейки, а ведь они непоседы, да и испугались тоже, даже подумать страшно, что бы было.

Как мы вернулись на базу – не помню, но что было потом, врезалось в мою память. Я схватила гаечный ключ и с ревом бросилась на шофера. Мы бегали друг за другом вокруг большого стола. у него в руках тоже было какое-то оружие, но к счастью, физической схватки не произошло. Могу сказать точно, что я, если бы его поймала, этим ключом била бы его по голове. Самое мягкое, что я ему кричала, это «убью, мразь». Я, которую всегда коробило от мата, оказывается, была очень даже в нем подкована. В общем, находилась в какой-то перво-

бытной дикой ярости, я даже не могла представить, что могу быть такой. Он, естественно, тоже не молчал, в общем, сцена была колоритная.

Единственное, что я сделала «конструктивного», это уволила его тем же числом за полную профессиональную непригодность, а в приказах по партии (имевшейся у меня тетрадке, которую никто не читал) объявила ему строгий дисциплинарный выговор. Выгнала его с базы, хотя он меня страшил, что я без него не смогу машину отправить в Ашхабад, а кроме того, он не отдаст мне денег. На это я прокричала что-то вроде: «Вон отсюда, мне жизнь дороже, лишь бы никогда не видеть твоей мерзкой рожи».

Действительно не помню, каким образом мне удалось переправить машину в Ашхабад. Вероятно, когда надо, во мне откуда-то появлялись организаторские силы, но тем не менее я это сделала. Когда потом я вернулась в Ленинград, то в отделе кадров нажаловалась на то, какого плохого шофера они мне подсунили. Тем не менее в последствие я узнала, что на следующий год они этого шофера снова взяли и отправили в другую партию в восточную Сибирь, а он там перевернул машину.

—

После такой психологической встряски вторая половина экспедиции помнится смутно. В Ашхабаде мы сняли базу и наняли нового шофера. Им оказался веселый, очень подвижный, средних лет азербайджанец Ислам, про которого, как он сам рассказывал, дочка говорила: «Папка, тебе уже за сорок, а ты все еще как обезьяна прыгаешь». Во всяком случае он был явно доброжелательный человек. Правда, вино он пил повседневно, но уверял, что никогда не пьянеет. Мы потом с ним работали и в следующие сезоны, хотя, конечно, с ним было не мало и весьма тревожных моментов.

Несомненно, главным впечатлением от Ашхабада была жара. Город находится в предгорье. С одной стороны он ограничивается горным хребтом Копет-дагом, предохраняющим от юго-восточных ветров, с других стороны к нему подступает пустыня, из которой так и пышет жаром.

В городе несколько лет назад произошло разрушительное землетрясение. Говорят, что уцелело лишь два здания – банк и тюрьма. Но развалин мы не видели – зелени много, в тени ветвей прячутся невысокие дома, много небольших частных строений, окруженных высокими глиняными заборами, из-за которых выглядывают ветви плодовых деревьев. Наша база была именно в таком доме. Лишь в центре города были более нарядные строения вокруг площади с памятником (кому – не помню), напоминающие о том, что это столица республики.

В целом ощущается нехватка воды, так как никаких речек или озер здесь нет. Водоснабжение из артезианских источников. Есть только небольшое искусственное водохранилище. Конечно, это оазис, но искусственный. Кругом безрадостная пустыня.

Местные жители мне сказали, что недалеко от Ашхабада находится Фирюзинское ущелье, где протекает речка Фирюзинка и много естественной зелени. Оно является единственным местом отдыха для ашхабадцев, там даже построены дома отдыха. Мы туда ездили, но это уже в следующем сезоне. А пока страна производила довольно грустное впечатление как наиболее бедная из республик, хотя я уже тогда знала, что в ее центральной части в районе Небит-Дага (полуостров в Каспийском море) открыты крупные залежи углеводородов, да и вообще этот регион очень богат на полезные ископаемые.

—

В тот год в Ашхабаде работали партии из Московского университета. Наши базы находились рядом, поэтому мы сдружились. Москвичи финансировались намного лучше, чем мы, поэтому у них была возможность арендовать маленький двухместный вертолет для облета Копет-Дага. Их руководители Виктор Р. и Дима Скарятин были моими довольно хорошими знакомыми, поэтому я напросилась к ним в вертолет третьей.

Это был, так называемый, рекогносцировочный полет. Вертолет напоминал стрекозу с прозрачным брюшком. Впереди сидел пилот, а сзади – мы, тесно прижавшись друг к другу на одной двухместной скамейке. Летали мы над Копет-Дагом часа два – три. У ребят была геологическая карта, по ней они прокладывали маршрут.

Сверху весь Копет-Даг – это полностью безлесное горное сооружение, похожее на учебный макет – тут тебе и разной формы горные складки, и разбивающие их на отдельные блоки разнообразные тектонические нарушения. Нигде ни единого зеленого вкрапления или следов жизнедеятельности человека.

Несомненно, все это было очень интересно и полезно, особенно для выбора объектов для наших последующих детальных исследований, если бы не одно но. С момента взлета и до момента посадки у меня, не переставая, так болели уши, что я прокляла тот день и час, когда залезла в этот вертолет. Все силы я тратила на то, чтобы не кричать от боли, так что сосредоточиться на видимом не могла и пользы для дела не получилось.

Начало семейной жизни, работы в Туркмения.

Возвращалась в Ленинград с удовольствием, там меня все ждали и дома, и на работе. Дома была широкая свадьба, два дня гуляли. На работе под руководством Тани подготовили культурную программу с многочисленными веселыми телеграммами и поздравлениями. Короче, два дня пели и плясали от души – все уверяли, что мы с Игорем всех слишком долго муржили в ожидании этого события.

Рабочие дела тоже продвигались неплохо – я стала более осмысленно относиться к заданиям, даже принимала активное участие в составлении программы дальнейших работ, написала первую статью в научный журнал.

В этот год Игорь познакомил меня со своими друзьями Наташей Матинян и Юрой Тарасевым, с которыми он когда-то ходил на английские курсы. Это оказались исключительно интересные, интеллигентные, умные, веселые люди. К тому же они жили близко от нас – на Литейном проспекте в доме Мурузи. В выходные мы часто собирались у них, играли во всякие забавные игры, много говорили на разные темы, устраивали совместные походы по окрестностям с целью изучения истории и архитектуры.

Но самое главное, Юра сочинял и великолепно исполнял песни. У него было еще двое друзей, занимавшихся в свободное от работы время музыкальным творчеством. Втроем они организовали, так называемое, «ХО.ТАР.ШО» (начальные буквы их фамилий), часто собирались вместе. То, что они пели под аккомпанемент гитары и фортепиано, было не хуже исполнявшихся на концертных площадках и пользовавшихся тогда популярностью бардовских песен. Юра еще сочинял такие необычные по содержанию баллады, что лично у меня даже по спине мурашки бегали. В частности, две из них – Тракай («Швидригайло-князь захватил Тракай») и «Кадаг» («Слушай...беду не пророчь..., а над Днепровскими синими кручами темная ночь...»), я уверена, достойны самой широкой публикации. Кстати, и Тракай, и Кадаг – древние крепости, у стен которых когда-то шли жаркие рукопашные бои наших предков, а мы, их дальние потомки, давно о них забыли. В этих песнях не только интересный смысл, трактовка происходивших когда-то исторических событий, но и необычная талантливая мелодия.

Юра, хоть сам и не играл на музыкальных инструментах, но обладал исключительным музыкальным слухом, и когда они втроем исполняли какие-нибудь песни, он, обычно подпевал вторым или третьим голосом, и от этого мелодия становилась намного богаче. У меня сохранился диск «ХО.ТАР.ШО», и я даже теперь иногда с удовольствием и со слезами на глазах его слушаю.

В этом гостеприимном, хлебосольном «доме Мурузи», главой была мать Наташи, Евгения Ароновна, не принимавшая активного участия в наших жарких дискуссиях. Но такими

мудрыми, все понимающими глазами смотрела она на «расшалившуюся велковозрастную молодежь».

Пожалуй, этот дом, его хозяева и гости, были теми немногими, истинно интеллигентными и талантливыми людьми, с которыми мне повезло столкнуться по жизни.

Летом мы решили вместе поехать в экспедицию в Туркмению. По штату мне в партию полагалось двое рабочих, которым оплачивался такой дальний проезд. А ведь железнодорожные билеты до Ашхабада были весьма дорогие. Вот на эти две ставки я и взяла Наташу, Юру и Игоря.

В Ашхабаде мы долго не задерживались, а выехали в поле. Я специально подобрала южный, наиболее близкий к Каспию участок, где по карте пунктиром была изображена река, в надежде на то, что там будут не только камни, но и какая-нибудь зеленая растительность. Действительно, среди раскаленных безлюдных каменных склонов мы натолкнулись на довольно широкую зеленую долину, где был разбит Туркменской Академией наук ботанический сад по выращиванию гранатов. Мы впервые узнали, что существуют сотни разных сортов гранатов, нас водили на экскурсию и угощали. Говорили, что здесь произрастает уникальная коллекция этих плодов.

Конечно, мы не только развлекались, но и работали, как говорил Юра, «искали примазки газа в трещинном коллекторе». По вечерам с удовольствием сидели у костра, ели привезенные с собой сладчайшие арбузы, дыни и, конечно, гранаты, наслаждались вечерней прохладой, смотрели на звезды. Юра сочинил в честь нашего отряда озорную забавную песенку от имени иностранного диверсанта:

«Mon general, mon general, спустилась ночь над знойным Копет-Дагом,
Mon general, mon general, уснул Нухур под гнусным красным флагом....».

Купались в реке с каким-то звучным названием, которое я забыла. Вообще-то она выглядела как тоненький ручеек с дном, усыпанным мелкой галькой, по которой с тихим шепотом неторопливо текла прозрачная вода.

Чтобы окунуться, надо было сначала лечь в эту реку на спину, а потом перевернуться на живот. При этом ты прекрасно доставал руками до обеих берегов. Но вдоль этой речки встречались заросли травы выше человеческого роста, углубляться в которые было страшновато.

Заезжали мы и в отдельные горные кишлаки. Они немногочисленны, глинистые сакли жмутся друг к другу, полей и распаханых территорий нет, люди занимаются в основном скотоводством. Впечатление такое, что живут они очень бедно. Внешне люди выглядят совсем не так, как узбеки или казахи. Скорее это азербайджанцы, но какие-то дикие, в очень экзотических потрёпанных одеждах.

Ребятишки, увидев нас, часто с плачем убегают прятаться, во всяком случае, в контакт не вступают. Взрослые вполне доброжелательные. Ходят они, во всяком случае, в сельской местности, в основном в национальных одеждах, совсем не похожих на узбекскую или таджикскую. У мужчин на головах высокие меховые шапки. У женщин темные в пол плотные платья, на головах – тоже темные покрывала. Русский понимают в основном мужчины, женщины же молчат и только улыбаются.

В одной сельской семье по просьбе хозяина я сделала несколько хороших фотографий, отражающих их внешний облик, и потом из Ленинграда отослала их в кишлак Нухур.

Когда вернулись в Ашхабад, то показалось, что из первобытного мира мы снова попали в цивилизацию. На нашей базе уже было полно народа. Из института приехали несколько сотрудников нашего отдела, и в частности, геофизики, в том числе мой старый приятель Виктор Деч. Все они были любителями широких застолий, поэтому атмосфера на базе царила самая жизнерадостная.

На столе в честь нашего приезда среди арбузов и дынь стояли бутылки водки. Мы с обреченным видом уже были готовы в эту невероятную жару выпить за дружбу, как вдруг Игорь встал и спокойным твердым голосом заявил «Я пить не буду. Не хочу». Я была в ужасе. Как ты можешь, ведь тост за дружбу. Но тут к Игорю присоединились Наташа с Юрой. Оказывается, они тоже не хотели. Кампания распалась, но на столе было столько фруктов, что все равно мы как-то нашу встречу отметили.

Вскоре моя троица уехала в Ленинград, а я осталась вместе с геофизиками продолжать работы. Конечно, первым делом мы решили, не уезжая далеко от Ашхабада, осмотреть Фирюзинское ущелье. Действительно, по сравнению с окружающей раскаленной пустыней это был настоящий, но к сожалению маленький оазис, наполненный яркой зеленью и свежестью близкой воды. Это было несомненно обжитое место, но человеческое присутствие не бросалось в глаза – отдыхающих было не так уж много, да и сооружения для отдыха как-то прятались в зелени, карабкающейся вверх на скалы.

Как только мы спустились к воде, а река Фирюзинка была довольно полноводная (в наиболее глубоких местах – до пояса), нам встретила огромная, метра в два кобра, которую поймал кто-то из отдыхающих. Лично для меня это испортило все последующие впечатления.

Вообще, проблема с ядовитыми насекомыми и змеями для Средней Азии очень характерна. Что там наши гадюки или какие-нибудь муравьи! Они по сравнению с местными просто безобидны, ну поболит немного, и все. Здесь же, особенно в мало населенных местах, где никакой медицинской помощи не дождешься, укусы всяких многочисленных гадов вполне могут быть смертельными.

Работали мы как-то в ущелье под названием Каракурт (это в Узбекистане). Нас предупреждали, туда лучше не ходить, даже местные скотоводы обходят его стороной. Но нам почему-то это было очень нужно (руководителем отряда тогда была Майя). Я хорошо помню, как там отдельные камни были буквально покрыты коричневатой паутиной. Видела я и самого каракурта – среднего размера паучок с крестообразным узором на спинке. Но от одного его укусадохнут даже лошади, а человек не придумал от него противоядия, поэтому для него укус тоже смертелен.

Внешне более устрашающими выглядят фаланги. Они намного крупнее, какие-то мохнатые, похожие на крабов, и несомненно тоже ядовитые. Но с ними у нас произошел довольно забавный казус.

Как-то, работая в горах, мы были приглашены в юрту приветливого местного жителя. Мы, это в том числе и Виктор Деч, на ту пору совсем молодой мальчишка, но с врожденной бойкостью и нахальством. Перед входом в жилище было положено снимать обувь, но вдруг Витька схватил свой башмак и бросился куда-то в угол юрты. Откуда он за лапку поднес хозяину убитого страшного мохнатого паука. Хозяин вместо того, чтобы обрадоваться, очень рассердился

и выгнал нас вон. Оказывается, этот паук был домашний, он защищал дом от тоже ядовитых, но более распространенных скорпионов. Хозяин даже его специально подкармливал.

Действительно, скорпионы встречались повсеместно, особенно они любят селиться между камнями изгородей. Но смертельно ядовиты они лишь в первой половине лета. Кроме того, если в течение первых 2-3 часов успеешь обратиться к врачу, то отделаешься лишь болью и легким испугом.

Мы от всех этих ползающих гадов спасались тем, что на раскладушки всегда стелили войлочную кошму, которой нас снабжал Институт. Говорят, что войлок предохраняет от укусов насекомых. Во всяком случае, местные жители бывали счастливы, когда мы в конце сезона делились с ними этим богатством.

По своему опыту могу сказать, что когда мы, переезжая с места на место, убирали свои раскладушки и спальные, то между брезентом раскладушки и кошмой, подстилаемой под спальник, находилось немало разных ядовитых насекомых, в том числе и скорпионов, иногда даже приходилось их просто стряхивать.

Со змеями дело обстоит несколько иначе. Нас уверяют, что змеи избегают людей, они никогда на них не нападают. Опять-таки, по личному опыту могу сказать, что сознательно они может и не нападают, но могут совсем внезапно появиться и укусить. Может быть, ты нечаянно наступил на спящую змею, или ты слишком близко к ней приблизился, а ей уползти некуда. В таком случае она очень даже может напасть первой. Особенно агрессивны гюрзы, о которых мне даже вспоминать не хочется. Ну а таких крупных кобр, как в Фирюзинском ущелье, я нигде не видела. Говорят, перед нападением, они громко шипят, предупреждая о своем намерении, в отличие от гюрзы, молча бросающейся в атаку.

Все равно, обилие змей, на мой взгляд, это расплата за экзотическую, сказочную красоту здешних мест. Между прочим, недалеко от Фирюзы в пустынной местности находится небольшой городок со значимым названием Безмеин. Действительно, там, как ни странно, змеи не встречаются, а по какой причине – не знаю.

Отдых – отдыхом, но нам надо было ехать в горы. От Ашхабада вдоль Копет-Дагского массива шла единственная дорога улучшенного типа (не асфальт, который в такую жару, наверное, просто бы плавился). Дорога выглядела довольно пустынной, да и вообще машин ни в Ашхабаде, ни в других городах Туркмении в те времена было очень мало.

Примерно напротив Безмеина мы свернули с дороги налево к хребту, чтобы посетить другую местную достопримечательность – подземное озеро. Про него нам рассказали местные геологи. И действительно, это оказалось очень интересным. Расположено оно в сформированной в известняковой толще большой пещере, размеры которой неизвестны. Вход находится недалеко и невысоко от дороги. Видимо, место это посещается не часто. Кругом – ни души. Вошли в высокую слабо освещенную дневным светом полость, уходящую куда-то в темную непроглядную глубь. Здесь не было видимых проявлений карста в виде сталактитов и сталагмитов, как в Карлюкской пещере. Стены были черные, покрытые бархатистым налетом. Потом мне объяснили, что это следы жизнедеятельности большой колонии летучих мышей. Вниз вела какая-то ветхая крутая самодельная деревянная лестница без перил.

У нас был наготове факел из пакли на длинной палке. Цепляясь руками за деревянную лестницу и при колеблющемся тусклом освещении, полезли мы куда-то вниз примерно метров на тридцать. Внизу были многочисленные скальные обломки, а сбоку, не по центру, при свете факела увидели зеркало черной воды, уходящее куда-то под низкие нависающие своды. Это и было подземное озеро. Определить его площадь и глубину не было возможности. Наш факел освещал лишь малую часть поверхности, все остальное тонуло во мраке.

Я все-таки залезла в воду. После первого шага по острым каменным обломкам, дно для меня стало недостижимым, и я в темноте поплыла вдоль ближней стены. Но свод над головой

все снижался, дно не прощупывалось, а нырять в неизвестную глубину я не решилась. Ребята тоже не полезли.

Вода была приятная, прохладная, пресная, на свет прозрачная, без всякого запаха. В темноте слышались пугающие шорохи, всплески. Никакой живности, кроме прилепившихся к стенам летучих мышей, мы не встретили. Одним словом, исследовать это озеро у нас не получилось, страшновато было.

Потом еще несколько раз мы возили к этому озеру приезжавших из института геологов. Все ахали, охали, но как следует обогнуть это озеро и составить карту пещеры не получилось. Для этого необходимы как минимум акваланги и хорошее освещение.

—
Из Туркмении мы перебрались назад в Узбекистан, в горный район Байсун-тау. Работать в этих краях очень здорово. Предгорья покрыты ароматными арчовыми лесами, встречаются горные ручьи с чистой водой. В одном месте мы умудрились выбрать лагерь у водопада, прорывающегося через заросли сладчайшего винограда. Рядом росло мощное дерево, усыпанное почти спелыми грецкими орехами. Под водопадом мы каждый день принимали душ, кругом благоухала мята и арча – словом, рай.

Настроение немного портил Витька, ведь он был страшный нахал и бездельник, но тем не менее свой, родной, веселый и беззлобный человек. И повариха была веселая, хоть и пьяница.

Местное население относилось к нам приветливо. Ребятишки часто прибегали к нам в лагерь, садились вокруг на корточки и смотрели, что мы делаем. Витька, которому было поручено разгружать машину после маршрута, иногда их использовал как рабочую силу. Я страшно ругалась, но даже совсем малыши хватались за ящики и рюкзаки, полные камней, чтобы нам помочь.

Однажды местный декханин принес нам целое блюдо вкуснейшего плова. Мы, конечно, тоже старались быть добрыми соседями, но наши угощения были весьма скромными.

Отработав положенный участок, мы на машине поехали снова полюбоваться красотами Бухары и Самарканда. Несмотря на жару, бродили по старинным улочкам, любовались старинными мечетями и мавзолеями, необычайно красивой мозаикой. Самарканд уже на то время отличался от Бухары не только размерами, но и обилием современных зданий. Если Бухара мне представлялась как город-музей, то Самарканд, несмотря на самое плотное скопление действующих религиозных сооружений, таких, как знаменитый Регистан, казался более светским, даже слегка европеизированным городом.

Сейчас, спустя уже полвека, сложно разложить воспоминания по полочкам, значительная часть стерлась из памяти, остались, пожалуй, только наиболее яркие события. Ведь большая часть времени была занята рутинной работой без каких-либо, слава богу, экстремальных событий.

Пожалуй в Туркмении со мной произошло все-таки одно экстремальное событие, воспоминания о котором заставляют меня думать, что ангелы – хранители существуют.

В этот сезон я почему-то опять была руководителем отряда и без близких людей вокруг. Геофизики подъехали уже позднее. Кроме меня в отряде были: шофер Ислам (свой человек,

но пьяница), кухарка баба Маня (горькая пьяница, но на момент загрузки машины уже была в полусонном алкогольном состоянии) и двое студентов – молодых парней лет двадцати из Ленинграда. Я, как старшая и по возрасту, и по положению, чувствовала свою ответственность за их моральный облик, а также за то, чтобы они получили бы хоть какие-то геологические сведения. Перед отъездом я провела со всеми профилактическую работу и строго настрого запретила Исламу притрагиваться к водке, так как мы едем в горы. Он мне сообщил, что он эту дрянь просто презирает, а пьет лишь благородное вино. Но если уж я настаиваю, то поклялся, что не возьмет в рот ни капли спиртного.

Выехали мы из Ашхабада, запасшись водой и продовольствием, рано утром. Единственная, прямая, как стрела дорога вдоль Копет-Дага шла по пустыне прямо до следующего города Кизил-Арвата. Проехали без остановки мимо отворота на Фирюзинское ущелье, мимо вышеописанной пещеры, мимо Безмеина, а дальше – ни одного поселка, а это значит, ни одной чайханы, ни одной лавки, где можно было бы купить алкогольную продукцию. Часам к 12, когда кругом царила невероятная жара, доехали мы до Кизыл-Арвата – маленького пыльного городка, прожженного солнцем. Здесь пришлось остановиться недалеко от общественного туалета, чтобы оправиться (ведь это проблема в пустынной местности, где нет ни кустика). Баба Маня спокойно спала, я быстренько все разведала, убедилась, что условия там самые что ни на есть антисанитарные, и послала туда мужчин. Жду их на раскаленном солнце назад – их нет полчасика, час.

Возможно, что это белое глиняное заведение типа выгребной ямы было, единственное на весь город, так как подойти к нему, не зажав нос, было трудно. Но я решилась, и исполненная гнева зашла в его мужскую часть. Все трое стояли в предбаннике и пили водку из одной бутылки. Могу точно сказать, что мои представления о мужчинах сильно понизились.

Высказав все, что я о них думала, тронулись дальше. Шофер пьян, но, как всегда, жизнерадостен и бодр. Он уверяет, что для него какие-нибудь поллитра – ничего не значат. Не возвращаться же домой в Ашхабад? Решила ехать дальше, тем более, что дорога прямая, безлюдная, встречные машины не попадают, да и вообще кругом никаких признаков жилья, одна пустыня, а слева – стена Копет-Дага. Но вот в этой каменной стене перерыв – налево уходит ущелье, пересекающее этот хребет. По нему тоже идет дорога, но явно мало хоженная, заброшенная, по которой мы и свернули. Дорога петлями начала подниматься вверх. Зная состояние Ислама, я поскорее выбрала удобную площадку, велела там устроить временную стоянку, а сама с двумя парнями отправилась в пеший маршрут. Цель наша была такая: забраться по полого залегающим слоям на вершину хребта, а оттуда по вертикальному склону спускаться вниз на основную дорогу. При спуске проводить описание разреза, замерять в нем трещины и отбирать образцы. Казалось, все логичным. Мы втроем долго карабкались наверх. По пути нам попадались какие-то странные железные болванки. Я подумала, что, наверное, здесь когда-нибудь бурили, а это – обломки труб. Наконец, мы выбрались на вершину. Отсюда открывался великолепный вид на бескрайнюю пустыню, а где-то там, внизу, просматривалась наша основная дорога.

Ясно, что весь разрез за один день не опишешь, здесь и без описания пород только на спуск уйдет часа три-четыре. Хорошо еще, что эта каменная стенка, издали казавшаяся вертикальной и недоступной, на самом деле была достаточно уступистой, для нас вполне проходимой. Отдохнув немного, приступили к описанию пород и отбору образцов.

Таким образом, потихоньку спускаясь вниз, работали еще часа два, устали, и оставшуюся часть разреза решили доделать завтра. причем описывать его мы будем теперь снизу вверх до того места, где сегодня закончили работу. Для того, чтобы все успеть, надо встать пораньше, а чтобы из далека было видно место, где мы сегодня закончили, решили оставить на нем привязанную к палке красную футболку одного из мальчишек.

Добрались до машины уже в сумерки. На ночь решили съехать назад в степь, чтобы завтра сразу же начать восхождение. Наскоро побросав рюкзаки, спустились без всяких приключений и в пустыне устроились на ночлег.

Действительно утром пораньше позавтракали, загрузились в машину и снова двинулись в путь вдоль Копет-Дага, внимательно поглядывая налево на скалы, чтобы не пропустить наш опознавательный знак. Но за ночь произошли изменения – пустынная степная дорога, по которой мы ехали еще из Ашхабада, перед нами оказалась перегорожена. Откуда-то появился шлагбаум, а рядом – солдаты с автоматами. «В чем дело? Ведь нам надо ехать вперед, мы еще даже не проехали отворота на ущелье. Мы вчера не закончили свои работы» – возмущалась я. «Позовите начальника, нас должны пропустить, смотрите, даже отсюда видно место, где мы вчера закончили работу! Вон там мы оставили красную футболку!» – «Какие работы? Да у нас по этой стене стрельбы. А мы еще удивляемся, откуда в этом квадрате могло появиться красное пятно?» – «Какие стрельбы, ведь мы вчера там были, на дороге никаких запрещающих знаков не было, никто не стрелял!». «Так вчера у нас был выходной, а по этим дорогам в ущелье никто не ездит, там никто не живет. В округе же все знают, что это артиллерийский полигон.»

Оказывается, те болванки, которые мы видели при вчерашнем подъеме, были результаты неточных выстрелов, когда по ошибке перелетали через вершину стенки. Выходит, намеченный нами объект на стене – точь в точь попадал в объект артиллерийской стрельбы. Пришлось работы не доделать, а футболку так и оставить.

Вообще, вспоминать об этом страшно, какие в жизни случаются неожиданности. А ведь мы могли остановиться на ночь не в степи, а там, в горах, где у нас вчера была временная остановка...

С невыполненной работой вернулись в Ашхабад к себе на базу. А там нас ждали приехавшие из Ленинграда наши геофизики и номинальная начальница отряда Татьяна. Я со спокойной совестью решила передала ей весь груз ответственности, и мы дружным коллективом двинулись в последний маршрут. Лично у меня настроение стало прекрасное.

Виктор Деч и его шеф Илья Иванович были очень музыкальными, у них была гитара, поэтому у ночного костра под южными звездами мы частенько распевали старинные романсы, да и сама работа в большой кампании не казалась такой утомительной.

Но вот уже пора и закругляться, пора домой. На прощанье решили найти какое-нибудь удаленное от дорог ущелье, в котором могут расти грецкие орехи, тем более, что пришло время их созревания. Мы по подробной топографической карте нашли подходящий объект, удаленный от кишлаков, представлявший собой узкое извилистое ущелье, в которое попасть можно было только сверху. Мы оставили машину наверху, а сами, человек десять, десантировались вниз в среднюю часть этого ущелья. Действительно, в нем росло много больших раскидистых деревьев. У всех с собой были большие емкости, все дружно и весело стали их наполнять орехами, валявшимися как под деревьями, так и еще не опавшими.

Витька, желая набрать больше всех, залез на дерево и вдруг заорал – это он увидел там змею. Поднялся крик и шум. На этот шум откуда-то вдруг появились местные жители. Среди них один наиболее представительный и сердитый, на ломаном русском языке заявил, что он председатель колхоза, а мы похищаем колхозную собственность. В начале и в конце этого ущелья колхозники собирают орехи и двигаются друг к другу навстречу. «Кто начальник?» - грозно спросил он. «Я так это не оставлю, напишу жалобу, что вы украли наше имущество!». Почему-то как начальника Витька вытолкнул меня, а в руках у меня было примерно треть мешка орехов. Остальные же, поняв раньше меня ситуацию, свои трофеи спрятали и толпились в сторонке. Я стала всячески извиняться, пыталась объяснить, что на карте, по которой мы сюда попали, не помечено, что это ущелье кому-нибудь принадлежит. Мы думали, что оно дикое, ничейное. А собрали то мы всего – ничего, вот этот маленький рюкзачок, да и то неполный. Все равно,

начальник был неумолим, взял наш институтский адрес и мои орехи вместе с рюкзаком. Пришлось нам с позором выбираться наверх из этого ущелья.

Уже в машине со мною, конечно, тоже поделились орехами, и хоть мы рассчитывали на большее, тем не менее было, чем угостить дома своих близких.

Вторая половина взрослой жизни

В Ленинграде снова окунулись в обыденную жизнь. Выше описанная поездка в Туркмению была практически прощанием со Средней Азией, да и вообще с настоящими полевыми работами. Мои дальнейшие поездки по Союзу – практически это командировки различной протяженности. Ночевок в палатках и посиделок у костерка уже не было.

Пожалуй, наиболее запоминающейся была поездка с Таней по Кавказу. Геологической цели этой поездки я не помню.

В Грузии мы заезжали в маленький городок Гори, чтобы посмотреть на домик, в котором родился Сталин. Это был настоящий мемориал – маленький деревянный двух-этажный домик, в нижней части которого находилась обувная мастерская его отца. Он помещен под красивый стеклянный колпак. Кругом все очень красиво и богато убрано, чувствуется, что здесь Сталин все еще пользуется огромным почетом.

Снова проехали по Военно-Грузинской дороге, по которой мы когда-то с Валею мечтали пройти пешком. На этот раз нам

Часто приходилось останавливаться около различных съестных точек, так как многочисленные члены нашей партии все время хотели то пить, то есть. А национальная грузинская кухня конечно, очень вкусная.

. Дорога не походила на Памирский тракт, а была вполне цивилизованной и живописной, без всяких холодящих душу разъездных площадок и устрашающих предупредительных надписей. Даже Терек шумел внизу как-то приветливо. С местным населением мы не общались, но в общем обстановка была очень спокойная, доброжелательная.

Переезд из цветущей, зеленой, благодатной Грузии в пустынную, каменистую, выжженную солнцем Армению производил впечатление именно своим природным контрастом. А в самом Ереване неизгладимое впечатление произвел Арарат. Эта рядом находящаяся классической форм заснеженная вершина как бы нависает над городом и видна с любой его точки. Трудно поверить, что это уже Турция. На всех продающихся сувенирах она присутствует как символ Армении.

Город мне показался довольно скромным, с малым количеством зелени, сугубо каменным, без всяких деревянных построек, без особых архитектурных украшений и излишеств, но с отдельными великолепными каменными скульптурами и строениями, которые, по прошествии полувека, остаются в моей памяти. Например, стоящая у публичной библиотеки гранитная скульптура, где юноша, стоя на коленях, внимает сидящему с книгой мудрецу.

И, конечно, мемориал Цицерна-Каберта, посвященный жертвам турецкой резни. Он просто потрясает своей простотой, величием, и ощущением незабвенного горя. Я бы даже сказала, что это самое величественное изображение человеческого горя... А тут еще, как нарочно, сияет вершина Арарата, напоминая о невозвратной потере.

Так что для меня Ереван остался в памяти как очень грустный город, в противовес Тбилиси, где все кажется улыбающимся, жизнерадостным, цветущим.

Посещение Еревана невольно наводит на мысли: а что такое геноцид? Разве он не развивается на основе национализма? Почему он возникает? Почему соседние народы очень часто не любят друг друга? В этом я убедилась во время командировок по Прибалтике, путешествуя и общаясь в геологических организациях с разным людом. Мне рассказывали, что эстонцы, кроме, естественно, русских, очень не любят латышей. В Латвии, кроме русских, очень противные эстонцы и литовцы, а в Литве - кроме, само собой, русских, отвратительны латыши.

Мне кажется, что лучше всего на этот вопрос сказано в старом анекдоте: «Скажите, а почему в Англии нет антисемитизма? – А потому, что мы не считаем себя глупее евреев». Действительно, может быть зависть? Как это так, соседи живут лучше нас, более богатые, более умные, земли у них больше, да и религия у них не такая, как надо, то есть не такая, как у нас.

Вообще-то эта проблема взаимоотношения наций сидит у меня в сердце, как заноза. А что такое «патриотизм»? Где грань между патриотизмом и национализмом?

После Еревана по пути в Россию мы остановились в пределах Большого Сочи. Там по реке Псецуапсе, представляющей неспешно спускающийся к морю прозрачный ручеек, проводили замеры трещин.

Особой природной красоты я не запомнила, наверное потому, что вдоль этого ручейка живет уйма змей. Хоть Таня и уверяла, что это ужи, но все равно хотелось поскорее уехать отсюда к морю. А так как в Сочи остановиться в гостинице мы не могли, то все равно приходилось ночевать у речки в машине. Наш шофер и рабочий уверяли, что можно прекрасно спать на раскладушках на земле, но в машине нам казалось как-то более комфортно.

А ночи здесь исключительно черные, бархатные, ласковые, таких не бывает на севере....

От Черного моря повернули на запад через Краснодарский край. Там в каком-то селе-нии даже мылись в общественной русской бане с парилкой, вениками и обливанием холодной водой. Какие женщины, какие тела!... В этой простой сельской бане я поняла, почему кавказцам так нравятся именно русские женщины. А ведь я была и в грузинских, и в армянских публичных банях, так что было, с чем сравнивать. Говорю об этом чисто из эстетических соображений.

Во время последнего пребывания в Карпатах запомнился такой эпизод. Это было во времена Хрущева, когда обострился кризис с Америкой из-за наших ракет на Кубе. Мы тогда ехали на своем ГАЗ-51 по шоссе недалеко от Львова. Радио у нас с собой не было. И вдруг, проезжая какой-то населенный пункт, мы обратили внимание, что люди толпятся на улице и с перепуганными лицами слушают репродуктор. Звучал чей-то очень серьезный голос, почти что Левитан. Мне кажется, что мгновенно закрылись все магазины, за хлебом выстроилась очередь, а самое страшное, все главные шоссе-ные дороги мигом перекрыли, и по ним нескончаемой вереницей на запад двигалась военная техника. Такое впечатление, что началась война.

Когда мы вернулись в Ленинград и спрашивали у знакомых, как они пережили этот Караибский кризис, то все отвечали, что они его и не заметили. А вот мы то думали, что уже никогда не увидим своих близких.

—

Дома наше семейство пополнилось. К тридцати годам у нас с Игорем появилась дочка, а через пять лет – сынок. Я, конечно, стала более серьезной, хотя временами мне казалось, что все это происходит не со мной. Я как будто со стороны смотрю на детишек, конечно, люблю, забочусь по мере отпущенных мне сил, стараюсь делать все правильно, т.е. так, как написано в книжках. Однако основное время я все равно проводила на работе.

Игорь тоже оказался неважным семьянином – он был целиком погружен в разработки программ по экономической геологии, а кроме того, лет пять подряд выполнял обязанности секретаря партийной организации Института. Это отнимало уйму времени, так как заниматься общественной работой в свободное время уже никто не хотел. Поэтому на всех субботниках, воскресниках и других благотворительных мероприятиях, не взирая на мое не удовольствие, он был обязательным участником. Хорошо еще, что всегда рядом была моя мама, а иногда и свекровь Софья Михайловна, дипломированный педагог. Поэтому дети были явно не брошенными.

Между тем в Институте пахло большими переменами. Началось массовое сокращение штатов, новый министр решил сократить тематику, которой занимался институт. Доводы у него были железные: «Ну и что, что вы старейший нефтяной институт страны и у вас сильные

научные кадры? Ведь в Ленинградской области нет нефти, поэтому нам вполне достаточно одного нефтяного института – московского» (бывшего филиала ВНИГРИ). Достаточно убедительно звучит. Правда, в Московской области тоже нет нефти. За нашим институтом условно закрепили два региона – Тимано-Печора и Восточная Сибирь.

Наш сектор все уменьшался и уменьшался, постепенно он слился с лабораторией петрографии, и мы в основном стали заниматься коллекторами, т.е. породами, в которых могут находиться залежи нефти. Это уже не теоретические, а практические разработки, поэтому мне они казались менее интересными. Тем не менее я таки подготовила и защитила кандидатскую диссертацию на тему о трещиноватости и закономерностях ее развития, связанных с тектоническими условиями в земной коре. Примерно через три года защитила докторскую диссертацию и Таня. Ее тема была очень интересная – связь нефтяных месторождений с разновозрастными разломами земной коры.

Оглядываясь назад, могу утверждать, что пик интеллектуального развития у человека приурочен к 40 годам, во всяком случае, так было у меня.

Не взирая на свойственную мне поверхностность, я могу с полной уверенностью утверждать, что за свою кандидатскую работу мне не стыдно. И дело даже не в отличных отзывах, которые я получила (на Ученом Совете мне предложили еще немного доработать, и уже готова докторская). Главное, это то, что ее одобрила Мара Хаджиевна, а это дорогого стоит, так как она была страшной придирой, особенно ко мне, не терпела никакой халтуры. И вообще, как-то незаметно Мара Хаджиевна стала для меня самым близким и даже родным человеком.

А я после своей защиты активно подключилась к Таниной работе, тем более, что у нее сгустились серьезные семейные проблемы – тяжело болел ее муж и сын, да и у нее самой со здоровьем было неважно. Я не только принимала деятельное участие в оформлении ее работы, но и в написании выводов. Мара Хаджиевна предупреждала меня, что это плохим кончится, Тане такая моя активность не понравится, а я отвечала, ну что ж в этом особенного, я ведь просто помогаю. Конечно, я испытывала некоторую неловкость, и в то же время гордость, когда ко мне обращались ее оппоненты, маститые профессора, за разъяснениями по некоторым вопросам ее диссертации. Я этому, по глупости, не предавала особого значения.

Все кончилось благополучно, и это главное. Но вскоре я почувствовала, что между нами как будто бы пробежала черная кошка. Таня ушла из нашего сектора, ей предложили возглавить работы по изучению знаменитой баженовской свиты Западной Сибири, на которую в те времена возлагались огромные надежды. Я не пошла с нею, а осталась с Марой Хаджиевной, что, несомненно, Таню обидело. Я, конечно, не жалею об этом потому, что Мара была тем человеком, с которым можно было говорить о самых разных проблемах, спорить о науке, политике, петь песни, радоваться и печалиться, не боясь выглядеть совсем глупой или невероятно заумной. В общем такой, какой я была на то время.

За долгие годы совместных работ с Марой Хаджиевной мы побывали в различных кратковременных поездках, в основном по северу страны. Обычно вместе с нами ездила еще одна, к тому времени уже не молодая женщина (старше меня на 20 лет) Людмила Павловна Гмид, зав. лаборатории петрографии. Это исключительно приятный человек с тяжелой и даже трагической судьбой, но сохранившая до конца своих дней доброжелательность и оптимизм. Она была одним из крупнейших литологов страны, и у нее были многочисленные благодарные ей ученики в разных геологических организациях, что нам часто помогало в работе.

Мы с ней были как-бы подопечными Мары, которая частенько ворчала на нас за наше, как она считала, разгильдяйство, неряшливость и бестолковость. Тем не менее мы составляли дружную тройцу, про которую в нашей канцелярии, посмеиваясь, говорили: «Опять три девицы командировки оформляют».

Короткие командировки по России.

Это уже были 70-тые – девяностые годы. Я была отнюдь не девочкой, но полностью свою жизнерадостность еще не растрясла. Так как на этот период приходится постепенное разрушение Советского Союза, то я, несомненно, была свидетелем наблюдавшегося в отдаленных от столиц районах ухудшения жизненного уровня населения, как материального, так и морального.

Особенно это выло характерно для севера – в Архангельске, Ухте появились проблемы с продовольствием. Так, в столовых, где мы питались, мясные изделия готовились только из субпродуктов. Куда-то подевались коровы, чье вымя было во всех меню. В магазинах и кафе никаких мясных изделий не было. В Архангельске, известном ранее как рыбный город, рыба исчезла, а молоко выдавали по рецептам. Но хлебо-булочные изделия и крупы были. Короче, народ не голодал, но достать то, что хотелось, стало проблемой, приходилось стоять в очереди. Также куда-то исчезли характерные для севера промтовары типа мехов, ковров, шерсти. Кругом говорили об увольнениях, закрытии предприятий.

В западных районах – республики Прибалтики – этот дефицит не выражался так остро. Могу твердо сказать, что по сравнению с русским севером, здесь снабжение, мне казалось, было очень даже неплохим. Несомненно, чувствовался Запад. В кафе Таллина, Риги и Вильнюса умопомрачительно пахло кофе, продавались неведомые нам кулинарные изыски. В магазинах – сплошной для нас дефицит, то есть местные изделия повышенного качества, на улицах – нарядная современно одетая публика умеренно доброжелательная.

Ярких признаков национализма не чувствовалось, разве что, меня поразила в Вильнюсе массовая религиозность публики – в воскресенье утром, как ручейки, люди друг за другом по узеньким улицам спешили в молельные дома, которые, как мне казалось, не выделялись своей архитектурой. Раньше я такого здесь не замечала. Отношение к нам, приезжим, было совершенно лояльным.

А вот на острове Саарема (Эстония), где в основном сельское население и мы остановились в палатках, встретили нас исключительно доброжелательно. Хотя люди здесь не говорили по-русски, но чувствовалась искренняя сердечность, желание нам помочь. Принесли нам какое-то угощение, а денег не хотели брать. Конечно, мы тоже старались не оставаться в долгу.

На Кавказ в город Грозный, где Мара Хаджиевна (по национальности наполовину аварка, но считавшая себя русской) закончила школу и институт, мы тоже ездили в советские времена, когда о национальных проблемах никто даже не думал. Правда, нам рассказывали, что бюст основателю города Грозного, генералу Ермолову, неоднократно взрывали какие-то моджахеды. Но его все равно восстанавливали, и во время нашего там пребывания бронзовый бюст стоял в окружении цементных надолбов, выполнявших роль широкого постамента. Не знаю, сохранился ли он сейчас, думаю, что навряд ли.

Город выглядел зеленым, по архитектуре весьма скромным, без национальных элементов, похоже, что и без мечетей. Среди населения примерно треть составляли русские. Национальные трения если и существовали, то не заметные.

Мы с сотрудниками родственного нам института СевКавНИПИ, где у Мары было полно знакомых, под ее руководством отправились в горы. Она, как экскурсовод, нам показывала разрезы верхнемеловых отложений, которые являются на Северном Кавказе продуктивными. Все ходили за ней с раскрытыми ртами.

Конечно, горные дороги производили сильное впечатление. Это были отнюдь не правительственные трассы. Временами нашему грузовичку приходилось так тесно прижиматься к горной стенке, что на кузове оставались царапины, а задние колеса машины частично нависали над пропастью, по дну которой протекал Терек.

Добирались мы до дальнего горного аула Ведено -довольно крупного типичного высокогорного поселения, где и ночевали в палатке, а вечером сидели у костерка и любовались звездами. Вдалеке виднелся еще чей-то огонек. Наша молодежь решила сходить туда, я вообще-то

побаивалась и отговаривала их. Оказалось, это были пастухи. Наши посидели с ними, попели песни и довольные, вернулись.

Хоть мы и не вступали в прямой контакт с местным населением, но враждебности уж точно не чувствовали.

И откуда все взялось? В последствии, примерно через год – два, во время Чеченской войны Ведено стало центром боевиков, там велись страшные партизанские бои, сам Шамиль Басаев оттуда родом. В

Город Грозный превратился в сплошные развалины. Выжившие русские в основном бежали, опасаясь повального уничтожения. К нам в институт проступила одна из беженцев Ольга Зуйкова, и рассказывала, сколько ужасов ей пришлось пережить. Из их института, бывшего в центре Грозного, остались одни развалины.

То, что теперь показывают по телевизору, пышный Грозный Кадырова, не имеет ничего общего со старым скромным Грозным. Невольно в голову приходят такие мысли – на какие же деньги за такой короткий срок построена вся эта роскошь? Может быть российское руководство таким образом расплатилось за свои ошибки и лояльность Кадырова? Интересно, а русские туда вернулись?

Поездка в Заполярье. Остров Колгуев.

Пожалуй, самое запоминающееся путешествие было на остров Колгуев (Баренцево море). Отправилась туда наша «троица» на месяц в начале мая.

Добраться было не легко – сначала мы на поезде доехали до Нарьян-Мара, столицы Ямало-Ненецкого автономного округа. Это уже была настоящая тундра – кругом никаких деревьев, абсолютно плоская болотистая равнина, частично еще покрытая тающим снегом. Город скучный, малоэтажный, с каменными строениями самой утилитарной, в основном барачной, архитектуры.

Выстроен он в дельте реки Печоры, недалеко от ее впадения в Ледовитый океан.

Сама Печора здесь серая, широкая, с ровными низкими берегами, абсолютно не живописная, зато, как говорят, очень рыбная. Ни одного кустика, не говоря уж о деревьях.

Город построен в пределах обширной палеодельты, сложенной чистейшим мелкозернистым песком, какой у нас бывает лишь на самых фешенебельных пляжах. Понятно, что если поднимается ветер (а он здесь достаточно част), то летом весь город в песке.

Нарьян-Мар совершенно не похож на столицу. Машин мало, народу мало, общественных мест типа кино или магазинов – тоже мало. Город раскинулся довольно широко, между отдельными районами – незастроенные пустыри, хотя, как мне кажется, когда так холодно, да еще сильные и частые ветра, естественней было бы селиться более компактно. Правда, ходят редкие рейсовые автобусы. Никаких национальных атрибутов я не заметила.

Публика тоже самая заурядная, рабочая, прогуливающих по улицам не видно. В общем, в городе по собственному желанию я бы никогда не поселилась. Даже по сравнению с Ухтой (а это климатически лесотундра) Нарьян-Мар выглядит не свободным, а северным лагерным городом. И это не смотря на то, что во время нашего пребывания здесь была уже полярная весна, все время светило солнце, за сутки перемещаясь по окружности и ни на минуту не скрываясь за горизонт. Снег в городе в основном уже сошел, но температура держалась около нуля.

Добраться до острова Колгуев можно только на вертолете, а вертолеты летят лишь в определенные дни недели. Поэтому нас поместили в специальное общежитие (перевалочную базу), где останавливаются буровики, отправляющиеся на Колгуев, или наоборот, возвращающиеся домой с Колгуева и ждущие своих рейсов.

Работы на Колгуеве организованы вахтовым методом – бригады работают по три месяца, а потом возвращались домой до следующей вахты

. Так как на острове существовал строгий сухой закон, то на перевалочной базе люди, а это были в основном мужики- буровики, напивались до одури. Драки и всевозможные шумные выяснения отношений были для них обыденным явлением, формирующим в общежитии соответствующую обстановку. Нам, правда, отвели отдельную самую спокойную по уверению администрации комнату, но ночевать в ней, да и вообще находиться, было затруднительно. Поэтому мы с нетерпением ждали вертолет.

Следует сказать, что по советам бывалых полярников, еще в Ленинграде, мы подготовили для Колгуева (все-таки Заполярье, в это время года нам говорили, что там еще зима) соответствующую экипировку – мы выписали себе со склада по тулупу и валенкам, причем мне и тулуп, и валенки достались самого большого размера.

Когда объявили посадку в вертолет, то мы, надев на себя тулупы, валенки все же решили положить в рюкзаки с личными вещами. Но мои валенки ни в какой рюкзак не влезали, поэтому я их, вставив голенища друг в друга, просто положила сверху на рюкзак под клапан и взвалила на спину.

Началась посадка. Всех пассажиров, а это были буровики-мужчины, помимо документов, ощупывали на предмет наличия алкоголя и оружия. нас же на взлетное поле пропустили без тщательного осмотра.

Подожли к вертолету и стали по очереди подниматься по приставной железной лесенке, чтобы через довольно узкую дверь войти во внутрь. Я, конечно, пропустив всех, поднималась последней. Но оказалось, что мой рюкзак не пролезает в дверь, валенки застряли, а сзади нет никого, кто бы мог помочь мне их протолкнуть. Немая картина. Все, кто наблюдал за нашей посадкой, хохочут. Пришлось пилоту вылезти из кабины и помочь мне загрузиться.

Наконец, взлетели. Я прильнула к иллюминатору – очень хотелось видеть границу материка с океаном. Я представляла, что это какие-то скалы, о которые разбиваются суровые волны. Но действительность поразила. Никакой границы между сушей и морем не видно, хотя вертолет летел достаточно низко. Серо-белая плоская тундра окаймлена широкой плотной полосой лежащих в беспорядке бревен – леса-кругляка. По-моему, это иллюстрация экологической катастрофы севера.

Потом мне объяснили, что лес уже долгие десятилетия лесозаготовщики Севера сплавляют по рекам и речкам, впадающим в океан, в том числе, конечно, и по Печоре, иначе – никак. Во время сплава плоты часто разбиваются, поэтому весь северный океан обрамлен такой полосой бревен разной ширины. Редкое местное население, конечно, пользуется даровыми дровами, но это капля в море.

Постепенно скопление бревен перешло в частично растаявшую серую воду, по которой плавали не похожие на айсберги серые участки льда.

Одним словом, дорога до Колгуева, несмотря на какое-то блеклое солнце, показалась мне совсем не романтической.

Остров также был весь обрамлен прибитыми волнами бревнами, правда не так плотно. Мы прилетели в его самую южную часть, поселок Песчаноозерский, названный так по единственному на то время расположенному здесь нефтяному месторождению. Из него нефть качали прямо по трубам, протянутым над водой, в стоящие примерно в километре на рейде танкеры.

Поселок стоит на самом берегу. Прямо перед входом в контору на песке лежала огромная, примерно в 1.5-2 м шарообразная рогатая морская мина, по легенде прибитая сюда волной и не взорванная. Это производило впечатление.

Весь жилой поселок состоял из одной улицы, во главе которой стояла геологическая контора, а по бокам -одно-двух этажные небольшие отдельные бараки самой простой конструкции. Говорили, что год назад здесь немцы построили два утепленных дома улучшенного качества. Правда, некоторые уверяли, что утеплитель был растаскан во время стройки.

С обеих сторон вдоль улицы были проложены высокие деревянные мостки, вдоль них – вбитые в землю высокие шесты, между которыми протянут канат, выполняющий роль перил. Сейчас здесь хоть и все было покрыто снегом, но снег стоял низко, а зимой высота сугробов достигает окон бараков.

Во время нашего здесь двухнедельного пребывания мы смогли оценить и необходимость перил. Вьюги или сильного ветра при нас не было, зато в один из ясных солнечных дней мы были свидетелями совершенно необычного для нас явления – это низкая стелящаяся облачность. Густая белая непроглядная пелена высотой около метра покрывала всю землю. Не видно никаких мостков, свои ноги не проглядываются, идешь, не выпуская из рук каната, а все, что ниже пояса, скрыто плотной пеленой. Над головой – ясное солнце.

В бытовом отношении жили мы вполне сносно. Между прочим, на острове существовал коммунистический режим – каждому по потребности. Денег не было. Магазинов не было. Была одна большая и очень приличная столовая, где кормили бесплатно. Порции были огромные, можно было выбирать. Хлеб пекли сами, и был он очень вкусный. Кроме того, в поселке была баня, очень чистая, но топившаяся по-черному. Так как население поселка составляли в основном мужчины, то для немногочисленных женщин был отведен лишь один помывочный день в неделю, и мы им конечно пользовались.

Нас поселили в барак улучшенного типа, где было довольно тепло, выдали необходимые санитарные принадлежности. В комнате была раковина с холодной и теплой водой.

Каждое утро мы, одетые в тулупы и валенки, шествовали гуськом по мосткам в столовую. «Глядите, наука пошла» – шутили буровики.

А вот работать в кернохранилище, представлявшим собой просто неотапливаемый сарай, было тяжело – очень холодно, не спасали ни тулуп, ни валенки. Ящики неподъемные, иногда покрытые льдом, описывать породу – руки замерзают. Хорошо еще, что можно было включить чайник и попить горяченького чайку. Но Мара ворчала на нас с Людмилой Павловной, что мы злоупотребляем чаепитием в ущерб работе.

Конечно, сидеть в теплой конторе и изучать отчеты буровиков было намного приятнее. Но, тем не менее, поставленный перед нами план мы выполнили, и теперь спокойно могли дожидаться вертолета. Поэтому решили выйти из поселка и прогуляться по тундре.

Однако, оказывается, выходить за пределы поселка не рекомендуется. Дело в том, что администрация Ямало-ненецкого округа не позволяет общаться с аборигенами. Оказывается, присутствие русских на севере привело к деградации и вымиранию местного населения – они очень подвержены влиянию алкоголя, короче, они спиваются. Особенно это отражается на женщинах и детях.

Находясь на Колгуеве, мы только один раз видели эвенка – оленевода. Он приехал на нартах с собаками и зашел в столовую. Это был маленького роста мужчина в оленьей парке с меховым капюшоном, на которую был приколот орден почетного оленевода. Лицо смуглое, желтоватое, монголоидное, сморщенное. Очевидно, что его здесь все знали, поэтому встретили приветливо, накормили и напоили горячим чаем. Как нам потом пояснили, эвенки сюда редко, но заходят, они кочевники, постоянных жилищ у них нет.

А между тем, весна в тундре наступает не постепенно, а как-то сразу. В поселке растаяли сугробы, которые доходили до окон, и практически под каждым окном обнажились горы бутылок, ярко сверкающих на солнце. В тундре появились первые прогалинки, и уже на следующий день на них зацвел первый цветочек. И у берега открылась чистая вода. Она была ярко голубая. В ней среди зеленых игольчатых водорослей, росших на песчаном дне, плавали маленькие розовые в крапинку медузы, напоминающие нежные цветочки или парашутики размером в 4-6 см. Временами появлялись и тут же исчезали стайки серебристых рыбок. Все это было очень красиво, хотелось этим бесконечно любоваться.

Я не удержалась, разулась, и прошлась по песчаному дну Северного Ледовитого океана. Думаю, что не многие могут этим похвастаться.

Обратный полет над океаном оказался совсем иным. То-ли за 2-3 недели, проведенные на Колгуеве, погода сильно изменилась, то ли солнышко более ярко светило, но поверхность океана напоминала дворцовую отполированную столешницу из уральских самоцветов, сложенную из разноцветных различного размера кусков полудрагоценных камней, вкрапленных в ярко голубую водную массу. Все переливалось и сверкало.

Сам Нарьян-Мар по-прежнему казался серым и запорошенным пылью. Но однажды нас местные геологи взяли с собой, чтобы показать тундру, а заодно и экологические условия в современной тундре и влияние на них человека.

Прежде всего надо помнить, что толщина почвенного слоя в тундре очень маленькая, не превышает 10 см, а это значит, что один проезд машины, а тем более грузовой, безвозвратно уничтожает почвенный покров тундры, так как на восстановление ее природе придется потратить не менее сотни лет.

Никаких асфальтовых дорог здесь нет, да и проложить их невозможно. Существуют только разезженные болотистые колеи. Но так как обычные нормальные шоферы предпочитают ездить не по болотистым хлябям, а по ровной, еще не проезженной поверхности (несмотря на то, что экологи это категорически запрещают), то сверху поверхность тундры выглядит полностью исполосованной машинными колеями. В виде частых вкраплений по ней разбросаны остовы сломанных ржавеющих машин и другой техники.

Вывести металлолом можно разве что на вертолете, а это слишком дорого. Поэтому его в тундре столько, что говорят, это сопоставимо с открытием нового крупного железорудного месторождения.

Вроде бы правительство выделяет на экологические проблемы тундры немалые деньги, но все равно, это капля в море. Поэтому надежда очистить тундру от следов человеческой индустриализации (а в последние годы у нас на севере открывают все новые и новые залежи нефти и газа) кажется призрачной. Возможно, что-нибудь и удастся сделать вдоль морского побережья, но в основной материковой части тундры – сомнительно.

Единственным приятным впечатлением от поездки в Ямало-Ненецкую тундру было маленькое круглое ярко-синее озеро, как бы в драгоценную малахитовую оправу вставленное в зеленый мох. Оно лежало в стороне от проложенной колеи и казалось островком нетронутой тундры. Вода была буквально зеркальной, сверкающей на солнце, а на ней два ослепительно белоснежных лебедя с картинно изогнутыми шеями. Кругом – ни души, нет никаких признаков человека. Правда, сидевший с нами в открытом кузове рабочий сказал, что надо будет в следующий раз захватить ружье, но я уверена, что он просто неудачно пошутил.

Поездка на Сахалин и Камчатку.

Это была моя самая последняя поездка, длившаяся чуть меньше месяца. Ездили мы вместе с Марой. Сам перелет до Сахалина, занявший чуть ли не сутки, демонстрирует огромность наших российских территорий.

Во время рейса у нас было две или три остановки для дозаправки, и, в частности, в Магадане. День был яркий, солнечный, теплый. Особо осматривать город возможностей не было, но аэропорт находится в самом городе, и могу сказать, что окрестные районы, да и то, что мы видели, подлетая к нему, произвело благоприятное впечатление. Город расположен на побережье Охотского моря, выглядит вполне современно, достаточно зеленый. Во всяком случае, «столица Калымского края» в районе аэропорта точно не похожа на скопище бараков и казематов. Тем не менее в голове все время звучала распространенная в прошлые времена песня:

«Будь проклята ты, Калыма,
Что названа райской планетой,
Сойдешь по неволе с ума,

Отсюда возврата уж нету...»

Конечно, я понимала, что времена поменялись, здесь жизнь другая, но необъятность территории, ощущение оторванности от всей России, климат-то остались...

Остановились мы в Южно-Сахалинске, что на побережье Тихого океана. Хотя я и читала впечатления А.П.Чехова о его поездке на Сахалин, но никаких мрачных следов каторжного периода я не увидела. Город небольшой, в меру жизнерадостный, зеленый, без каких-либо архитектурных изысков.

Было достаточно тепло, солнечно. Были и в краеведческом музее, где показывали камеры, землянки и разные атрибуты узников, и, в частности, кандалы знаменитой Соньки-Золотой ручки.

Конечно, у Чехова, проводшего здесь чуть ли не целый год и общавшегося непосредственно с каторжниками и их семьями, описание жизни на Сахалине более подробное и ужасающее. Слава богу, что теперь ничего, кроме музея, не напоминают это страшное прошлое.

В выходной нас свозили на пляжи побережья, и в частности, в самую южную точку острова, так что я с полным основанием могу петь песенку: «... а я бросаю камушки с крутого бережка, с далекого пролива Лаперуза». Это субтропики, южнее уже Япония.

Поселок, который здесь расположен, рабочий, пыльный, неблагоустроенный, поэтому мы сразу же поспешили к морю.

Вода в заливе мутно-голубая, теплая благодаря проходящему здесь теплomu течению. Но мне она показалась какой-то грязной, в ней много несимпатичных слизких водорослей, поэтому купаться в ней мне не понравилось. Одним словом, это явно не курорт.

Буквально в десятке километрах от этого поселка мы снова остановились на берегу Тихого океана, и нам снова предложили искупаться. Это была уже совершенно другая картина – суровое серое безбрежье, морской пронизывающий ветер, вода порядка 3-5°, так что окунаться совсем не хотелось. Но примерно в 200 м от дороги находится прекрасное теплое озеро, плавать в котором одно удовольствие.

Местные геологи нам рассказали, что по климату Сахалин резко делится, примерно по середине, на две климатические части – северную, суровую, омываемую холодным течением, где климат чуть ли не арктический, и южную, где климат умеренный до субтропического. Но для всего острова характерны сильные ветра и частая смена погоды.

В Южно-Сахалинске, где в то время находился филиал ВНИГРИ, мы встречались с проживающими там корейцами. Люди всем своим обликом производили самое приятное впечатление. В основном они жили в пригородах в маленьких домиках-развалюшках и день и ночь трудились на своих крохотных и мало плодородных участках, выращивая хорошие урожаи и продавая их на рынке. Продавцы, как мужчины, так и женщины, очень деликатные, милостивые, улыбчивые, приветливые, с удовольствием предлагают попробовать свою продукцию. А национальная продукция у них наивкуснейшая. Это не то, что у нас продается в магазинах, а намного разнообразнее и вкуснее. Например, водоросли, папоротники, бамбук и много другой продуктов, название которых я забыла.

Но, к сожалению, на время нашего там пребывания (а это уже середина 90-х годов) корейцы на Сахалине были абсолютно бесправными людьми. Им не выдавали паспортов. Даже родившийся на Сахалине не имел паспорта, а это значит, что они не могли никуда уехать, были лишены медицинской помощи, и вообще, были люди без гражданства. Мне объясняли юридические причины, но я их так и не поняла. Хочу верить, что теперь эта ситуация изменилась, и такие симпатичные, милые люди стали полноправными гражданами России.

Перелет в Петропавловск-Камчатский по времени занял чуть ли не столько же времени, сколько перелет из Ленинграда до Сахалина. Во всяком случае, за время перелета я связала

пару носков, хоть я вяжу довольно медленно. А раньше мне казалось, что Сахалин и Камчатка где-то на Дальнем востоке рядом друг с другом. Оказывается, нет.

Прилетели мы в Елизово – небольшой поселок, единственный на то время (а похоже, что и сейчас) аэропорт на этой огромной территории. Практически, это пригород Петропавловска-Камчатского, в свою очередь единственного довольно крупного города и морского порта Камчатки. Прочие редкие населенные пункты приурочены к местам впадения рек в океан или в Охотское море и обслуживают рыболовецкое хозяйство.

Выйдя из самолета, сразу чувствуешь, что попал в страну гор и вулканов. Из Елизова по довольно извилистой дороге на пригородном автобусе мы направились в город. По пути встречались маленькие пригородные домики с огородными участками. Как нам потом рассказывали, чуть ли не в каждом таком участке пробурена неглубокая скважина, по которой круглый год поступает природная теплая вода, используемая и для отопления, и для полива парников. К сожалению, скважины чуть ли не каждые три месяца приходится обновлять, так как они очень быстро зарастают кальцитом или другими минеральными соединениями.

Петропавловск-Камчатский очень живописный город, расположенный на пологом вулканическом склоне. Прежде всего мне в глаза бросился картинный облик высящейся совсем близко вершины Ключевой сопки, над которой постоянно вьется белый дымок. Кажется, что если произойдет извержение, то весь город будет заполнен лавой.

Не менее сильное впечатление производит находящийся ниже океан. Он отделен от берега узкой косой, формирующей маленький округлый заливчик изумительного бирюзового цвета. А за этим отшнурованным заливчиком – основной порт с разнообразными судами и безбрежный серо-синий Тихий океан, временами искрящийся на солнце. Конечно, очень красиво. Особенно привлекательным мне показался бирюзовый заливчик, так отличающийся по цвету от океана. Однако реальность оказалась совсем не такой привлекательной. Местные геологи рассказали, что это яркое проявление экологического бедствия – результаты сброса в него промышленных и бытовых отходов. Действительно, я на троллейбусе, идущим в порт, проехала по этой косе и убедилась, что бирюза – это широкое распространение в воде каких-то склизких водорослей, а кругом стоит запах сероводорода и загниения.

Сам город показался достаточно современным, но скромным, без излишеств.

На выходные нас повезли на машине показывать ближайшие окрестности. Хорошая грунтовая дорога, абсолютно безлюдная, шла параллельно побережью – слева – холмы, покрытые блеклыми кустарниками или травами, справа – океан.

День был серый, прохладный, слабо ветренный, но сухой. Кругом – ни души. В холмах, обрамляющих дорогу и напоминающих искусственные валы, через определенное расстояние (по-моему, метров 50), торчали толстые металлические трубы, направленные в сторону океана. А за этими холмами – нагромождение гор, часть из которых – вулканы, некоторые – действующие, то- есть их вершины курятся.

Потом мы узнали, что металлические трубы – это стволы пушек специально вкопанных в землю танков – наша оборона против возможной агрессии. Выглядело это мрачновато.

Подобное полное безлюдье на многие десятки, а то и сотни километров почему-то давило, чувствовалась какая-то беззащитность перед огромными просторами.

Мы проехали еще километра 3-4 и решили остановиться, чтобы полюбоваться океаном. Океан начинался метрах в 100 от дороги. Вначале шла полоса, покрытая сухим мхом типа ягеля. Мы разлеглись на ней, чтобы пополдничать. И тут я впервые увидела мало кому известную ягоду – княженику. Ничего более вкусного я никогда не ела. Внешним видом она напоминает выросшую в скудных условиях стелющуюся морошку, а по вкусу это смесь сладкой малины с ароматной земляникой. К сожалению, ягод было немного, но местные жители знают, где ее собирать, и делают из нее какие-то заготовки.

Раздевшись босиком, я вышла на непосредственно прибрежную зону. Это довольно узкий, но бесконечный в длину пляж, сложенный мелким хорошо отсортированным чистым песком черного цвета без всяких примесей камней, ракушек или водорослей. Черный цвет – это следы жизнедеятельности вулканов – вулканический пепел. Как будто бы траурная лента тянется вдоль всего побережья. За ней уже серый океан.

Примерно в шаге от берега – начинаются океанские глубины. Такая резкая ступень рельефа объясняется тем, что в тектоническом отношении Камчатка с обеих сторон ограничена глубинными разломами, и береговая линия в основном прямолинейна. Потому-то эти песчаные черные пляжи кажутся такими бесконечными.

Сам океан в этот довольно солнечный и мало ветренный день раскинулся бесконечной темно-серой поверхностью, покрытой легкой зыбью. Никаких кораблей, лодок или прочих признаков присутствия человека. Изредка где-то впереди появлялись то ли отдельные белые «барашки» пены, то ли выныривали какие-то морские животные. Разглядеть невозможно.

Купаться совсем не хотелось. Весь океан дышал каким-то недружелюбным холодом. Да и температура воды в океане по словам местных геологов редко превышает 2-3° – результат проходящего вдоль восточного побережья Камчатки холодного течения Куросива.

Однако такая низкая температура не пугает довольно многочисленную морскую фауну. Мы попали как раз на сезон нереста лосося – тьма рыбы из океана устремилась по редким речкам вглубь полуострова метать икру. Это является самым главным в экономическом отношении событием на Камчатке (во всяком случае в 80-90 годы никакой другой промышленности, кроме рыбоводства, на полуострове не было).

Но опять-таки человеческий фактор для сохранения природы играет свою существенную, и отнюдь не благоприятную роль. Дело в том, что помимо официального рыбоводства, где соблюдаются какие-то регламентирующие правила вылова рыбы, широко развито браконьерство. Так как наиболее ценным в лососевых рыбах является икра, то частник-браконьер, опасаящийся рыбнадзора, предпочитает из пойманной рыбы по-быстрому брать только икру, а остальное просто выбрасывает. Это ведет к формированию зловонных свалок в районах нереста и широкому развитию поголовья медведей, с удовольствием пользующихся этой даровой пищей.

Пребывание на Камчатке было, к сожалению, слишком кратковременным, но оставило неизгладимое впечатление. Сюда, в эти пустынные края, хорошо бы приезжать людям, считающим себя созданиями, стоящими на вершине развития природной пирамиды. Камчатка показывает, насколько они заблуждаются. Природе, то есть нашей Земле, нет абсолютно никакого дела до человека. Она живет своей жизнью и по своим законам, абсолютно неподвластным человеку. Здесь – участок формирующейся Земной коры, здесь она пульсирует, иногда приоткрывая подкоровые бездны. А ведь надо отметить, что земная кора – место, где развивалась знакомая нам органическая жизнь – это всего лишь тончайшая оболочка Земли, а что там в основной, подкоровой части нашей планеты и по каким законам происходят там преобразования – нам не известно, ученые могут только предполагать.

Это совсем другие масштабы, несоизмеримые с масштабами, которыми пользуется человек. Конечно, мы можем причинять окружающей нас природе немалый вред, можем даже уничтожить ее как планету, но повлиять на жизнь планеты Земля, на законы ее формирования, мы не можем – не тот масштаб.

При виде Тихого (Великого) океана и этой формирующейся части Земной коры человек с его чувствами, переживаниями, амбициями кажется лишним, ничтожным. Гигантские размеры подавляют.

И все же, возвращаясь к общечеловеческим масштабам, именно на Камчатке меня настигло настоящее горе. Пришла телеграмма, что у мамы инфаркт, она в больнице и состояние ее очень тяжелое. Бросив все дела, я вернулась домой.

Моя мама.

Мама была со мной рядом всю мою сознательную жизнь. Я, конечно знала, что она бесконечно добрая, любящая, преданная, ведет все наше хозяйство, покупает продукты, убирает, готовит, если нужно, то сидит с детьми, но воспринимала это как что-то вполне естественное. Ведь она на пенсии. Мне казалось нормальным, что все лето мои дети проводили с мамой в деревне. Вскоре после смерти бабушки она купила за 550 руб домик в соседней с Витово деревне Бор. Домик хоть и маленький, но во всяком случае лучше, чем в Витово, покрыт шифером, двух-комнатный, да еще и с хлевом, где мы потом устроили еще отдельную комнатку. Это стало на долгие годы нашим летним прибежищем, где мама с детьми проводила все лето.

Весной мы там вскапывали маленький огород, сажали самое необходимое, включая картошку и цветы, и все. Казалось, маме там хорошо с внуками, а мы можем заниматься своими делами.

Ближайший магазин был в соседней деревне в 3,5 км, но примерно через неделю мы (чаще всего Игорь), везли туда из города продукты. Мама не роптала на трудности. Это только теперь, став сама бабушкой, я понимаю, какая же я была эгоистка и какая же мне досталась мама.

Но дети уже выросли, Оля даже замуж вышла, и появилась Наташка, а бабушка Лиля потихоньку старела. И я на это как-то совсем не обращала внимания. Ведь я даже в Дальневосточную командировку уехала зная, что у мамы что-то о побаливает грудь. Но мне так хотелось посмотреть дальние края тем более, что такая возможность больше никогда не представится.

Теперь уже мамы нет, нет и тех, кто мог бы о ней что-нибудь рассказать моим детям и внукам, кроме меня. А между тем, история мамы действительно была необычайная, похожая на сценарий к сентиментальному фильму.

Прежде всего следует сказать, что сама мама мне практически ничего не рассказывала, говорила, что из своего прошлого ничего не помнит. Тем не менее она иногда вспоминала какие-то эпизоды. Кроме того, бабы в Витове иногда что-то, касающееся ее матери, бабы Паши, рассказывали, хотя та была не местной.

Поэтому мои представления о маминой биографии составлены из разрозненных разной достоверности эпизодов, которые мама никогда не опровергала, но и никогда не подтверждала, всегда только улыбалась (а она по натуре была смешливой), иногда плакала.

Итак, в глубоко дореволюционные времена молодая деревенская девушка Прасковья приехала в Петербург из Псковщины. Говорили, что она из зажиточной крестьянской семьи, жившей в Осташковичах. В семье было много сыновей и единственная дочка, которая была избалованная и ничего по хозяйству не умела. Уехала в Петербург без разрешения родителей. Там устроилась на какую-то работу, в 1909 году родила ребенка – девочку Лизу – и сдала ее в дом младенцев. К себе назад она не вернулась, а оставалась в городе.

В те времена в России был закон, по которому из приютов можно было без особых трудов взять на воспитание младенца. За это полагалась пенсия. И маленькую Лизу к себе в семью взяла бабушка, тоже Прасковья, жена церковного старосты Игната. Они жили при монастыре на Черемнецком озере (название его я забыла, но мы с Игорем там были, сейчас он работает как монастырь, а в Советское время был базой отдыха – очень живописные места). В этой семье Лиза была уже третьей воспитанкой, однако две старшие девочки уже выросли и были выданы замуж.

Но у Игната и Прасковьи был единственный родной сын Михаил, который жил недалеко от монастыря (километров 20) в деревне Витово в собственном доме. Время от времени он приезжал на лошади в монастырь навестить своих родителей.

А Паша все-таки интересовалась своей дочкой, узнала, куда ее отдали, и решилась съездить туда, посмотреть на нее. Как раз в это же время к родителям в монастырь приехал и Михаил. Паша сразу же приглянулась ему, он решил на ней жениться и увез ее в Витово. Но девочку им не отдали, она продолжала жить с бабушкой и дедушкой при монастыре.

Вскоре дед Игнат умер, его жена вместе с девочкой Лизой были вынуждены уйти из монастыря, но почему-то в Витово к сыну они не пошли, а ходили по окрестным деревням.

Тем временем у Михаила и Прасковьи год за годом пошли свои дети. До взрослого состояния дожили четыре дочери, мамыны сводные сестры, остальные поумирали в детстве.

Так вот, бабушка Прасковья вместе с Лизой бродили по деревням и останавливались у своих родственников и знакомых. Летом 1917 года они были в соседней с Витово деревне Волосковичи. Лизе уже тогда исполнилось восемь лет. Она была очень живой, веселой девочкой и могла как-то помогать бабушке. Ее послали в соседнее имение Никольское относить дачникам молоко. Туда на лето из Петербурга приехала семья инженера-путейца. С ними был сын – гимназист первого класса и его школьный товарищ Юра Белоновский. Лиза с молоком приходила в имение каждый день. Дети сдружились, играли в мяч. Да и жене инженера девочка очень понравилась. Она попросила бабушку Прасковью отдать ей ее в город. Бабушка согласилась, и таким образом восьмилетняя Лиза снова оказалась в теперь уже Петрограде.

Но, как известно, осенью 1917 года началась революция. Что произошло с той семьей, которая взяла с собой Лизу, мама не помнит. Она мне говорила лишь о том, что была зарегистрирована на детской бирже труда, и ее устроили швеей-мотористкой на фабрику Бебеля. «Было все так хорошо, были все такие добрые люди, меня никто не обижал, жили все дружно» – вспоминала мама.

Насколько я понимаю, работали бригадным методом. На зарплату покупали то одному, то другому необходимую одежду, вместе проводили свободное время, во всяком случае, как вспоминала мама, вместе ходили на каток, где она упала и больно ударилась головой, после чего на коньках уже не каталась.. «Все были такие дружные, веселые, вместе учились читать и писать, помогали друг другу». Во всяком случае мама закончила трех летнюю школу по ликвидации неграмотности и могла сносно читать по складам и коряво писать.

На заводе Лизе выделили небольшую комнату на четвертом этаже в доме на Волынском переулке (рядом с ДЛТ), куда в последствие, из деревни Витово одна за другой приезжали ее сестры.

С годами она превратилась в очаровательную девушку с черными, как вишенка, глазами, румяным смуглым лицом и трогательной доброй улыбкой (все это со слов моей бабушки). И вот как то в отпуск решила съездить в деревню Витово, чтобы навестить свою родную мать бабу Пашу.

Не знаю, были ли к тому времени сформированы колхозы, но в стране уже было понятно, что деревне должен был помогать город и, в частности, студенты. На полях студенты помогали убирать урожай. Кроме того, так как деревня практически полностью была безграмотной, то приезжающие студенты помогали крестьянам писать разные заявления, проводили разъяснительные работы.

Так вот, в то время, когда Лиза приехала навестить свою мать, в Витово работали студенты Политехнического института, и среди них – Юра Белоновский. Они встретились друг с другом, вспомнилось недавнее детство, возникла симпатия. Вернувшись в Ленинград, они продолжали встречаться, и, втихую от Юриных родителей решили пожениться.

Но в начале тридцатых годов в стране свирепствовал какой-то специфический испанский грипп, были даже довольно многочисленные смертельные случаи, и Лиза им заболела в тяжелой форме. Юра чуть ли не на руках принес ее к родителям на излечение.

По воспоминаниям мамы, моя бабушка, Людмила Семеновна, взял Лизин паспорт,глянула в него, и закричала: «Гришенька, Гришеннька, смотри, ведь она же Белоновская...». Таким образом Лиза уже навсегда осталась в нашей семье.

Я могу твердо сказать, что никогда ни бабушка, ни дедушка мою маму иначе, чем Лилечка (почему-то не Лизочка) не называли. Да и она их называла «мамусенька и папуленька». Она была очень ласковой, любящей, и бабушка с дедушкой это несомненно ценили.

Уже через многие годы, когда мама совсем состарилась и думала о смерти, она мне сказала такую фразу: «Люсенька, когда я умру, все равно, куда вы меня похороните – или в городе, или в деревне, где покоится баба Папа, но мне хотелось бы лежать вместе с мамуленькой и папусенькой».

А тем временем над молодой семьей сгустились тучи. Юру в первый раз взяли в 1935 г. по обвинению в антисоветской деятельности (я об этом подробнее сообщу ниже). Но его скоро отпустили. Подвергался аресту и дедушка, его обвиняли в микробиологической диверсии, но через несколько месяцев тоже отпустили. Наконец, в конце 1937 г. Юру забрали снова, на этот раз уже навсегда. А между тем на свет появилась я, названная в честь бабушки тоже Людмилой. Маму Лилию, не взирая на грудного ребенка, отправили в ссылку как жену врага народа.

По словам мамы, следователь был очень хороший человек, он ее жалел, у него на глазах даже были слезы, но ничего поделать он не мог. Дедушка с бабушкой уговорили маму оставить меня с ними, а не тащить младенца с собой бог знает, куда в жуткую неизвестность.

В ссылке мама была в Удмуртии. Вначале ее направили в тайгу на лесоповал, но вскоре были вынуждены отправить в больницу – ее зажала мошка, она вся опухла и не могла даже ходить. Больница была в Сарапуле – небольшом городе на Каме., где маму вылечили и определили на фабрику швей-мотористкой по пошиву ватников.

В Сарапуле ей повезло – ее поселили в хорошую, добрую семью, где ей очень сочувствовали. Мама с ними сдружилась, и даже после войны они приезжали к нам в Ленинград, а мама с ними переписывалась до последних дней.

Вот такой вот «счастливой» была личная жизнь моей мамы. По возвращении из ссылки мама еще крепче привязалась к бабушке и дедушке. Бабушка пыталась ее приобщить к классической литературе, заставляла читать Тургенева, Толстого, но маме это трудно давалось, она предпочитала читать Библию.

Свои отпуска она тоже проводила с нами. Я не помню ни одного случая, чтобы она в отпуск ездила к своей матери в Витово, а почему – не знаю. Знаю только, что когда заболел Михаил (муж бабы Паши), говорили, что минингитом, его привезли в Ленинград и мама через дедушку устроила его в Психиатрическую больницу, где он довольно долго болел и умер. Мама принимала самое деятельное участие в его похоронах на Волковом кладбище.

Я не помню, чтобы мама ходила в театры или к кому-нибудь в гости, ну разве что к своим сестрам, да и то в основном к тете Дусе. Это и понятно, именно тетя Дуся была самой толковой, гостеприимной, энергичной и жизнерадостной из сестер. Остальные же были все с какими-то странностями психологического характера.

На работе у мамы была подруга Нина, очень маленькая худенькая женщина, с которой они вместе ходили по церквям, а также ездили на различные экскурсии, организуемые на работе.

В моем воспитании мама не принимала деятельного участия, да и не могла, так как я ее абсолютно не слушалась. Но помню один позорный эпизод, когда я, ученица младших классов, бегала с ребятами по двору, а она, высунувшись из окна, пыталась загнать меня домой делать уроки. Это не удавалось, и она мне сердитым голосом сделала какое-то замечание, на что я ей в ответ прокричала: «Убирайся туда, откуда пришла». Мама заплакала. Бабушка это слышала и дала мне жесткий нагоняй, по- моему даже поставила в угол. Велела просить у мамы прощение.

Я все равно была очень сердитая, прощения не попросила. И тут мама сама подошла ко мне и стала меня целовать. Вот такая она была безответная.

После смерти бабушки все заботы о быте легли на ее плечи. Я по-прежнему ничего по хозяйству знать не знала, да и знать не хотела. Даже выйдя замуж, я считала естественным, что покупка продуктов, готовка, уборка и прочие бытовые мелочи остались ее прерогативой. Мы ей просто отдавали деньги, и все. Правда, я никогда от нее ничего не требовала, но на ее жалобы, что денег не хватает на продукты, я беззаботно отвечала – старайся укладываться в те деньги, которые есть, а больше давать мы не можем.

Годы шли, и она стала болеть, но все равно, даже держась за стенку, шла на кухню, чтобы приготовить нам завтрак. Я на нее сердилась, буквально заставляла лечь в постель, а она все равно беспокоилась «А как же Олечка, а как же Юрочка? А как же Игорек?» Я продолжала сердиться, пыталась уложить ее в кровать...

Болела она долго и тяжело. Наша медицина, к сожалению, облегчить ее боли не могла. После инфаркта обнаружилась онкология. Прописанные обезболивающие наркотические средства ей не помогали, а более сильные наркотики давать не разрешалось. Я, как положено по рецепту, делала ей обезболивающие уколы по ночам, давала какие-то таблетки, а днем – приходила мед.сестра. Ничего не помогало, и после полугода страшных мучений она умерла.

Я, конечно, выполнила все ее желания, но это уже было поздно. Теперь я чувствую, что при жизни особого тепла и заботы от дочери мама не получала. Но ведь она всегда и всем была довольна, может я себя просто оговариваю. Нет, несомненно мама заслуживала большего внимания, чем я ей уделяла.

Первая поездка за границу.

Со смертью мамы в нашей жизни многое изменилось, но мы с Игорем по-прежнему основное время проводили на работе, заботы о быте были минимизированы. А между тем, нам с Игорем обоим было уже далеко за 60. Наши взрослые дети создали свои семьи, пришла пора разъезжаться из нашей огромной квартиры моих предков и менять ее на три отдельных меньшего размера. Для меня это было хоть и осознанным, но мучительным событием, как будто бы я порывала со всем своим прошлым, родным, беззаботным, где я, как ни странно, всегда чувствовала себя под защитой моей бабушки. Даже и теперь, в своей новой светлой благоустроенной квартире на Васильевском острове, мне иногда с болью в сердце вспоминается наш, мой единственный дом.

Тем не менее именно работа как-то отвлекала от грустных мыслей, хотя в институте финансовые дела становились все хуже и хуже. Неоднократно приходилось сидеть без зарплаты. Тем не менее, дирекция отправила нашу престарелую троицу (Людмилу Павловну, Мару и меня) на международную конференцию по карбонатам во Францию в город По (на границе с Испанией).

Каждый делал по докладу, сопровождаемому графикой, выполненной на английском языке. Мой доклад был стендовый. Около меня стояла переводчица, к нам время от времени подходили, читали графику, пытались со мной завязать дискуссию. Я не отличалась красноречием, все время чувствовала себя «не в своей тарелке». Особенно противным мне показался старый мужик с толстым носом, который мне что-то усиленно пытался втолковать уж не знаю, на каком языке. Ни я, ни переводчица его не понимали, а он все говорил и говорил. Наконец закончил, долго жал мне руку своими липкими пальцами. Мы так и не поняли, понравился ли ему мой доклад или нет.

В общем, выступления на конференции были в основном на английском и французском языках, я уже к тому времени начинала глохнуть, переводчица рядом находилась не всегда. Мне было скучно и неинтересно.

За все время конференции в город можно было вырваться только вечером. Городок По очень приятный, южный, курортного облика, с невысокими домами и аккуратными коттеджами, утопающими в зелени. Много ярких цветов, все выглядит очень ухоженным, нарядным. Особенно красивым мне показался беломраморный фонтан с фигуркой склоненной девушки, пробующей ногой воду.

Недалеко от этих мест родился знаменитый французский король Генрих какой-то (помоему, Наварский). Нас туда возили на экскурсию. Это настоящий отреставрированный средневековый замок со рвом и защитными стенами. Запомнилась колыбель этого воинственного короля – простой круглый щит.

После конференции мы были приглашены на торжественный обед в другой замок (с виду – кирпичное трехэтажное строение). Был очень красиво сервированный огромный стол, стояли многочисленные бутылки местного сухого вина, разнообразные сыры. Еду подавали на красивых тарелках, все было (особенно рябчики в сметане) очень вкусно. Но это, конечно, не

широкое русское застолье – выходили из-за стола, как и положено, с легким чувством голода. Официантами были очень приятные молодые студенты, которые своей непринужденностью и доброжелательством разряжали официальную обстановку.

Вся наша делегация (а это было около 10 человек) держалась обособленно, как-то провинциально, говорили друг с другом шепотом, даже имевшийся алкоголь не смог развязать языки. Наш директор в виде презента преподнес председателю конференции красиво упакованную элитную бутылку русской водки. Однако тут же, перегнувшись через стол, ее схватил какой-то нахальный немец, вскрыл и налил себе и своему соседу в бокалы.

Из По мы на местном самолете вернулись в Париж. У нас был один день на осмотр города. Нашу переводчицу забрал к себе директор, так что мы были предоставлены сами себе.

Из основных достопримечательностей мы посетили только Лувр, да и то не заходя внутрь, так как у нас было мало времени, а также Notre Dame и Эйфелеву башню. Вышли мы и на главную улицу Парижа – Елисейским поля. Она очень широкая, по обоим сторонам бульвары, иногда переходящие в сады. Дома невысокие, и размером, и архитектурой напоминают Невский. Практически большая часть тротуаров занята столиками кафе под разноцветными навесами. Это, несомненно, придает городу уютную демократичность. Мне даже удалось сделать неплохую фотографию одного из таких кафешек.

К сожалению, в нашей «троице» только у меня на то время были здоровые ноги, так что часть маршрута я проделывала одна, все время опасаясь, как бы не заблудиться. Я даже ночью сбегала снова к Лувру. Убедилась, что во всех его дворах, таких людных днем, ночью никого нет, и стук моих каблучков был единственным звуком в этом уснувшем каменном пространстве. Стало как-то жутко, я чуть ли не бегом вернулась на городские оживленные улицы.

Общее впечатление о таком коротком пребывании во Франции, и в частности, в Париже, достаточно прозаичные. Сена оказалась мутной, совсем не живописной речушкой, не шире нашей Фонтанки. Набережные значительно более скромные, чем в Ленинграде. Ничего такого, что могло бы поразить – не было, ну разве что отдельные готические сооружения в районе Notre Dame. Особого превосходства западной цивилизации над нашей я не почувствовала, может быть потому, что мы не ходили ни по магазинам, ни по кафе. Хотя, конечно, в среднем, публика выглядит более респектабельной, чем у нас, а главное, внутренне более свободной и самодостаточной. Редко встречаются хмурые и озабоченные лица.

Пожалуй, более всего меня раздражала я сама, мое ощущение собственной неполноценности. Поэтому домой я вернулась с радостью. В голове вертелась невесть откуда взятая песенка: «Еду я на родину, говорят – уродина, а она мне нравится, хоть и не красавица».

Ельцинское время.

Жизнь дома, как это не смешно звучит, для меня в основном, сосредоточилась на переживаниях, связанных с развалом страны. Хоть мне близкие твердили, что я зомбирована советской пропагандой, ничему, что сообщает пресса, верить нельзя, но я же видела, что происходит со страной, могла сопоставить если уж не политические и экономические преобразования, то во всяком случае, межэтнические, человеческие изменения до и после перестройки.

Прекрасно помню чудесную ночь в Ведено (горная Чечня), когда мы у костра с местными пастухами пели песни. А что теперь? Разве кто-нибудь решится в эту колыбель сепаратизма сунуть нос? А ужасные теракты, а штурм Беслана и гибель детей, а проход банд Басаева через наши КПП? Хорошо помню, показывали картинку по телевизору: Басаев, развалясь в кресле, с презрительной усмешкой отвечает корреспонденту – «Да нам ничего не стоит пройти без боя через любые КПП, хоть до Москвы – были бы деньги».

А что с Украиной? Ведь вражда, посеянная в сердцах, даже если закончатся боевые столкновения на Донбассе, не исчезнет за долгие годы... А наводнившие Москву, Ленинград и другие крупные города многочисленные искатели хоть какой-нибудь работы из бывших наших Средне-Азиатских республик, и высокомерно-презрительное отношение к ним россиян?... Разве прошедшая демократизация страны и отказ от коммунистических ценностей сделал жизнь народа (демоса) более счастливой?... Где же братская дружба? Где «Союз нерушимый республик свободных, сплотила навеки великая Русь»?

Да и вообще, что сделала «великая Русь», почему распался Советский Союз? Ведь наш первый президент Н.С.Горбачев, при котором началась «разрядка» (и которого вроде бы поддерживал Запад), провел Всесоюзный референдум на эту тему. Большинство населения (76%) высказалось за целостность страны, несмотря на активное негативное вмешательство Запада.

Но уже в августе 1991 г. Горбачев был свергнут знаменитым ГКЧП и к власти пришел Ельцин. Он в свою очередь осудил всех участников ГКЧП. Во время допросов те утверждали, что их основная цель была не допустить развала Союза, а не захват власти.

И вот, буквально через год после Горбачева, президенты трех республик – России, Украины и Беларуси, встретившись просто так, вероятно за веселым застольем, в Беловежской Пуше, по предложению Ельцина решили распустить Советский Союз. Никаких обсуждений на эту тему в Верховном Совете не было, никто не спрашивал остальные республики, хотят ли они выхода из Союза. И это законно? Это справедливо по отношению к ним? А ведь у нас было единое экономическое пространство.

Тем не менее, когда из-за ГКЧП в стране чуть не произошел (а почему «чуть?») переворот и жизнь страны, можно сказать, висела на волоске, я вместе с Игорем ходила на Дворцовую площадь. Взволнованного народа была тьма. Помню, когда на стене появился огромный транспарант, что армия не приемлет временное правительство ГКЧП, а поддерживает Ельцина, я ликовала вместе со всеми. На следующий день мои мужчины Игорь и Юра даже ходили на Исаакиевскую площадь к Мариинскому дворцу дежурить.

Выходит, что значительная часть населения не хотела возвращения к прошлому, а стремилась демократизироваться по западному образцу, во всяком случае, в крупных городах.

Конечно, огромную роль в симпатиях и антипатиях играло телевидение. В 80-е – начале 90-х годов мы, в том числе я, не отрывались от телевизора, заслушивались яркими выступлениями депутатов. Теперь уже многое перепуталось в памяти, особенно даты. В новинку было слушать выступления представителей разных партий. Большинство из них очень доходчиво вскрывали ошибки и преступления коммунистов и предлагали влиться в единую семью братских Западно-Европейских цивилизаций, будто бы нас там так ждали...

Очень мне нравились выступления «яблочников» и, в частности, самого Явлинского. Но лучше всех говорил Анатолий Собчак – на трибуне – прямо орел, с великолепной профессиональной дикцией, он часто срывал аплодисменты. А хуже всех – академик Сахаров, он запинаясь, волновался, говорил как-то невнятно, его прерывали и не слушали.

Публика, ну и я, конечно, внимали ораторам прямо как азартные зрители на стадионе, хотя мне все же казалось, что поносить так коммунистический строй и его главных идеологов нельзя, это упрощает и искажает историю. Ведь все же мы из практически безграмотной, отсталой страны, где в досоветское время при неурожае крестьяне целыми волостями мерли с голода (см. рассказы А.П.Чехова), а промышленность еще только начиналась, превратились в супердержаву, которая выстояла и победила в войне, открыла дорогу в космос.

Коммунисты, естественно, отбивались, иногда очень удачно, но вот почему-то никто не задал им вопроса: отчего несколько лет тому назад единая коммунистическая партия Советского Союза решила расколоться на отдельные республиканские партии? А ведь это был, мне кажется, спусковой крючок будущего развала страны.

Короче, я к ярким выступлениям политиков относилась со скепсисом

Почему развал нашей стране привел к развалу сельского хозяйства и промышленности, такому агрессивному национализму, к огромному имущественному неравенству? Почему практически все богатеи-алигархии связаны с криминалом? Отчего эти богатые люди не вкладывают свои деньги, нажитые часто сомнительным путем, в развитие страны, а вывозят капитал за рубеж? Где совесть? Почему у русского человека исчезло одно из его основных отличительных качеств – стремление к справедливости?

Я понимаю, все это звучит наивно, но когда Ельцин со своей командой, поддерживаемый западными советниками, не сумев договориться с Верховным советом во главе с его председателем Хазбулатовым в октябре 1993 г. ввел в Москву войска и приказал по Белому Дому стрелять из танков, для меня это было личной трагедией. Расстреливать свой парламент вместе с его руководителем (Хазбулатов был вторым лицом государства, выбранным, также, как и Ельцин, в результате всенародного голосования).

Это был настоящий государственный переворот, пострашнее того, что было при ГКЧП. В результате были реальные человеческие жертвы среди защитников законного правительства России, его парламента, точное количество которых по сю пору не подсчитано.

Через несколько лет я видела у нас в городе в начале октября, в годовщину этих событий, проходящую по центру молчаливую колонну людей с траурными повязками. У каждого на груди в черной рамке была прикреплена фотография одного из жертв этих событий. Демонстрантов, а их было человек 200-300, слава богу, никто не разгонял, но впечатление было жуткое.

Во всяком случае, на следующих выборах я больше за Ельцина не голосовала. Я проголосовала за Бакатина – мне понравился весь его облик умного и интеллигентного человека, а также его предвыборные декларации. Как выяснилось потом, он сдал на Запад всю нашу разведку, причинив нашей стране огромный вред. Это для меня явилось яркой иллюстрацией ценности моих предпочтений, но тем не менее я с упорством, достойным лучшего применения, продолжаю давать оценку тем или иным событиям в стране, исходя из своих представлений о правильности и справедливости. Я даже обижаюсь, когда мои близкие не разделяют мою точку зрения.

Во всяком случае, до сих пор я считаю, что самая большая вина Ельцина – развал Советского Союза, а единственная заслуга – это то, что после себя он оставил никому не известного на то время приемника – В.В.Путина, которого многие либералы обвиняют в зажиме демократии, но который все-таки, остановил распад страны и восстановил ее международную значимость.

И еще много и много вопросов, которые так будоражат душу и на которые так хочется для себя найти ответ. Вспоминается очень подходящий «гарик» И.Губермана:

С велениями наук не сообразна,
А ноет, и попробуй, заглуши,
Моя неоперабельная язва
На дне несуществующей души.

Вопросы реабилитации.

И тем не менее, именно в Ельцинское время у меня появилась возможность вплотную заняться вопросами официальной реабилитации моих родных и выяснению событий в стране, так сильно повлиявших на мою семью. Все мои письма и обращения в разные инстанции у меня сосредоточены в одной папке, которую я оставляю детям. Может быть они когда-нибудь заглянут в нее. Здесь же я помещаю наиболее важные, с моей точки зрения факты.

Первое письмо, касающееся реабилитации не только отца, но и всех моих родственников, я направила в Москву в «Мемориал» только в 1988 году. Я его привожу практически дословно.

«Я являюсь последней представительницей семьи, которую так называемый культ личности задел в полном объеме. Так, мой дедушка, Белоновский Георгий Дмитриевич, действительный член-корреспондент АН СССР, заслуженный деятель науки, дважды в 30-е годы сидел в тюрьме, правда, непродолжительные сроки, в последний раз за микробиологическую диверсию. Трагично сложилась и судьба его детей – моего отца Георгия Георгиевича, 1908 года рождения, и его младшего брата Льва Георгиевича. Мой отец был арестован в октябре 1937 года и осужден на 10 лет без права переписки. Никаких сведений о нем мы больше не имели. Вслед за ним была сослана моя мать, Белоновская Елизавета Михайловна, 1909 года рождения. Меня же, еще грудного младенца, удалось оставить на попечение дедушки и бабушки, которые меня в последствии усыновили. Все довоенные годы они обращались в разные инстанции с просьбой об освобождении сына и невестки, но безрезультатно. Лишь в 1944 году моей матери разрешили выехать из мест ссылки в Удмуртии в Акмольнинскую область, где я находилась в эвакуации с конца 1942 года. Оттуда летом 1944 года мы вместе с ней вернулись домой в Ленинград. Таким образом, ссылка моей матери продолжалась свыше 6 лет.

Мой дядя, Лев Георгиевич, как раз перед войной кончил Ленинградский Кораблестроительный институт и отправился в плавание на торговом корабле Хасан. 22 июня 1941 года корабль вошел в немецкий порт Штеттин. Немцы всю команду заключили в лагерь для интернированных. После Победы все, включая и моего дядю, вернулись на Родину, но дядю обвинили в том, что он хотел остаться на Западе, и приговорили к 10 годам. Умер он где-то между Норильском и Дудинкой, не досидев менее года до окончания срока.

Когда в 1950 году умер мой дед, то возник вопрос о мемориальной доске на здании Института Усовершенствования Врачей (ГИДУВе), где он долгие годы работал и создал кафедру микробиологии и эпидемиологии. Вопрос рассматривался в городских инстанциях, но бумаги вернули назад, так как фамилия была запятнана.

Мне же хочется, чтобы мои дети и внуки гордились моей фамилией. Когда происходили все эти события, я была еще слишком мала. Меня дома всячески оберегали от информации, вероятно опасаясь за мое будущее. Про своего отца я долгие годы знала лишь то, что он пропал без вести, да еще то, что он был очень добрый и хороший человек. Лишь в 1959 году мы узнали, что он уже давно умер и ни в чем не виноват.

Далее следовали мои просьбы.

У нас нет никаких документов о реабилитации моего отца. Есть лишь справочка, где сказано, что гр. Белоновской Е.М. (моей матери) что-то причитается за реабилитированного мужа.

Я бы хотела знать, за что был осужден мой отец, где он отбывал свое наказание, когда умер (в официальной бумаге написано 1944г год, но правда ли это), и хотя бы приблизительно, где похоронен. Может быть жив кто-нибудь, кто с ним сидел, я бы хотела с ним встретиться.

2. Нет никаких документов о том, что ссылка моей матери – трагическая ошибка, ей никто не принес извинения. Мне кажется, что это надо сделать как можно быстрее, так как ей уже много лет и она тяжело больна.

3. Я бы хотела, чтобы посмертно был реабилитирован мой дядя, Лев Георгиевич, который после себя не успел оставить семьи, поэтому и хлопотать о нем больше некому.

4. Я бы хотела, чтобы фамилия моего деда Белоновского Георгия Дмитриевича, конечно, если ученые круги с этим согласны, числилась не только в Энциклопедическом словаре и на стендах в Московском микробиологическом музее, но и была отмечена на здании, где он работал большую часть своей жизни.»

После долгих обращений в соответствующие инстанции я получила свидетельства о реабилитации на всех четырех моих родных, но в голове все время вертелась одна мысль - почему все они подпали под политическую 58 статью закона, в чем конкретно обвиняли отца и бабушку?

И вот осенью 2000 г. я, наконец, собралась с духом и обратилась в архив КГБ с просьбой разрешить мне ознакомиться с делом по обвинению моего отца Белоновского Георгия Григорьевича, приговоренного в 1937 году к ВМН.

В назначенный день меня пригласили на Литейный 39, в Большой дом. Там мне сообщили, что отец был расстрелян 29 января 1938 г., скорее всего здесь, в подземном коридоре выстрелом в спину, а тело, вполне возможно, было просто смыто в Неву, так как на этот день было слишком много смертных приговоров.

Мне позволили ознакомиться с хранящимися там материалами допроса. Мне выдавали папки с материалами допросов по делу Штремера Г.В., по которому проходил и мой отец. В нем скрепками были выделены листы, касающиеся именно его. В конце каждого листа стояла его подпись, и, как ни странно, я признала почерк, хотя никогда его не видела раньше – он был похож на почерк бабушки.

Сидела я одна в небольшой комнате, материалы получала под расписку, мне было разрешено делать выписки, за мной никто не следил. Я просматривала не только страницы, касающиеся отца, но и допросы его подельников. Читала и плакала.

Здесь я узнала, что отца арестовывали дважды по обвинению в причастности к контрреволюционной фашистской террористической группе под руководством Штремера Георгия Васильевича, бывшего детского врача 1-ой Гос. больницы, до революции – заведующего дворцовым госпиталем князя Константина Романова. Первый раз в 1934 году, второй раз – в 1937 году. В этой группе было семь человек, включая моего отца. Затем к группе подсоединили и

сына самого Штремера, Сергея, к тому времени студента Электротехнического института, и как выяснилось, лучшего друга отца.

Допросы по первому аресту были сосредоточены в толстой папке. Единственный допрос по второму аресту находится во второй тоненькой папочке.

Перелистывая эти старые страницы допросов, я не могла поверить, что все это серьезно. Раньше мне казалось, что раз человека приговорили к ВМН, то вероятно его подозревали в совершении каких-то очень тяжких преступлений. Оказалось, что это совсем не так. Преступлением было просто думать и говорить не то, что положено. Привожу буквально дословный отрывок одного из допросов отца, взятый из толстой папки (1934-35 г.г.).

Вопрос: *На какие антисоветские темы вы говорили и с кем?*

Ответ: В 1930 году, когда работал на заводе Красная Заря, был близок с секретарем партячейки Киселевым и в беседах с ним иногда по вопросам политики партии наряду с правильными объяснениями допускал по непонятным причинам и неправильные. Иногда рассказывал антисоветские анекдоты. Уточнить фамилии членов партии и комсомольцев, которые допускали шутки в таком же духе я сейчас не могу.

Вопрос: *С кем вы говорили на антисоветские темы вне завода Красная заря?*

Ответ: С Г.С. Гулиным (1878 г.р., до революции - из семьи миллионеров, бывшим штабс-капитаном царской и Белой армии), Г.В.Штремером, другими. Когда они высказывались в антисоветском духе, я молча соглашался, иногда спорил.

Вопрос: *Что вам известно об активных действиях членов данной антисоветской группировки против советской власти?*

Ответ: Они враждебно настроены против советской власти, но об их активных действиях мне ничего не известно, тем более, что Гулин по своей боязливости не мог быть членом какой-нибудь террористической организации.

Вопрос: *Что вам известно о существовании какой либо контрреволюционной организации?*

Ответ: Ничего не известно.

Вопрос: *Что говорил Гулин и Штремер о терроре как методе борьбы с советской властью?*

Ответ: Таких разговоров не слышал.

Вопрос: *Следствие располагает данными, что в беседах с Гулиным, Штремером и другими лицами вы высказывали антисоветские взгляды. Признаете это?*

Ответ: Да.

Вопрос: *В какой контрреволюционной организации вы состояли?*

Ответ: Не состоял.

Вопрос: *Вам прочитали показания Рейзмана и Гулина о том, что в 1932 году вы предложили Гулину вступить в контрреволюционную организацию. Подтверждаете, что такой разговор был?*

Ответ: Нет.

Вопрос: *Что говорил Штремер и Гулин о деятелях советской власти и ЦК партии?*

Ответ: Они критиковали мероприятия советской власти, говорили, что Сталин своей политикой довел страну до голода и разорения. Был бы жив Ленин, такого не было бы.

Вопрос: *Являетесь ли вы членом данной монархистско-фашистской организации?*

Ответ: Все эти лица с полным правом могли меня считать своим единомышленником, и их определение обо мне, что я антисоветски настроен и фашист по своим убеждениям, вполне ко мне подходят.

И еще много подобных вопросов и ответов... Я пыталась разобраться по материалам, помещенным в толстой папочке (первое дело). Почему следственные органы заинтересовались именно этими людьми и объединили их в отдельную террористическую группу. Оказывается,

по данным КГБ на эту группу вышли при расследовании в 1934 году дела Рейзмана Евгения Николаевича, возглавлявшего библиотеку при Физико-техническом институте и бывшего, к тому же, товарищем Г.Штремера по университету. На допросах он показал, что врагами советской власти были его старые знакомые – Гулин Д.С., Штремер Г.В. и Фроров А.В., родственно связанные между собой, явно враждебно настроенные к советской власти и партии. Они систематически на протяжении ряда лет собирались на квартире у Штремера, высказывали свои контрреволюционные монархические взгляды, резко критиковали политику советской власти. Они группировали вокруг себя враждебно настроенный к советской власти элемент, в результате чего вошли к ним Дмитров К.П., имевший родственников и друзей в Париже, Цыбин И.В., бывший денщик Гулина, Белоновский Г.Г., бывший член РКСМ, признавшийся в праве считать его единомышленником указанной группировки.

Каждый из них во время следствия признался в своей вине. Так, Гулин подтвердил, что с 1918 г. был убежденным монархистом и совместно со всеми выше перечисленными встречался на квартире у Штремера, высказывал открыто контрреволюционные монархистские взгляды. Он являлся противником советской власти, резко критиковал политику в области религии, осуждал отмену карточной системы, выступал против коллективизации, высшей школы, Красной Армии, высказывал террористические настроения в отношении вождей партии и сочувственно относился к расстрелянным террористам. В своих показаниях Гулин полностью подтвердил причастность к контрреволюционной группировке остальных обвиняемых и характер их контрреволюционных высказываний.

Штремер Г.В. признал, что поддерживал связи и знакомства с иноподданными, германским консульством. Признал, что он в прошлом монархист, в настоящее время антисоветски настроен, был связан с осужденным за контрреволюционную деятельность Рейзманом и состоял в антисоветской группировке вместе с Гулиным и другими.

Аналогичные признания даны и другими фигурантами. Так, Белоновский Г.Г. признал, что состоял в близких отношениях с Сергеем Штремером, был знаком с иностранными специалистами, с которыми поддерживал связь. Через Гулина познакомился с остальными членами группировки, вступил в нее и разделял все ее настроения. В процессе следствия, как следует из протоколов, виновным себя признал.

Однако во время суда все обвиняемые отказались от своих показаний. Дело слушалось 28 июля 1935 года спец. коллегией Леноблсуда на закрытом судебном заседании. Привожу заявление Г.Г.Белоновского: *«Виноватым себя не признаю. Я давал показания следователю под его сильным давлением. Я их полностью отрицаю. Меня шесть или семь раз допрашивали Ульрих и Аукон. Аукон, в отличие от Ульриха, на меня не кричал, но только угрожал 10 годами. На время допросов следователь действовал на меня психологически, водил перед моими глазами зажженную папиросу. Он мне сказал, что Гулин и Штремер = ярые монархисты и уже расстреляны. Я дружил с сыном Штремера и бывал у него, а с Г.В.Штремером и Гулиным я был просто знаком. Остальные обвиняемые вообще зря пришиты к делу. После убийства Кирова был объявлен список террористов. Гулин сказал, что террористы расстреляны не по делу Кирова, а по другим причинам. Двое из списка – поповского звания. Штремер же резко осуждал убийство Кирова, и я сказал об этом следователю, но тот не записал. Гулин никогда не говорил, что целесообразно убить Сталина – это мне все время внушал следователь Ульрих. Никаких разговоров с обвиняемыми на политические контрреволюционные темы я не вел. Я говорил прокурору, что отрицаю свои показания. данные на дознании».*

Ввиду того, что все подсудимые на судебном заседании не подтвердили показаний, данных ими на предварительном следствии, нет показаний свидетелей и иных документов, подтверждающих антисоветскую агитацию подсудимых, дело было направлено на доследование. Однако новых компрометирующих сведений не обнаружено. В июне 1935 года суд вынес постановление, что недостаточно данных о контрреволюционных действиях обвиняемых. Дело

решено прекратить, и обвиняемых из-под стражи освободить. Однако, принимая во внимание, что четверо из этой группы (в том числе Штремер Г.В) «являются социально-опасными элементами и нежелательны для пребывания в Ленинграде», они были сосланы.

Обвинительное заключение подписал оперуполномоченный ОО-2 Аукон, начальник 2-го отделения ОО ЛВО Волохов и зам.начальника ОО КНКВД по ЛО Шапиро.

Так закончилось первое дело – четверо сосланы, остальные трое, а также сын Штремера, на свободе. Однако очень скоро эта «свобода» для них закончилась – Сергея Штремера арестовали 28 апреля 1937 года, и расстреляли 24 ноября 1937 г., а Юру Белоновского, вместе с двумя другими поделщиками, арестовали в октябре 1937 г., и расстреляли 29 января 1938 г. По этому второму делу был только один допрос (тонкая папочка). Приведу лишь короткий отрывок допроса.

Вопрос: *На допросе в УНКВД ЛО 21 января 1935 года вы скрыли от следствия ваше участие в контрреволюционной работе и контрреволюционную работу ваших соучастников. Намерены ли вы наконец говорить правду?*

Ответ: Я действительно скрывал от следствия свою активную контрреволюционную работу против советской власти и свою контрреволюционную связь с озлобленными врагами советского народа, моими соучастниками, а именно, с Штремером Сергеем Георгиевичем, его отцом, и некоторыми другими, с которыми встречался на квартире у Г.В.Штремера

Вопрос: *Дайте показания о вашей контрреволюционной работе.*

Ответ: Около 10 лет я находился в дружеских отношениях с С.Штремером, с которым поддерживал тесную связь и встречался вплоть до его ареста. Штремеры по своим убеждениям были германскими националистами. На проходивших в их квартире собраниях велись беседы на контрреволюционные темы. Я принимал участие в этих беседах и полностью разделял их взгляды.

Вопрос: *Мы вас спрашиваем не о контрреволюционных настроениях лично ваших и связанных с вами лиц, а о конкретной контрреволюционной работе, которую вели вы и эти люди.*

Ответ: Я задания от С.Штремера и его отца не получал. В начале 1935 года в беседах со мной о необходимости изменения существующего строя С.Штремер поставил передо мной вопрос о терроре, заявив, что террористическими актами, обезглавив партию и государство, можно максимально облегчить захват власти в стране фашистскими элементами. Я с ним полностью соглашался.

Вопрос: *Давал ли вам С.Штремер конкретные задания по террористической деятельности?*

Ответ: Он высказывал террористические намерения, я его в этом поддерживал.

Вопрос: *На ваших контрреволюционных сборищах у Г.Штредера обсуждался ли вопрос о терроре?*

Ответ: Да. Считали, что террор, направленный на уничтожение руководителей партии, должен считаться основным средством борьбы с большевизмом.

Вопрос: *Следствию известно, что на квартире Штредера вы лично встречались с германскими подданными. В чем выражалась ваша связь с ними?*

Ответ: Я дважды встречался с германским подданным по имени Франц, фамилию не помню. Разговаривал с ним по-немецки, но никакой контрреволюционной связи с ним не имел.

Из приведенного отрывка видно, что из себя представляли эти опасные «враги народа» и как страдалось их дело. Ну зачем следователь выбивал у Юры Белоновского показания на своего друга Сергея Штремера? Ведь еще до этого допроса Сергей уже был расстрелян как террорист, шпион, антисоветчик и т.п. Причем Юра об этом знал. Следовательно ничего не надо было выяснять – все уже было предрешиено. Он задавал вопросы по отработанному сценарию и формулировал нужные ему ответы, в результате получился этот страшный фарс. В конце протокола стоит подпись моего отца, но я не верю ни одному слову, да, мне кажется,

ни один разумный человек не может этому поверить. И тем не менее этого оказалось достаточно для вынесения смертельного приговора – *«Расследование установило, что Белоновский и др. с 1933 года являлись участниками контрреволюционной фашистской террористической группировки, созданной агентами германской разведки Штремером Г.В. (выслан) и Штремером С.Г. (осужден в 1937 г. к ВМН) по заданию сотрудника Германского консульства Саломэ. Белоновский Г.Г., 1908 г.р., ур. Ленинграда, русский, до ареста электротехник Гидрологического управления СевМорПути, изобличен в том, что являлся участником контрреволюционной фашистской террористической группы и принимал активное участие на контрреволюционных сборищах, проходивших на квартире у Штремеров, где обсуждались вопросы о необходимости совершения террористических актов над руководителями ВКП(б) и советского правительства. Кроме того, Белоновский принимал от С.Г. Штремера задание выявить контрреволюционно настроенных людей в целях их привлечения для борьбы с советской властью. Виновным признал себя полностью и изобличается показаниями Цыбина И.В. и Фролова А.В.»* (это тоже члены данной террористической организации).

Дело направлено в НКВД для рассмотрения по 1-ой категории. Оно заканчивается запиской коменданта УНКВД ЛО ст. лейтенанта госбезопасности Поликарпова. На основании предписания зам. начальника госбезопасности Гарина от 28 января 1938 г., приговор в отношении Белоновского Георгия Григорьевича приведен в исполнение. Расстрелян 29 января 1938 г. Вместе с ним расстрелены И.В. Цибин и А.В. Фролов.

—
Дедушку, Белоновского Григория Дмитриевича тоже дважды арестовали в 30-е годы, последний раз – в 1938 г. по обвинению в подготовке микробиологических диверсий в СССР. Выпустили на свободу по счастливой случайности. Вместе с ним по делу проходила профессор Казарновская.

На первом допросе дед признал свою вину, на втором, примерно через месяц, отказался от своих показаний, заявив, что они у него взяты силой. Прокурор вынес протест против их дела – в деле имеется признание следователя, что на подсудимых оказывалось давление.

Но если бы это решение задержалось хотя бы на одну неделю, то участь их была бы трагической. В деле имеется письмо сестры Казарновской на имя А. Толстого с просьбой о помощи. Толстой передал его Берии с просьбой посодействовать освобождению арестованной. На этом письме – собственноручная резолюция Берии с требованием применить к подсудимым самые жесткие меры. Это письмо пришло, по счастью, тогда, когда подсудимых уже выпустили. Мне его показали.

Я читала протоколы допросов деду у зам. Генерального прокурора города Катукowej И.В. Все очень похоже на допросы отца. Катукowa мне сказала, что дед на допросе называл фамилии только уже умерших ученых, чтобы не подставить живых, и что его ответы – пример благородства русского интеллигента.

Конечно, такое слышать приятно, но только дед, по словам бабушки, в тюрьме перенес инсульт, и с тех пор говорил невнятно, запинаясь.

Мы совместно с Катукowej, написали протест, в котором просили формулировку «за отсутствием состава преступления» заменить на «за отсутствием события преступления». Никаких микробиологических диверсий в стране не планировалось.

Реабилитировали и Левушку, которому по жизни так не повезло Судно Хасан, на котором он отправился в свое первое самостоятельное путешествие, прибыл в немецкий порт назначения Штетин как раз в день начала войны - 22 июня 1941 года. Как я уже писала, всю команду отправили в лагерь для интернированных, где они и находились вплоть до Победы. Лагерь оказался в американской оккупационной зоне.

В комиссии, занимавшейся переводом пленных на родину, Левушка был переводчиком, так как знал английский и немецкие языки. Вся команда вернулась домой, но его обвинили

в том, что он сам хотел остаться на западе и кого-то вроде бы пытался уговорить остаться тоже. За это он получил 10 лет лишения свободы в Норильлаге, где и умер, не дотянув полгода до освобождения. Следователь, с которым я разговаривала о реабилитации, выдал мне такую справку:

«Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР от 11 июля 1989 г., приговор Военного трибунала войск МВД СССР Ленинградской области от 17 июня 1946 г. и определение Военного трибунала войск МВД СССР Ленинградского округа от 17 июля 1946 г. в отношении Белоновского Льва Григорьевича 1914 г.р. отменены, дело производством прекращено за отсутствием в его действиях состав преступления. Белоновский Л.Г. по настоящему делу реабилитирован».

Кстати, этот следователь мне сказал: « Мне кажется, что у вашего дяди были причины не хотеть возвращаться домой – брат арестован и пропал, отца – тоже забирали в тюрьму...». Я с ним согласна. Однако даже если Левушка не хотел возвращаться домой, – это не уголовное преступление, а ведь его сначала собирались расстрелять, и только благодаря бабушкиным хлопотам ВМН, которое была в начале ему назначена, удалось заменить 10-ю годами лишения свободы.

В лагере Левушка, выпускник Кораблестроительного института, участвовал в строительстве порта в Дудинке и похоронен где-то там, в тундре. Между прочим, бабушка выслала ему туда аккордеон, Левушка, судя по письмам, был очень рад, он там принимал активное участие в лагерной самодеятельности. Вероятно, без музыки не мог.

Ну а справка о реабилитации моей матери выглядит таким образом: «Постановлением УООП Леноблгорисполкомов от 11.04.1964 года административная высылка Белоновской Елизаветы Михайловны отменена, как необоснованно примененная в 1938 году». И никаких сантиментов.

Вот такие вот события имели место в нашей стране.

—

И все же, как это не звучит парадоксально, мне жалко развала Советского Союза, где пытались воплотить в жизнь утопическую мечту – равенство, братство, справедливость... А вот какой ценой? «...Ведь нам нужна одна победа, одна на всех, мы за ценой не постоим...», и в результате имевшего место в 30-е – 40-е годы государственного террора в первую очередь гибли люди, пытавшиеся воплотить, или просто поддерживавшие вышеперечисленные гуманистические идеалы.

А ведь власть, помимо террора, занималась индустриализацией, как умела, боролась с безграмотностью, нищетой, отсталостью большей части населения страны, причем не только России, но и соседних народностей. Одна только электрификация страны чего стоила...

А стоила она очень дорого – за строительство ДнепроГЭС заплатили голодомором, причем не только на Украине, где это сейчас преподносится как геноцид украинского народа, но и в центральных областях России и Казахстане. Я очень хорошо помню плакаты и марки, на которых был нарисован босой, тощий, бородатый мужик с безумными глазами, в белой оборванной рубашке и написано «Помощь голодающим Поволжья». Ведь никакой Запад, где в это время был жесточайший кризис и поэтому они продавали свою технику по минимальным ценам, задаром материалы для строительства нам не предоставлял. Для расплаты требовал либо золото, либо зерно. А так как золота у страны не было – царское золото во время Гражданской войны было захвачено оккупантами и так и осталось на Западе, – то расплачиваться приходилось зерном, то есть отбирать хлеб у своего населения. Так как в результате разрухи после Гражданской войны у населения никаких продовольственных запасов не было, а крестьянство в большей части России всегда было полуголодным и экспроприировать у него нечего, то хлеб отбирали у населения, проживавшего в наиболее хлебобобовых районах страны вплоть до последнего колоска.. Несомненная трагедия во имя «светлого будущего».

Кстати, в истории России это отнюдь не единственный случай массовых смертей во имя светлого будущего., Яркий пример из прошлого – строительство Петербурга. Во сколько человеческих жизней оно обошлось, когда велением Петра из всех уголков страны сгоняли народ, чтобы город «...из тьмы лесов, из топи блат вознесся пышно, горделиво...». Недаром говорить, что наш город построен на костях. Мор был огромный. Тем не менее, как показало всероссийское голосование при выборе самого выдающегося деятеля России, проходившее недавно, с большим отрывом победил Петр Первый.

Но ведь все же победили мы во Второй мировой войне, ведь не распались, а стали великой державой с великим искусством и литературой, с крупнейшими научными открытиями... И хоть по уровню благосостояния мы сильно отстаем от Запада, но так было всегда. Ведь не голодаем же, имеем какой ни на есть кров над головой, у нас бесплатное среднее (и не плохое) образование, медицина. Ну а в век интернета, во всяком случае мне так кажется, мы стали внутренне более свободны, цензуры на мысли, отправленные в эфир, практически не существует. Много ли человеку надо? Может быть, по менталитету мы другие...

История нас не научила ничему, хотя следовало бы взять пример с Франции, где до сих пор государственный гимн – Марсельеза, созданный для борьбы с тиранией во время великой Французской революции. У нас же хорошим тоном считается во всех бедах страны обвинять Революцию и коммунистов, хотя навряд-ли кто-нибудь читал Манифест коммунистической партии.

Когда я сейчас в широко распространенных в эфире ток-шоу слышу, как умные, образованные, либерально настроенные журналисты бескомпромиссно обвиняют во всех бедах страны социализм, коммунистическую идеологию и отсталых жестоких ретроградов – их носителей, мне очень хочется им возразить.

Еще в эпоху Ельцина я была привлечена одной моей хорошей знакомой по работе С.К.Лопатиной, дочерью бывшего ректора Ленинградского Технологического института, подвергшегося в 50-х годах политическим репрессиям, к работе по сбору и оформлению справочной информации по всем бывшим сотрудникам института, подвергшимся этим репрессиям. Я занималась, если так можно выразиться, только «литературным» оформлением анкет пострадавших в 30-50-ые годы по 58-ой (политической) статье. Сведения в этих анкетах взяты из документов НКВД, КГБ и других официальных органов. Оказалось, что таких репрессированных в Техноложке огромное количество. Пересматривая все материалы, я обратила внимание, что среди приговоренных к ВМн было очень много членов партии. Перечитывая анкеты, у меня даже сложилось впечатление, что именно в 30-е годы если арестованный был партийным, то его почти наверняка приговаривали к расстрелу.

Кстати, эта работа, продолжавшаяся около 10 лет, в объеме трех толстых томов опубликована в 2019 году под названием «Технологический институт. XX век».

Откуда, почему такая жестокость? Уж наверняка не по идеологическим причинам. Вероятно, как сказал какой-то классик, революция прежде всего пожирает своих детей...

А уж какие были прекрасные революционные песни и стихи в те времена... И опять таки процитирую «гарик» Г.Губермана:

«Душа отпылала, остыла,
Состарилась, влезла в халат,
Но ей, как и прежде, неясно,
Что делать и кто виноват».

Лихие 90-е, закат института и последние поездки

Лихие 90-е – это штамп, так называлось в стране время, когда после распада Союза у нас под руководством Ельцина и Гайдара активно пытались переориентироваться на демократические ценности.

Всякая перестройка, как известно, сопровождается материальными и духовными издержками. Казалось, что все в стране ветшает, все рушится. Чего только стоит катастрофа в Чернобыле, в результате которой на многие годы целый регион стал непригодным для жилья... Конечно, наши ликвидаторы ценой собственной жизни пытались минимизировать последствия, но ощущение того, что опасные промышленные объекты могут находиться в таком предаварийном состоянии, угнетало.

Во всю полыхала война в Чечне, грохотали пушки в Грузии, разваливались колхозы, совхозы, а также заводы, фабрики и другие крупные предприятия.

Все это угнетало. Иногда появлялось ощущение безисходности, и даже ежедневные трансляции заседания Думы и горячие выступления депутатов, критикующих друг друга, переставали развлекать. ...

Понятно, что наш институт тоже был на грани закрытия. Месяцами не выдавали зарплат, происходили массовые увольнения по собственному желанию, все меньше и меньше оставалось высоко квалифицированных специалистов. В институте не осталось никаких крупных интересных научных тем – перебивались мелкими определительскими работами, которые иногда удавалось получить у крупных добывающих производственных организаций типа Газпрома. Работать стало неинтересно.

Нас, правда, пока не увольняли, но, оказывается, деньги для жизни необходимы. Поэтому Игорь вместе со своими двумя друзьями организовали так называемую фирму БИТ (по первым буквам их фамилий), которая занималась наймом легковых машин для частных перевозок. Игорь в ней выполнял роль бухгалтера, а я ему помогала – составляла финансовые отчеты на каждую машину. Это несомненно, помогло не так остро ощущать экономический провал.

Именно в эти времена, в возрасте за 60, мы купили себе первую машину – Жигули единичку, старенькую, страшненькую, которая все время ломалась, но все же мы на ней ездили даже в свою деревню – а это примерно 150 км.

Практически, покупка машины открыла для нас новые горизонты – у нас появилась возможность в выходные ездить в разные интересные места северо-запада России, то есть заниматься краеведением.

Тем временем годы шли, в Чечне продолжалась война, новые сбербанки и компании лопались, появились какие-то финансовые пирамиды, в которые население с упорством маньяков несли свои сбережения. Мы тоже не были исключением. У меня все еще хранится облигация кампании Хоперинвест и сберкнижка Северного торгового банка, куда я вложила целый миллион, полученный мною в виде премии за совместную российско-норвежскую работу по карбонатным коллекторам (по современным масштабам это тысяч десять). Игорь тоже был примерно таким же «дельцом».

Прихода нового тысячелетия все ждали с каким-то мистическим волнением. И вот, наконец, оно наступило. Ельцин в своем новогоднем поздравлении объявил о своем уходе по состоянию здоровья и представил народу своего заместителя – Владимира Путина.

Вначале мне этот новогодний ельцинский подарок совсем не понравился – какое-то невыразительное несимпатичное лицо, маленькие глазки, маленький рост, не чувствуется солидности. Но потом присмотрелась, и поняла, что это совсем не так. Почувствовала, что это твердый и сильный человек, отвечающий за свои слова, умный, решительный, обладающий теми качествами, о которых женщины обычно говорят: «настоящий мужчина». Особенно меня поразило его поведение во время очередных трагических событий в стране – гибели атомной подводной лодки «Курск», произошедшей в Баренцевом море в августе 2000 года, то есть в первый год его президентства.

Погибла вся многочисленная команда. Лодка лежала на глубине чуть больше 100 метров, однако оказалось, что у нас нет технической возможности не только ее поднять, но и провести спасательные работы, которые могли бы спасти хотя бы часть команды. Пришлось обращаться

за помощью за границу. Сплошной позор. Однако Путин приехал в Североморск – базу, откуда была лодка, и не побоялся выйти к разгневанной толпе родственников и друзей погибших моряков. Во время этого тяжелого долгого и отнюдь не дипломатического разговора, который, кстати, не передавался по телевизору, он не только пообещал сделать все возможное, чтобы облегчить горе близких, но и от имени главы государства попросил прощения, заверил, что наблюдаемый развал советского морского флота будет преодолен, такой катастрофы больше никогда не повторится.

И действительно, откуда-то появились деньги, люди стали получать задерживаемую месяцами зарплату, стали финансироваться инфраструктура, военно-технические разработки, стал возрождаться военный флот.

Короче, Путин оказался человеком, способным брать ответственность на себя, способным на поступки. Примером тому было и его поведение во время теракта в Москве на Дубровке,

когда в октябре 2002 года надо было спасать чуть ли не тысячу зрителей, взятых в заложники басаевскими террористами в зрительном зале, куда они вместе с детьми пришли смотреть мюзикл Норд-ост – Путин сам руководил спасательной операцией.

Такая решительность проявилось и в дальнейших судьбоносных для страны решениях.

Как я теперь понимаю, с приходом Путина началась постепенная медленная стабилизация положения в стране, закончился ее катастрофический развал. И хотя я не все взгляды Путина разделяю, тем не менее на протяжении чуть ли не двадцати лет его правления в моем понимании он остался самым умным, консервативных взглядов политиком мирового уровня. Я верю тому, что он говорит. \

Правда, за это время Россия на Западе прочно завоевала звание страны-агрессора, виновного чуть ли не во всех мировых бедах, а сам Путин – злого гения..

Ну да ладно, все Путин да Путин, это высокие материи, наша же частная жизнь продолжалась без особых потрясений. Экономическое положение в стране более или менее стало налаживаться. В городе исчезли очереди, появилось множество огромных магазинов, заваленных товарами, кругом яркая реклама, на улицах полно беззаботных нарядно и модно одетых людей, ходить вечером по улицам стало безопасно, словом, с лихими 90-ми все уже было покончено.

На Новый 2000 год мы с Игорем пошли на Дворцовую площадь. Праздничного народу было – не протолкнуться. Шампанское, фейерверки, петарды, бенгальские огни... Казалось, все ждут чего-то нового, необычного, радостного.

И вдруг это необычное произошло – загорелось наверху знаменитой арки Главного штаба – колесница с конями (творение К.Росси), украшающее Дворцовую площадь. Публика взревела от восторга – все приняла это как продолжение салюта, хлопали, фотографировали, чуть ли не ура кричали, словом, напоминали ликующих дикарей. Последствия новогоднего фейерверка город устранил чуть ли не год – колесница была закрыта лесами на реставрацию.

Как я уже писала выше, лишь в 90-х годах мы стали машиновладельцами, что существенно расширило наши возможности проводить свободное время. К тому же к этому времени дети наши выросли, создали свои семьи. Внуки, которых к этому времени было две, тоже подросли и стали очень приятными и не проблемными девочками, уже не требовавшими присмотра. Работа не захватывала, жизнь уже не казалась целенаправленной и предопределенной, словом, открылась возможность проводить свободное время по собственному усмотрению. Игорь накупил разнообразной краеведческой литературы и мы, глядя на карту, выбирали себе маршруты.

Нашу все время ломающуюся машину удалось заменить на более надежную, сначала «пятерку», а потом «девяточку», что позволило планировать более удаленные маршруты.

Вначале мы ездили в основном по пригородам Ленинграда, обычно с Тарасьевыми, которые, после переезда с Литейного, жили в университетском городке в Старом Петергофе и тоже интересовались достопримечательностями края. Потом мы стали ездить по более отдаленным местам Ленинградской, и соседним областям. К сожалению, в памяти многое стерлось, и даже имеющиеся фотографии (а я была записным фотографом, хотя так и не освоила азов фотографии) не всегда мне могут помочь. Пишу лишь о том, что по каким-то причинам врезалось в память.

Запомнилась мне одна из первых наших поездок. Дело было ранней весной. Мы вчетвером с Тарасьевыми решили съездить в Сосновый Бор посмотреть, как выглядит атомная электростанция Ленинградской области, тем более я вычитала в газетах, что в Сосновый Бор уже прилетели лебеди, и нам очень захотелось на них посмотреть.

Но не доезжая до города, нас остановили пограничники. Оказывается, здесь начинается запретная зона, и въезд только по пропускам. Но на автозаправке нам кто-то посоветовал ехать в Сосновый Бор по лесной дороге. И мы поехали.

Кругом – ни души. Въехали в густой лес, проехали участок, где проводились лесоразработки и толпились лесорубы, и поехали дальше. Скользкая дорога сузилась до лесной тропы, полузанесенной снегом. Понятно, что лучше не испытывать судьбу и повернуть назад. Но развернуться негде. Едим дальше. Ели и слева, и справа, уже задевают машину. Наконец она соскользнула в кювет и воткнулась прямо в здоровенную мохнатую ель. С трудом выбрались из машины через заднюю дверь. Что делать? Нам машину при всем желании не вытащить, да и топора, чтобы срубить огромную ель, в ветвях которой мы запутались, у нас нет. Кругом ни души. Мало вероятно, что в ближайшую неделю здесь кто-то появится. Нам с Наташей пришлось идти назад (а это более километра) к лесорубам и слезно просить, чтобы они нас выручили. За нами приехала огромная машина с подъемным краном. «Как вас занесло сюда, старики-разбойники?» – справедливо заметили они. Во всяком случае, домой мы вернулись живыми и здоровыми.

Следующая памятная поездка была в Псковско-Печорский монастырь. Это было в первой половине 90-х годов, то есть во время самого тяжелого периода в жизни нашей страны, вскоре после смерти мамы.

В самом городе царила полная разруха, чуть ли не голод. На большой стоянке для машин около монастыря толпились ребяташки с предложением за гроши помыть машину.

При входе в монастырь, обнесенный высокими белыми каменными стенами, толпилось довольно много народа, как местного, так и приехавшего на туристских автобусах из разных городов. Среди них ходил какой-то босой оборванный блаженный Коленька, худой мужичок лет 40, с чем-то вроде вериг на шее и бумажной иконкой. И вдруг он подошел ко мне и поцеловал меня в губы, что-то бормоча. Я опешила от неожиданности, но стоявшая рядом женщина наклонилась ко мне и прошептала, что Коленька очень редко, кого целует, мне повезло и надо гордиться этим.

Наконец, заплатив за вход, мы проникли в монастырь.

Я была просто в шоке. Вероятно, недавно здесь сделали ремонт, и все вокруг просто сияло. Казалось, что попали прямо в рай.

Кругом цветы, аккуратные дорожки, постриженные кустарники. Успенский собор сияет, трапезная и настоятельский дом – как на картинке.

Я за очень ощутимую сумму заказала поминание о маме в течение года (думаю, что это было бы ей приятно), и мы с Игорем направились в Успенский собор, где находится вход в пещерный храм.

Как раз в это время в него входила группа паломников, чтобы помолиться в честь какого-то святого. Мы присоединились к ней. Сам пещерный храм – очень маленькое помещение, где стоит только распятие и горит множество свечей. От него в светлом среднезернистом песчанике расходятся довольно узкие подземные коридоры шириной около двух метров. Освещения в них нет. По левую и по правую руку в этих стенах имеются небольшие отверстия (во всяком случае туда влезает рука). Там захоронены усопшие монахи, не знаю, в виде урны или в глубине находятся тела, спросить было не у кого. Захоронения разного возраста, в том числе и современные. Мне было как-то не по себе, но никакого тленного запаха не было. В этой рукотворной пещере круглый год постоянная температура порядка 10-12°.

Около какого-то отверстия вся группа во главе со священником остановилась, и началась служба. У всех у нас в руках были свечи, все женщины, в том числе и я, были в платках и юбках. Церемония продолжалась долго, я уже хотела было предложить Игорю оставить эту компанию и самим повернуть назад. Но наконец, служба закончилась, и все присутствующие стали по очереди засовывать руку по локоть в это темное погребальное отверстие, в котором был захоронен почитаемый святой. Я немножко трусила, мне совсем не хотелось этого делать, но я была последняя в очереди и меня ждали. Пришлось рискнуть. Все обошлось благополучно, никакого трупа я не коснулась, почувствовалась какая-то легкая и приятная прохлада. Я с удовольствием распрямилась, и вдруг стоящие около меня паломницы мне зашептали: «осторожно, у вас горит платок». Действительно, у меня от свечки, которую я держала в другой руке, загорелись кончики косынки. Что бы это значило? Ведь ни у кого не загорелись.

На обратном пути мы уже в одиночестве снова зашли в подземный храм и поставили в нем свои свечи.

После выхода из пещер я подошла к какому-то священнику и спросила; «Вы не покажете нам особое место в вашем монастыре, которое вы иногда показываете своим прихожанам» (об этом нам рассказал кто-то во время стояния в очереди в монастырь). Он рассердился на меня и довольно резко ответил, что они и так устают от этих паломников, а тут еще просятся в их собственное святое место для отдыха их души.

Таким образом, посещение этого райского уголка, отделенного от нуждающегося в поддержке простого народа высокой каменной стеной, оставили в душе двойственное впечатление – с одной стороны несомненная красота, а с другой – дефицит духовности, явная коммерциализация.

—
Такое же двойственное впечатление произвела на меня поездка в Тихвин. Это было в сентябре 2004 года, сразу же после трагических событий в Беслане, о которых современная молодежь может быть и забыла, но для современников этот день 1-го сентября 2004 г. несомненно врезался в душу.

Тогда террористы захватили около тысячи заложников, пришедших с цветами к школе в День знаний на торжественную линейку. Это были дети и их родители. В результате трех дневных переговоров и штурма здания школы бойцами спецназа, погибло свыше 300 человек, из них 169 детей.

Поехали мы в Тихвин вместе с семьей Игорева брата, Сергея. Тамара, жена Сережи, говорила, что в этом городе есть икона, которая помогает перенести все

горести, и хоть я не религиозна, но на ту пору мне казалось, что это то, что

нужно.

Город Тихвин находится на перекрестке «путей из варяг в греки», то есть на старинном пути из Балтийского моря на Волгу. Стоит он на небольшой (во всяком случае осенью) речке Тихвинка, которая весной разливается более чем на километр. Сохранилась старинная плотина и шлюз, регулирующие высоту воды в реке. Они, недавно реставрированные, функционируют и теперь.

Построен город по приказу Ивана Грозного на месте, где яко бы явилась чудотворная икона Богоматери. Она и по сей день рассматривается как одна из основных святынь православия. По велению царя был построен здесь Успенский Богородичный мужской монастырь, а несколько позднее – и женский Введенский монастырь, куда Иван Грозный сослал одну из своих жен. Родившаяся там дочь царя стала его первой игуменьей.

Все это строения XVI века, причем Успенский собор строился по образцу Успенского собора в Московском кремле.

Несомненно, этот монастырь является доминантой всего города, расположен на высоком берегу Тихвинки. В состав его входит целый ряд церковных сооружений. Самым крупным, понятно, является сам Успенский собор, но меня своей красотой поразила звонница, представляющая собой пять остроугольных пикообразных куполов с металлическими флажками.

Все монастырские сооружения каменные, видно, что недавно отреставрированные, белоголубого цвета, что, как мне кажется, очень соответствует окружающему ландшафту.

В самом городе, помимо различных действующих церквей, наряду с новостроем, сохранилось много деревянных купеческих домов, особенно на низком берегу реки. Дома как деревянные, так и каменные, в основном двухэтажные. Есть и Гостиный двор, довольно обшарпанный, но и теперь функционирующий по назначению.

В низменной части города сохранился дом-музей Римского-Корсакова – одноэтажный дом с мезонином. Он расположен как-раз на берегу Тихвинки, напротив Успенского монастыря. Понятно, откуда композитор черпал свои исконно русские мелодии – и сейчас, глядя из окон этого дома на открывающуюся панораму, душа наполняется какой-то грустной русской красотой

Кстати, внутренняя обстановка дома, многочисленные фотографии и картины на стенах, а также мебель красного дерева, напомнили мне обстановку, которая была в моем детстве в нашей квартире на улице Некрасова.

Но сейчас вернусь к главной цели нашей поездки – чудотворной иконе Тихвинской Богоматери. Для того, чтобы поклониться и приложиться к ней, всегда стоит очередь паломников.

В начале я решила подойти к священнослужителю, к которому тоже стояла очередь, для заказа панихиды о погибших в Беслане детях. Он взял мою записку, прочитал ее и тут же вернул обратно. «Мы такое не делаем. Следующий!» Но я была настойчивой, все же просила его взять мою записку. Он очень сердито попросил меня выйти из очереди и не мешать страждущим паломникам. Я, глубоко обиженная, пошла к чудотворной иконе Богоматери. Действительно, она прекрасна. И дело даже не в том сплошь золотом, сияющем иконостасе с удивительными узорами одежды, покрывала и венца, а в выражении лица Марии, такого грустного, но полного добра и терпения.

По размеру икона небольшая, около нее приставлена маленькая лесенка в три ступеньки, чтобы человек, приблизившийся к ней, стоял на коленях, таким образом, чтобы общение с иконой было бы личным. И я Богородице рассказала о своей обиде, о том, что религия у нас бездушная, формальная, отстранена от слабых, нуждающихся в душевной помощи, а самое главное, почему во имя «правильной» религии вообще возможно уничтожение инакомыслящих, и даже детей.

Понимаю, на сколько это было глупо. Вместо того, чтобы помолиться о своих близких, я жаловалась на несовершенство нашей религии. Но тогда после посещения иконы мне показалось, что действительно, моя душевная тяжесть сменилась простой светлой грустью. Может быть это влияние иконы, а может быть мне это просто причудилось...

Ходили мы в Тихвине и в женский монастырь, в котором происходит реставрация, и в другие храмы, но все это у меня стерлось из памяти. Помню только, что недалеко от Тихвина находится древний вепский парк, где на берегу синего синего Дымского озера стоят древние кресты и очень живописная новая часовенка в честь местного святого. Он прославился тем, что какое-то невероятно длительное время (месяц?) стоял на столбе, торчащем из воды посреди озера, и молился. На этом месте и по сей день торчит из воды крест.

Кругом очень красиво, а с учетом этой легенды, веет такой дремучей, еще дохристианской наивной стариной, что кажется, вот-вот из окружающего леса появится вдохновенный

«кудесник, любимец богов» и у него можно будет спросить: «что сбудется в жизни со мною?». Короче, места эти, несомненно, заповедные.

Еще один эпизод, имеющий явно религиозный характер, связан с посещением Пскова. Мы там были неоднократно и в разные сезоны. Несомненно, это памятник не только исторический, но и религиозный.

Можно часами ходить по древне русской части города, где полно приземистых архитектурно похожих разнообразных церквей с толстыми стенами, способными стать крепостными, по древним каменным мостовым, заходить в различные музеи, поражаться, что в такие давние, еще дохристианские времена население было уже грамотным даже в быту. А чего стоит набережная реки Великой, действительно великой, по которой когда-то плавали варяжские гости (вспоминаются картины Н.Рериха, посвященные иноземным гостям). На ней архитектурно отмечено место, где когда-то стояла княгиня Ольга, практически первая представительница власти, определившая границы древне Русского государства и заявившая о его существовании в Константинополе.

Ну и наконец, сам кремль, стоящий на высоком берегу реки со знаменитым Троицким собором и венчающим его золотым сияющим куполом.

Вокруг Пскова расположены древние монастыри и крепости. Все это наглядная история формирования Российского государства, и ее необходимо видеть. Тем более, что кругом такая благодать.

Но я хочу рассказать об одном не экскурсионном посещении Пскова, и конкретно Троицкого собора. Мы приехали во Псков поздно вечером, возвращаясь в Ленинград из какой-то поездки. С нами была Наташа Матинян, и мне очень хотелось показать ей собор. Но когда мы подошли ко входу, двери храма уже были заперты, и по лестнице нам навстречу тихонечко спускался старенький сгорбленный служитель с большой связкой ключей. Мы стали просить его дать нам хотя бы на минутку заглянуть в храм, объяснили, что мы из Ленинграда и очень хотели бы попасть в него. И старичок согласился, открыл для нас двери и стал нас троих водить от иконы к иконе, что-то рассказывая старческим невнятным голосом (я уже к тому времени была глуховата).

Вид этого огромного пустого практически темного храма, мерцающий свет разноцветных лампад, таинственный отблеск драгоценных окладов, запах ладана, строгие лики святых, то появляющиеся, то исчезающие в неровном свете наших свечей, а главное, тихий голос сопровождавшего нас старичка, который останавливался у каждой иконы и что-то нам про нее говорил, не просто говорил, а как будто бы беседовал с каждым святым, его черная сгорбленная фигура, все это на меня так действовало, что буквально сжалось сердце, на глазах появились слезы, рука сама тянулась к крестному знамени.

Это что, на меня сошла благодать? А ведь я всегда в церкви вхожу как в музей, поэтому никогда не крещусь. Так что это? Гипноз или все-таки душа хочет чего-то возвышенного, прекрасного, божественного...

Больше со мной такого не бывало.

Вообще-то Псков тот город, который посетить просто необходимо тому, кто интересуется, откуда мы, кто мы такие. Это яркий образец средневекового русского города с вечевым правлением, построенного на главнейшем торговом пути из варяг в греки.

Проводившиеся долгие годы многочисленные раскопки показали, что славяне здесь селились уже в IX веке.

Отличительной особенностью Пскова является то, что он один из немногих русских городов, не пострадавших во время татаро-монгольского нашествия – в нем сохранились как гражданские, так и религиозные древнерусские памятники, к наиболее существенным образцам которого относится Кремль (или Кром).

Во время существования независимой республики (XIУ-XVІ века), он был духовным и административным центром города с его вечевой площадью, различными крепостными башнями, имеющими свое название, и кромами. Крепостные стены когда-то были земляными, но потом в XIУ веке при князе Довмонте стали каменными, сохранившимися и по сей день. Успенский собор более молодой, он построен в XVІ веке по московским образцам.

Кремль как крепость построен на стратегически важном месте впадения в реку Великая речки Псковы, не только изумительно красивом, но и трудно доступном для атак неприятеля. А осад он перенес немало. Соседи с запада очень хотели присоединить к себе эти земли. И только единожды (про-моему, при Стефане Батории) из-за предательства (слова экскурсовода) крепость была взята.

Отметился здесь и Петр I. Он велел снять колокола, перелить их в пушки, монахов всех выгнал на оборонительные работы – рыть рвы на предмет отражения возможных атак шведов. Возражения игумена, что монахи будут молиться за русскую победу, не убедили Петра. «Пусть поработают с лопатами, а я вместо них помолюсь». Вот такой у нас был царь.

От кремля по благоустроенной набережной вдоль реки Великой (а она по ширине не уступает Неве, но в ней более синяя вода и сильное течение) приятно прогуляться до Мирожского монастыря.

Это целый комплекс церковных сооружений, датируемых XII веком, разной степени сохранности, часть из которых снова передана церкви (функционирует мужской монастырь), часть – реставрируется государством. Знаменит монастырь тем, что в нем сохранились настенные древнерусские фрески.

Я не отношусь к ценителям древнерусской живописи, но, конечно, внушает почтение их возраст, коричневато-золотисто-синеватая палитра красок, наивное изображение библейских сцен.

Сами церковные сооружения явно домосковской постройки, без архитектурных излишеств, невысокие, с толстыми стенами и луковичными куполами.

Еще мне хочется рассказать о нашем путешествии к отцу Николаю. О нем мы узнали во время летнего посещения Пскова. Говорят, что есть один старец, приходишь к нему с болью, а уходишь с радостью. Узнали, что живет он на маленьком островке в Псковском озере, к нему едут паломники не только со всей России, но и со всего Союза, и к нему можно добраться на пароходике, отходящем от Псковской пристани.

Решили попробовать. Купили билеты на старенький небольшой парходик, курсирующий раз в сутки на остров отца Николая (так написано в расписание) и поплыли. Парход был наполнен говорливыми пассажирами. Из разговоров я узнала, что это маленький островок Залит, его можно обойти буквально за час. На нем имеется маленькая церковь, в которой уже более 50 лет служит отец Николай Гурьянов. Он обладает невероятной силы воздействием как на душевные, так и на физические болезни. Правда, он очень старый и может вот-вот умереть.

Примерно через час приплыли мы на этот остров, пассажиры вышли на маленькую пристань. Кругом – никаких сооружений типа гостиницы или вокзала. Кое-где у берега поставлены одинокие палатки туристов, стоят ветхие деревянные избышки местного населения. Паломники толпой двинулись к скрытой в зелени невысокой маленькой церковке.

Честно говоря, мне было как-то не по себе, не хотелось вливаться в толпу страждущих, тем более что никаких таких причин просить помощи у нас на то время не было. И вдруг Игорь, которого я частенько пилила за отсутствие душевной тонкости, говорит: «Мне неудобно как-то смотреть на этого дряхлого старца как на экспонат. Ведь ему и так тяжело общаться с таким количеством страждущих». Я, поняв, что мы с ним на одной волне, тут же согласилась, и мы поехали обратно на том же почти пустом парходике обратно в Псков.

Теперь отец Николай уже умер, но на его могилу по-прежнему съезжаются паломники – говорят, что он обещал помогать людям даже после своей смерти. Вот такая вот сложилась легенда, и в нее верят, а как известно, вера – это огромная сила.

—

В общем, побывать во Пскове приятно и поучительно. После него логично было съездить в Новгород, ведь в феодальные времена одновременно с Киевской Русью у нас на севере функционировало феодальное республиканское славянское государство – Господин Великий Новгород или Псковско-Новгородское независимое княжество, в котором, как и во Пскове, было Вече, и которому принадлежал весь северо-восток Руси и, в частности, Невская пятина, то есть территория будущего Петербурга.

Новгород входит в число древнейших городов России. Именно туда местными князьями были приглашены для правления варяжские гости – Рюрик, Синеус и Трувор. Известна знаменитая цитата призыва на княжение: «Велика и обильна земля наша, а порядка в ней нет». Подходит прямо на многие века.

Опять таки, как и Псков, Новгород не был razрушен во времена татаро-монгольского ига, он только договорился платить дань. Более того, такой новгородский князь, как Александр Невский, вместе с татаро-монголами успешно отражал набеги с запада, то есть стоял на страже западных границ Русского государства. Поэтому в Новгороде сохранились домонгольские русские сооружения и многочисленные берестяные грамоты, по которым можно восстановить культурный уровень того времени.

Центром города являлся Кремль или, как его называют, Детинец. Он крупнее псковского, в нем много различных сооружений, в том числе и вече́вая площадь. Но главным сооружением является Софийский собор, возраст которого датируется XI веком. Это один из древнейших сохранившихся русских храмов, он причислен к всемирному культурному наследию.

Внешне это многокупольное белое сооружение сложной конструкции, с толстыми стенами и маленькими окнами. Купола имеют форму шлемов. Один купол – золотой. Глядя на все это, чувствуешь, что веет русской стариной.

Мне запомнилась одна легенда, которую рассказал экскурсовод. Когда Новгород своим богатством и величием стал перегонять Москву, царь Иван Грозный решил наказать строптивую республику, пошел на них с войной. Опричники устроили страшную бойню. Тысячами убивали людей, воды Волховы были красными от крови. Все священники были перебиты, снят даже вече́вой колокол, ему отрезали «язык». В это время мимо пролетала голубка, села на крест самого высокого купола Софийского собора, оглянулась вокруг и окаменела от ужаса. С тех пор она осталась сидеть там (и сейчас сидит, правда, мне не удалось разглядеть ее). В народе ее стали рассматривать как хранилище́ города. Говорят, что пока голубка сидит на кресте, , враг не завоюет Новгород.

Правда, во время Великой отечественной войны, когда немцы заняли Новгород, во время бомбежки голубка была сорвана взрывной волной. Но сейчас она снова посажена на свое место.

Вот такая вот легенда. Во всяком случае несомненно, что в результате похода Иване Грозном Новгород понес самые страшные потери и уже никогда не достигал прежнего могущества. Все его земли были присоединены к Московскому царству, и Господин Великий Новгород как независимая республика перестал существовать.

Конечно, в Новгороде кроме Детинца полно исторических объектов и осмотреть их за один день явно невозможно. У меня, честно говоря, в голове уже все смешалось.

Пожалуй, в памяти осталось впечатление от памятника, посвященного тысячелетию России. Он создан тем же архитектором, что и памятник Екатерине Великой в Петербурге (худож-

ник Микешин). Такого же размера и очень его напоминает по конструкции, разве что на нем запечатлены для истории другие лица.

Конечно, памятник очень интересный, вокруг него можно много ходить и рассматривать исторические фигуры. Однако мне кажется, что для такого памятника выбранная площадь маловата, памятнику тесно. Поэтому впечатление от этого памятника уступает тому, что мы видим в Питере.

Еще в Новгороде мне запомнилось посещение могилы Михаила Романовича Державина. Он похоронен в соборе Хутынского женского монастыря.

Могила очень достойная, но самое главное, я здесь впервые прочитала его оду -завещание, написанное возвышенным тяжеловесным русским стилем, и просто обалдела. Оказалось, что по смыслу оно полностью аналогично стихотворению А.С.Пушкина, которое мы проходили в школе в средних классах:

Я памятник себе воздвиг нерукотворный.
К нему не зарастет народная тропа.
Вознесся выше он главою непокорной
Александрийского столпа...» и так далее.

Еще в школе, когда мы наизусть учили эту оду, показывающую, по словам учительницы, понимание Пушкина своей роли в формировании литературного русского языка, мне казалось как-то странным, что Пушкин, такой молодой, веселый, остроумный и насмешливый, написал про свое творчество тяжеловесную, прямо бронзовую вещь. Не похоже это на него. Теперь я понимаю, что это был его либо перевод Державина на современный литературный язык, либо просто пародия на эту эпитафию.

—
Как очень приятная и поучительная поездка мне вспоминаются посещение Старой Ладogi и Изборска. Ездили мы туда летом вместе с Русиными и нашими подростками (судя по сохранившимся фотографиям, с Юрой). Очевидно, добираться туда из Ленинграда на машине было не сложно.

Вначале, о Старой Ладогe. Когда-то это был город, стоящий на важных торговых путях. В нем для защиты от неприятелей, строились сначала земляные, а потом и каменные укрепления. Сейчас на крутом обрывистом берегу реки Волхов, там, где в нее впадает какая-то маленькая речка, сохранились развалины древней Старо-Ладожской крепости, датируемой XI веком. Еще более древними являются земляные валы. Сохранилось даже поле боя, на котором сражались не на жизнь, а на смерть.

В пределах Старо-Ладожской крепости при царе Федоре Михайловиче Романове построен храм в честь святого Георгия (XVI век). Эта церковь входит в число памятников всемирного наследия. В ней сохранилась древняя фреска, на которой изображена библейская сцена борьбы Георгия со змеем.

Местоположение этого небольшого белого храма, его строгая, соразмерная, гармоничная архитектура (по моим понятиям, это новгородский древнерусский стиль), открывающиеся вокруг дали – все это создает какое-то приподнятое, я бы сказала, торжественное впечатление: с одной стороны – величия, а с другой стороны – неимоверной старины.

Именно здесь по преданию остановился знаменитый Рюрик, прародитель древней Киевской Руси. Утверждают, что в одном из холмов находится могила Вещего Олега. Мало того,

современные раскопки в пределах Старой Ладogi обнаружили стоянку человека времен неолита. Вот такая вот, дышащая стариной, земля.

В современном поселке Старая Ладога находится прекрасный краеведческий музей. Кроме того, сохранились разнообразные церкви разной архитектуры, есть даже старинная Варяжская улица.

Вдоль по реке Волхове строили монастыри, некоторые из них разрушены, а некоторые – действующие, но их посещение у меня стерлось из памяти.

Однако помню, как мы лазили в пещеры, прорытые в мощном пласте светлого слабо сцементированного песчаника, обнажающегося вдоль реки. Оказывается, местные крестьяне за два-три века прорыли в нем многочисленные ходы, в которых можно было прятаться в случае необходимости. Но главное, этот песчаник был товаром, который массово поставляли на строительные работы в город Санкт-Петербург. В результате образовалась целая сеть ходов, в которых можно заблудиться, поэтому в одиночку в эти ходы лазеть не стоит.

Когда-то Изборск считался пригородом Старой Ладogi. Дорога к нему проходит по исключительно живописным местам. В частности, мы проезжали мимо Городищенского и Мальского озер, по которым в старину шел водный путь в Чудское озеро.

По археологическим данным древний Изборск существовал уже в V–VI веках, и уже тогда на этой территории создавались защитные валы и стены.

Наблюдаемая сейчас Изборская крепость (XI–XV вв.) относится к одной из старейших каменных защитных сооружений северо-запада России. Построена она в форме треугольника на так называемой Жеравьей горе. Сохранившиеся стены толщиной 3–4 метра.

С двух сторон крепость была практически неприступной из-за крутых склонов. Попасты в нее можно было только с одной стороны через узкий извилистый проход (захаб), сделанный в толстых стенах. Крепость была построена на месте, так называемого, Труворова городища. Вероятно это название было дано из-за находящегося рядом на одном из склонов Жеравьей горы древнего кладбища. Там сохранились старинные надгробные плиты из известняка с какими-то непонятными письменами, и массивный, немного наклоненный каменный крест тоже с мало понятными надписями, высеченный из единой глыбы. Высота его более 2-х метров. В народе его уже давно называют Труворовым крестом, поставленным на месте могилы этого древнего князя, родича Рюрика.

У самого въезда в Изборскую крепость в XVI веке была поставлена Никольская церковь, которая, по замыслу строителей, должна была вдохновлять защитников на ратные подвиги.

Со стен крепости открывается изумительный вид на холмистую долину. На те времена у меня уже был цифровой фотоаппарат, сделала я на мой взгляд несколько удачных снимков, но все равно они не отражают той красоты и раздолья, которые открываются с высоты крепостных стен.

Недалеко от крепости находится другая достопримечательность – Славянские ключи, или ключи 12 апостолов. Это из обнажающихся на склоне холма известняков вытекают двенадцать струй, каждая из которых имеет свое название. Считается, что это минеральные воды, разные по химическому составу, которые лечат разные болезни.

На тропинке, ведущей к этим ключам, всегда много народа, желающего поправить здоровье. Мы тоже попробовали воды из каждой струи, но разницы во вкусе лично я не почувствовала.

С тропы, ведущей к источникам, открывается великолепный вид на расположенную внизу Мальскую долину.

Как я узнала из путеводителя, она признана ландшафтным памятником государственного масштаба. Внизу перед нами раскинулось небольшое Городищенское озеро, исключительно синее, окруженное изумрудными полями и кудрявыми кустарниками. Это озеро, как говорят, отличается особенно чистой, прозрачной водой за счет постоянной подпитки подземными ключами. Возможно, они выходят из того же водоносного горизонта, что и находящиеся выше по разрезу Славянские ключи. Говорят, что на озере круглый год уже давно живут белые лебеди, не улетающие отсюда даже на зиму. Непонятно, куда же они деваются, когда озеро замерзает? Или оно вообще не замерзает – спросить было не у кого.

Вокруг – широкие неоглядные волнистые долины, кругом такая русская красота, что дух захватывает.

Мне кажется, что как Старая Ладога, так и Изборск, это те места, от посещения которых получаешь огромный заряд национальной гордости и эстетического удовольствия.

Очень приятно вспоминать о нашем посещении Пушкинских Гор. Это было поздней весной или ранним летом, когда проснувшаяся после зимнего сна природа по- особенному празднична, светла и чиста. Конечно, это не могло не отразиться на нашем восприятии окружающего мира.

Пушкинские горы – это небольшой поселок городского типа, полностью отвечающий своему названию. Основная достопримечательность – Святогорский монастырь с могилой А.С.Пушкина и прекрасный музей, посвященный его творчеству в этих местах. Есть гостиница, экскурсионное бюро.

Сам монастырь на наше время был не действующим, а экскурсионным объектом. Передан церкви лишь в 1992 году..

Он расположен на холме, так что подниматься к нему надо по довольно длинной старинной каменной лестнице со стертыми ступенями. Сам монастырь небольшой, окружен толстыми каменными стенами. А вокруг – буйная зелень, деревья и кустарники. Внутри стен находится Успенский собор и остроугольная колокольня, далеко видная из окрестных деревень.

И странный парадокс – юный Пушкин (18 лет), сосланный по велению императора на два года за проявления атеизма, находясь в ссылке в Михайловском часто и подолгу проводил время в монастыре. Правда, в нем находилась довольно богатая библиотека, которую он регулярно посещал.

В монастыре были похоронены предки Пушкина, прадеды Ганибалы, его родители и маленький братик. Именно здесь у алтарной стены Успенского собора, откуда открывается широкий вид на леса и долины, находится и могила А.С.Пушкина. На ней поставлен простой, лаконичный, но в то же время величественный памятник в форме жертвенника (мне кажется, что это пирамидообразное сооружение напоминает жертвенник, хотя может быть я ошибаюсь) из чистейшего белого итальянского мрамора. Его, несмотря на высокую цену и отсутствие капитала, заказала молодая вдова и мать четырех малолетних детишек -погодков Наталья Николаевна у петербургского дорогого архитектора.

Все-таки какой у нее был великолепный вкус, чуткость, какое понимание роли Пушкина для России. Недаром ее так любил поэт – «...чистой прелести чистейший образец». Я думаю, он был бы доволен ее выбором – кругом – его родные, белоснежное надгробье с краткой золотой надписью в венке, а вокруг – прекрасная, пусть и равнодушная, русская природа... Ведь буквально за год до своей смерти Пушкин написал:

«...И хоть безжизненному телу
Равно повсюду истлевать,
Все же близ милого предела
Мне бы хотелось почивать...»

Мне кажется, здесь все сделано так, как хотел бы поэт. И зря современники обвиняли Александра 1 в том, что из-за боязни поэта даже мертвого, он не разрешил хоронить его в столице или в Царском селе. И правильно сделал – в Святогорском монастыре не чувствуется официоза, какого-то ненужного пафоса. Все окружение подчеркивает, что Пушкин был генетически именно народным, а не придворным поэтом.

Еще до революции Святогорский монастырь и территория трех имений, расположенных вдоль реки Сороти – Петровское, Михайловское и Тригорское, связанные с пребыванием Пушкина в этих местах, были объединены в природный заповедник, охраняемый государством.

Путь в Михайловское из Пуш.гор проходит по довольно широкой пешеходной тропе. Идти до имения надо примерно 1-2 км через кочковатый сырой (возможно, это остатки весеннего разлива реки Сороти) смешанный лес, в котором, наверное, летом полно комаров. Он совсем не похожий на парк. Да и сама тропа не походила на музейный объект, на ней были и рытвины, и лужи. Однако листья, и трава, и редкие полевые цветочки казались только что умытыми, и празднично блестели на солнце.

Примерно на половине пути у тропы мы вдруг увидели маленького лосенка. Он одиноко стоял и объедал какие-то зеленые ветки. Подходить к нему было как-то боязно, вдруг рядом находится его мать и неправильно поймет. Но, с другой стороны, а вдруг он заблудился?

Мне удалось уговорить Игоря вернуться назад и сообщить о потерявшемся лосенке, так как мы проходили отворот, где был указатель «дом лесника». Минут через 20 он вернулся злой презлой. Оказывается, леснику надоело объяснять каждому, что лосенок не потерялся. «Идите своей дорогой и не беспокойте по пустякам».

Этот трогательный инцидент не мог испортить общего впечатления, и мы продолжали путь. Лесок кончился, и появилось Михайловское.

Я здесь не пытаюсь описывать всю экскурсию, так как прошел, наверное, не один десяток лет, поэтому пишу лишь о том, что осталось в памяти. Запомнился огромный толстенный старый дуб, который даже во времена Пушкина мог уже поражать своими толстенными могучими причудливыми сучьями. Конечно, тут же вспомнился и кот ученый, и золотая цепь, по которой он ходит.

Помню еловую довольно мрачную аллею, по которой когда-то подъезжали к усадьбе. И вот открылся большой круглый луг (или травянистый газон), который нужно было огибать, чтобы оказаться перед довольно высоким парадным, ничем не примечательным крыльцом. По центру этого луга растет здоровенный вяз, посаженный уже после смерти Пушкина его сыном Григорием.

Еще более поздними посадками являются стройные липки, аккуратно посаженные по краю этого зеленого луга. Конечно, красиво, но при Пушкине подъезд к дому выглядел значительно скромнее.

Издали зелень практически закрывает вид на дом. Сам дом весьма скромный, небольшой, одноэтажный, деревянный на каменном довольно высоком фундаменте. Сразу вспомнились строки Пушкина «Наша ветхая лачуга и убога, и темна». От тех времен остался только каменный фундамент, остальное – все новодел, однако сделанный с максимально возможным учетом всех имеющихся планов и воспоминаний современников. Сейчас, конечно, дом не выглядит лачугой.

Вообще-то, судьба имения Михайловское очень характерна для средне- русских имений России. После революции в 1918 году оно было разграблено и сожжено. Затем, в советское время восстановлено и облагорожено. Во время войны оно опять было уничтожено, после войны – снова восстановлено.

При этом особенно отмечается роль его многолетнего директора С.С.Гейченко, который всю свою жизнь посвятил Пушкинскому наследию. В Михайловском показывают даже его дом – небольшой деревянный домик с верандой типичного дачного облика, где выставлены самые разнообразные виды русских самоваров, которые коллекционировал Гейченко.

Как нам сказал экскурсовод, усадебный дом в Михайловском был выстроен при Ганиба-лах в XVIII веке. Тогда он входил в имение Петровское, подаренное Елизаветой Петровной арапу Петра Великого Абраму Ганибалу, прадеду Пушкина.

После его смерти имение было разделено между тремя сыновьями, и Михайловское досталось одному из них, Осипу (деду Пушкина), который, в свою очередь, его оставил своей дочери Надежде Осиповне, матери Пушкина.

Таким образом, ко времени Пушкина дом уже был довольно старым (более 100 лет). Крыша была не соломенная (как в одном из стихов Пушкина (...то по кровле обветшало вдруг соломой зашуршит...)), а крытая, как и весь дом, тесом. Внутри дом тоже обставлен очень скромно. Мебель досталась от Ганибалов, сам Пушкин ничего не покупал. То, что выставлено, это в основном, более поздние подарки его почитателей, или, по памяти аналоги вещей, которыми мог пользоваться Пушкин. Правда, экскурсовод что-то говорил о трости, принадлежавшей Пушкину, но так ли это – я не уверена.

На противоположной стороне дома другое, заднее крыльцо с четырьмя колоннами и длинной деревянной лестницей, ведущей к Сороти. Этот вход выглядит намного наряднее.

С крыльца открывается прекрасный вид на реку, заливные луга, небольшое озерцо, дальние рощицы, а справа вдалеке виднеется беседка усадьбы Петровское.

Таким образом, дом стоит на высоком берегу реки, откуда открывается вид на дали неоглядные. Действительно, так красиво, что кажется – «...мгновенье, и стихи рекою потекут».

Помимо дома Пушкина, в Михайловском демонстрируются отдельные хозяйственные постройки – это кухня, где проживала Ар на Родионовна, и банька, а также отдельно стоящие амбары или сараи для хранения льна. Все это восстановлено по старинным чертежам.

В парке, окружающем дом, восстановлен фруктовый сад, а также пруд, мостик через ручеек, отдельные аллеи. Из них самая известная – это аллея Керн. В довольно уединенном месте на ней внезапно открывается бронзовая фигура мечтающего юного Пушкина, лежащего среди трав.

В общем, несомненно, усадьба Михайловское – очень ухоженное, красивое место. Здесь много цветов, все деревья, кустарники, дорожки и постройки находятся в хорошем состоянии. Все радует глаз.

Конечно, при Пушкине имение не было таким ухоженным. Но окружающая природа, весь воздух Псковщины, пропитанный не только трогательной застенчивой русской красотой, но и ощущением дыхания предков – все это было и при Пушкине и не могло не отразиться на духовном, творческом состоянии поэта.

Действительно, прогулки по окрестностям Михайловского, поход в Тригорское, где Пушкин нашел добрых, веселых друзей, походы в Петровское, более красивое и богатое имение предков, древние городища Савкина горка и Воронич, в которых по преданию, покоятся древние славяне и где неоднократно велись раскопки, все это казалось праздничным.

Вроде бы такие места невозможно причислить к местам наказания. Но если учесть, что Пушкин во время своей первой ссылки был совсем юным, то задумаешься. Ведь накануне ссылки он, недавно выпущенный из лицея, только начал входить в свет, танцевал на балах, завязывал знакомства, участвовал в литературных спорах, веселых пирушках. И вдруг его вынуждают уехать далеко от всех своих друзей и родных под надзор полиции. Туда, где люди живут совсем иной жизнью, где долгими зимними ночами «буря мглою землю кроет, вихри снежные крутя. ...». Что было делать длинными осенними вечерами? Ведь электричества то в те времена не было, да и дороги были не такими благоустроенными.

Именно поэтому приезд Пушина и Керн были для поэта таким праздником. Все-таки в деревне тогда (да и теперь) бывает и скучновато. Зато нам, экскурсантам, посещать такие края очень приятно и интересно. А при наличии фотоаппарата здесь легко получить такие чудесные снимки, рассматривая которые дома в плохую погоду, или когда сумрачно на душе, невольно улыбаешься, вспоминая эти места, по которым бродили когда-то.

Это я сфотографировала мостик в Петовском.

—
Пожалуй, последним крупным экскурсионным маршрутом по России была поездка на Валдай. Нас туда пригласила Наташа Матинян, которая вместе со своими студентами проводила какие-то почвоведческие работы на территории монастыря Нило-Столобенская пустынь, стоящего на берегу озера Селигер.

Вообще-то озеро Селигер состоит из минимум трех озер, соединенных между собой широкими протоками. Славится оно своей исключительно чистой водой и живописностью берегов. Воду здесь в монастыре берут прямо из озера, а мы, так как было жарко, пили ее даже некипяченую

Сам мужской монастырь, в наше время уже действующий, в истории впервые упоминается в XV веке. В те времена молодой монах по имени Нил из Великого Новгорода пришел сюда на маленький безлюдный остров в поисках уединения. Он соорудил себе крохотную келью и помещение для молитв. В молитвах он проводил все время, а спал стоя, не ложась на землю. Ему даже приходилось привязывать себя к столбу, чтобы нечаянно во сне не упасть на землю.

Вот такое вот наложил он на себя послушание. В молитвах и уединении он провел долгие годы, прославился как святой, а перед смертью завещал построить на этом месте монастырь.

Монастырь построили, дали название Нило-Столобническая пустынь или проще – Нилова пустынь. В России он пользовался большой популярностью, да и сейчас в туристических проспектах рассматривается как жемчужина Валдая.

Действительно, монастырь занимает небольшой островок, почти со всех сторон окруженный Селигером и отделенный от него каменной набережной. Мне показалось, что в архитектурном отношении строения напоминают Петербургский Смольный собор (а это – Растрелли).

Благовещинский храм и остроугольная колокольня этого монастыря – все это выглядит очень нарядно, празднично, совсем не похоже на Псковские или Новгородские довольно суровые храмы. Особенно по-петербургски в виде легкой постройки с колоннами выглядит центральный вход в монастырь.

Так как Наташа проводила почвоведческие исследования, заказанные самим монастырем, а ее студенты уже разъехались, то на нас с Игорем распространялась юрисдикция гостей, а это значило, что мы бесплатно столовались за одним столом с паствой и жили хоть и не в самом монастыре, но в расположенном неподалеку от него домике без удобств, предназначенном для паломников.

Условия были спартанские. Железные узкие койки с тонюсеньким матрасом и плоской подушкой, умывание – в Селигере, трапеза – за общим столом, где сидело несколько десятков монахов или странников. До обеда – благодарственная молитва. Далее служащий разносил в большом котле еду и разливал ее здоровенным черпаком. Во время еды – никаких разговоров. После еды – опять благодарственная молитва. Пища самая простая, посуда – оловянная.

Так как мы не участвовали в Наташиной работе, то нас привлекли к приготовлению еды – дали каждому по ведру картошки, которую надо было почистить и помыть. Картошка была мелкая и полу гнилая, лично я такую бы просто выбросила. Но мы послушно чистили.

Ужинали мы на своих койках, заваривая в кружках селигерскую воду с помощью своих кипятильников и заедая хлебом с маслом, причем это казалось очень даже вкусным. Очевидно, что питание в монастыре очень скромное.

Зато кругом – красота. Поднимались на колокольню. С нее великолепный вид на Селигер и окрестности. В воде как в зеркале отражаются деревья и кусты, вода сверкает, на синей глади кое-где темнеют одинокие лодки рыбаков. Даже видели небольшое колхозное стадо коров, которых в полдень пригнали на водопой. Вокруг такая спокойная, невозмутимая, грустная красота, что слезы наворачиваются.

Так подробно я описываю Нилово-Столбникский монастырь не только потому, что он эстетически красив и находится в таком живописном месте, а потому, что там я узнала то, что буквально перевернуло мне жизнь.

У входа в монастырь на стене была прибита белая мраморная доска, на которой написано о том, что в 1944 году здесь (или в этих краях) была расстреляна армия Крайовы.

Еще ранее до меня доходили слухи, что советские войска виновны в уничтожении перешедших на нашу территорию для совместной борьбы с фашизмом польских военнослужащих.

Я этому не верила, ругалась, утверждала, что такого просто не может быть. И вдруг я увидела эту доску. Честно говоря, я просто плакала.

Кто-то нам сказал, что поляки захоронены недалеко на старом деревенском кладбище. Мы сходили туда. Действительно, нашли небольшой холм, заросший зеленью, с крестом и надписью на русском и польском языках. На ветках окружающих его деревьев привязаны ленточки в цвете польского флага, есть засохшие цветы. Никакого мемориала там не было, но вид этого холма врезался в душу.

Еще долго после этого случая я не могла прийти в себя. Дома мне Игорь подсунул какую-то статью о Никколо Макиавеле, родоначальнике мировой политологии, который утверждал, что политика и мораль – понятия несовместимые.

Но это меня не убедило, ибо он то писал о средневековье, а в наше время такого не может быть. Поэтому после посещения Ниловой пустыни у меня на долго сохранялось ощущение побитой собаки. Мне было стыдно смотреть на поляков, я чувствовала себя виновной в этой трагедии.

И лишь совсем недавно я решила в интернете почитать об армии Крайовы. Из всего, что я прочитала, я поняла, что история не так проста и однозначна, хотя все равно трагична. Оказывается, армия Крайовы была сформирована из польских партизан под командованием находящегося в Лондоне польского правительства не только для борьбы с фашистской Германией, но и с Советским Союзом. И это понятно – ведь по пакту Молотова-Риббентропа еще в 1940 году Польша была поделена между Германией и Советским Союзом, так что и мы, и немцы были для нее оккупантами. Зачем мы это сделали – объясняется попыткой оттянуть начало неизбежной войны. Поэтому когда война все-таки началась, армия Крайовы принимала участие в сражениях как с немцами, так и с нами.

Но наша армия с кровопролитными боями переломила ход войны и уже к 1944 году перешла в наступление по всем фронтам. Сложилась парадоксальная ситуация – советская армия находилась далеко на западе, в Европе, и в частности, освобождала территорию бывшей Польши, а у нас в тылу, в России, оказались десятки тысяч вооруженных польских военных под недружественным к нам командованием польского генералитета, находившегося в Лондоне и враждебного Советской армии. Что следовало делать?

Но все равно, массовые расстрелы без суда и следствия – это преступление, даже если оно оправдывается стратегическими соображениям.

—
Из Ниловой пустыни мы, в не очень хорошем настроении, на своей машине перебрались в находящийся совсем рядом город Осташковичи. Он тоже стоит на берегу Селигера и тоже очень живописен. На наше время это был настоящий заповедник деревянного русского зодчества. Такое впечатление, что сюда не добралась блочно-барачная архитектура Хх века. В городе, участками напоминающем большое село, полно туристских объектов в виде храмов и старинных деревянных домов с резными наличниками и ставнями. Даже удивительно, как могли с помощью грубых инструментов создавать такое деревянное кружево.

С удовольствием гуляли мы по довольно извилистым улицам, благо, что погода стояла великолепная, посидели на берегу Селигера, заходили в разнообразные церкви, но я не помню, чтобы меня что-то удивило. Для этих мест характерно трогательное ощущение провинциальной, именно русской, жизни с ее неброскими радостями и скромным достатком.

Далее мы решили посмотреть знаменитый Иверский монастырь. Но чтобы добраться до него, надо было еще довольно долго ехать по Валдайскому краю.

Ехали мы по сельской грунтовой дороге, проезжали через небольшие лесочки, снова выезжали в холмистые луга. Проезжали небольшие деревушки, иногда с очень забавными названиями, в которых практически во всех избах резные наличники. Иногда деревянная

резьба покрывает весь дом, прямо кружевные избы, которые так и просящиеся на поздравительную открытку.

В одном месте мы застряли в глубокой колее, наши старания вытолкнуть машину из грязи не увенчались успехом, и пришлось долго ждать какую-нибудь другую машину, чтобы нас вытащили и мы могли продолжить движение.

Добрались мы, но это уже пешком, до самого высокого места Валдайской возвышенности. Хотя высота и небольшая (340 м), но ветер там был «умеренный до сильного», так что долго на ней оставаться не хотелось. Вершина отмечена здоровенным известковым валуном, а кругом – живописные пейзажи средне-русских просторов. Понятно, почему практически вся Валдайская возвышенность, кстати являющаяся водоразделом для ряда крупных рек, включена в природный национальный парк.

Спустились с холма и поехали дальше. Вдруг нашу дорогу пересек маленький каменистый ручеек, а у дороги – указатель: река Волга.

Конечно, мы вылезли из машины, попили водицы из этого тоненького чистейшего ручейка и сфотографировались рядом. Прямо какое-то чудо, стоять у истоков самой великой реки Европы.

Однако официальный исток Волги расположен немного дальше. Там построен прямо-таки туристский мемориал – к истоку через болото проложены деревянные мостки с резными перилами, в конце которых виден только пропитанный водой мох, а у начала этих мостков поставлен камень, на котором дана полная географическая характеристика реки Волги.

Почувствовав себя приобщенными к чему-то великому, мы двинулись дальше к Иверскому Богородицкому монастырю. Это действующий мужской монастырь, построенный в ХУІІ веке по приказу Никона по образу и подобию греческого монастыря на горе Афоне. Финансировал его сам Алексей Михайлович Романов.

Стоит он на небольшом островке на Валдайском озере и включает в себя целый ряд церковных сооружений, есть даже лечебный корпус. Но главное – это Успенский собор с пятью куполами, где хранится основная религиозная ценность – чудотворная икона Иверской Богоматери.

Монастырь владел обширными территориями Валдайской равнины, в нем находилось до 80-100 насельников. Там развивались различные ремесла. Однако процветал он недолго – после отмены крепостного права, а монастырь был здесь самым крупным землевладельцем, он стал постепенно ветшать. Часть церковного имущества была переправлена в Александро-Невскую лавру Петербурга, и уже к революции он находился в довольно заброшенном состоянии.

После революции в нем размещалась трудовая артель, после войны там был санаторий для инвалидов Отечественной войны, а к 90-ым годам на территории монастыря была туристическая база. Восстанавливаться как монастырь он стал с 1991 года. Во время нашего пребывания (а это были примерно 2002-2006 годы) там во всю шел ремонт. Ныне же, судя по интернету, ремонтные работы в основном закончены, и он сияет золотыми куполами.

Несомненно, это один из красивейших монастырей средней России, а Валдайское озеро и окружающие природные пейзажи придают ему дополнительное очарование.

После Иверского монастыря мы проезжали поселок Мясной Бор, где стоит беседка-часовня на месте массового захоронения советских солдат, ибо во время войны здесь шли страшные бои. В 1942 году здесь в окружение попала Вторая ударная армия Волховского фронта, пытавшаяся прорвать в 1941-42 годах блокаду Ленинграда. Погибли сотни тысяч солдат, как наших, так и немцев с союзными им в то время испанцами (так называемая, «голубая дивизия»).

Это не фигуральное, а действительное огромное поле боя, усеянное костями сражавшихся солдат. Когда мы там были, то на этом поле еще не было никаких деревьев, кустов, мемориалов. Стояла лишь легкая белая воздушная беседка-часовня с крестом, а за ней – поле, усеянное бесчисленными плитками, на которых выбиты имена погибших советских солдат, и поросшее травой.

Боже мой, сколько этих плиток, просто мороз по коже. А ведь они пытались спасти мой город от уничтожения и голодной смерти. Мне этот скромный мемориал показался воплощением ужаса войны, поражающим не менее, чем знаменитая картина Верещагина.

Где-то в стороне имеется и братская могила наших противников, но мы туда не ходили.

Затем путь лежал через Новгород, о котором я писала ранее. Все еще находясь под впечатлением валдайских захоронений, я как-то мимоходом любовалась Волховой, хотя, глядя на нее, сразу вспоминается Рерих и Римский -Корсаков. Также смутно помню посещение Ярославского дворища, да и самого кремля с детинцем. Поставленный в наше время памятник Александру Невскому кажется весьма импозантным, но воображение не трогает.

Пожалуй, больше всего мне на этот раз запомнилось посещение Хутынского женского монастыря. На настоящее время он действующий, а впервые о нем появились сведения в начале XII века. Снова мы поклонились могиле Державина, похороненного вместе с женой в Преображенском храме именно этого монастыря, попили целебную воду из колодца, вырытого в старину каким-то святым старцем, полюбовались на прекрасно отреставрированный храм (прямо евроремонт), колокольню, службы.

Но самое большое впечатление здесь на меня произвела монашенка, звонившая в колокол. Это была совсем молодая женщина с удивительным лицом. Черная мешковатая одежда и

уродливый клубок не могли скрыть стройности и гибкости ее стана, утонченной прелести ее лица. И хоть глаза ее были устремлены вверх на тяжелый медный колокол, но мне они показались огромными и темно-синими.

Что же заставило такую утонченно красивую женщину посвятить себя монашескому служению? Какие трагедии произошли в ее еще молодой жизни и заставили отказаться от подаренной ей Богом красоты? А может быть она действительно находит смысл жизни и красоту в своем служении? Для меня это загадка. Хотя может быть дело в какой-то особой духовной ауре этих мест? Ведь недаром к реке Волхове приурочено так много старинных храмов и монастырей.

В таком раздумье я и вернулась домой в Ленинград.

Пожалуй, это путешествие на Валдай было последней нашей с Игорем совместной длительной экскурсией по России. Дальнейшие наши путешествия ограничивались одним днем и были в основном сосредоточены либо в ближайших пригородах, либо в северной части Ленинградской области.

В основном лето мы теперь проводили в Кирилловском на Олиной даче, где помимо бытового комфорта, дачный поселок окружали чудесные в основном сосновые леса, по которым приятно гулять даже без какой-нибудь цели.

Из Кирилловского на машине легко добраться до Выборга, очень приятного и красивого города с богатым историческим прошлым, явно не российского облика. Один парк Кардиорг с его разнообразными гранитными скалами, соснами, очаровательными беседками и, конечно, живописными морскими извилистыми бухточками чего стоит. А в самом Выборге и знаменитая крепость, и узкие улочки, и дома, да и все вокруг дышит шведской аккуратной стариной. Интересно, но это явно не Россия.

Путешествие по Европе.

Но годы неслись с неумолимой скоростью, и вот мне стукнуло 70 лет. На эту дату Игорь подарил мне путевку на совместное недельное автобусное путешествие по Европе, а это как раз на Рождественские каникулы. Было очень интересно посмотреть, как Европа отмечает Рождество и Новый год.

Путь наш лежал через заснеженную Финляндию. Выехали мы из Ленинграда рано утром. Трасса «Скандинавия» нам знакома, так как мы по ней регулярно ездили в Кирилловское. Но все равно, сидеть в удобных креслах в теплом автобусе, глядеть на проплывающие мимо заснеженные леса и луга, да еще экскурсовод что-то время от времени рассказывает, было приятно.

Днем мы приехали на нашу границу в Торфяновку, где произошла первая заминка. Проверка наших документов продолжалась два с половиной часа. Наконец мы перешли в Финляндию, и тут уже на Финской таможне, выяснилось, что у сопровождавшей нас девушки-экскурсовода финская виза на следующий день кончается, то есть ее пропустить с нами не могут.

Пока суд да дело, наступил ранний зимний вечер, а мы все еще толпились на границе у автобуса. Тронулся он только с наступлением темноты, так что весь путь до Хельсинки мы проделали уже ночью и ничего кругом не видели.

Наш шофер, временно исполнявший роль гида, нас все время торопил, так как боялся опоздать на паром, на котором были заказанные для нас места. Поэтому по Хельсинки мы передвигались полу рысью. Шофер показал нам памятник Сибелиуса и центральную, самую нарядную площадь города. На ней стоит грандиозный памятник Александру 11 и находится кафедральный собор святого Николая. Все это выстроено в характерном для столичного Петербурга стиле и, на мой взгляд, является достойным воспоминанием того периода истории, когда Финляндия была частью Российской империи. Внешне вся площадь напоминает уголок Санкт-

Петербурга, тем более, что финский собор, строившийся одновременно с нашим Исааковским собором, имеет с ним немало общего.

Еще наш гид-шофер показал нам новый концертный зал, выстроенный в каменной скале. Вот это действительно здорово и необычно. С улицы – простой холм земли, поросший травой, слегка припорошенной снегом. Вход в него напоминает вход в какое-нибудь подземное бомбоубежище или овощехранилище. Но когда попадаешь внутрь, то диву даешься. Это огромное помещение округлой формы, вырубленное в гранитной скале. Стены из натурального камня, потолок в виде кружевной паутины соткан из тонкой медной проволоки, которой, как нам сказали, ушло на него 16 км. В результате получился огромный зрительный зал с исключительными акустическими свойствами и эстетически очень красивый. В нем проводят самые разнообразные мероприятия. Когда мы были, проходила репетиция симфонического оркестра.

Но долго оставаться там мы не могли – шофер торопил на паром, который должен увести нас дальше, в Европу.

Ехали мы по ночному городу, несмотря на приближающееся Рождество, довольно скромно освещенному, без пышных излишеств. Проезжали мимо какого-то кладбища, напоминающего сквер, в котором примерно однотипные могилки расположены в строгом порядке и без личных оградок. Практически на каждой из них горели лампы. Торжественно, достойно, красиво.

—

И вот, наконец, не опоздав, мы приехали в порт, где стоял паром «Изабелла», в котором для нас были забронированы места.

Мы вышли из нашего автобуса и по широким сходням поднялись на паром. Это огромное сооружение для перевоза уймы пассажиров, с одиннадцатью палубам. На 8-ой – ресторан и танц-зал. На закрытых палубах стоят удобные кресла для палубных пассажиров.

Момент отплытия я пропустила, так как мы все время находились в закрытых помещениях. У нас с Игорем в путевках были оплачены ужин и завтрак на пароме, поэтому мы напрямую направились на 8-ую палубу, тем более, что были очень голодны, так как в связи с организационными особенностями нашей поездки нам в течении дня негде было перекусить, а из дома мы взяли только по яблоку.

Зато в ресторане со шведским столом чего только не было... Игорь упирал в основном на морепродукты, я же, по-моему, прошла по всему меню. В результате мы наелись так, что мне казалось невозможным стронуться с места. Но Игорь меня уверил, что вернуть способность к передвижению нам поможет только танц-пол.

С трудом вылезли из-за стола и, повинаясь звукам музыки, пошли танцевать. В зале было полно танцующих европейцев, причем возраст подавляющего большинства был выше среднего, так что мы совершенно не выделялись среди общей массы. И туалеты были разнообразны, хотя встречались и вечерние платья. Среди танцующих были, как нам потом рассказывали, профессиональные пары, а также любители, покупающие билеты на паром только за тем, чтобы здесь потанцевать. В общем, атмосфера была очень приятная. Игорь во-всю разошелся, глядя на профессионалов. Он пытался и со мной совершать какие-то сложные танцевальные па. Но все-таки мне больше всего хотелось уйти и лечь.

Наконец мы спустились к себе в двух местную маленькую каюту со всеми удобствами, расположенную на второй палубе, и я тут же отрубилась.

Подъем был в 5 утра. И какой же дурак мог оплатить завтрак... Но мы все равно поднялись в ресторан со шведским столом, полный, как и вчера, всевозможными яствами. Лично я кроме двух стаканов грейп-фрутового сока ни на что и смотреть-то не могла.

Тем временем паром приближался к берегу. Вышло, что за все время пребывания на пароме, мы так и не увидели моря.

В Стокгольм мы прибыли в шесть утра, часа за два до восхода. Остановились мы в ожидании приезда к нам нового гида у какого-то старинного здания, в открытой галерее которого стояли металлические гробницы с лежащими в них рыцарями во всех металлических доспехах. Спросить, что это такое, было не у кого, но выглядело это довольно мрачно.

Мы с Игорем отошли в сторонку к гранитной набережной, и глядя на море без единой льдинки, наблюдали восход солнца. С погодой нам повезло. Было ясно, не холодно, т.е. никаких следов снега, и почти безветренно.

Восход оказался очень красочный. Вместе с ним из Ленинграда приехала и новый гид, симпатичная девушка Мария, с которой мы продолжали наше дальнейшее путешествие.

Пробыли мы в Стокгольме недолго, светлого времени часов шесть, но повидали много. Сам город несомненно красивый, имеет ярко выраженный столичный облик и чем-то напоминает Ленинград – такая же строгая северная красота. В нем наблюдается удачное сочетание готической старины, неоклассицизма и современных небоскребов.

Посетили Ратушу, Звериный остров, парламентский дворец, подъехали к королевской резиденции, посмотрели на ней торжественную смену караула.

В центре города походили по узеньким улочкам, даже заглянули в один магазин, соблазненный яркой новогодней рекламой. Он напоминал наш Питерский пассаж. Внутри прямо зимняя сказка. Украшения изысканные, подсветка замечательная, словом, есть что посмотреть.

У нас было даже с полчаса, чтобы самим походить по Балтийским гранитным набережным. Меня поразило обилие в воде лебедей и другой водоплавающей птицы прямо в центре города. Вероятно Стокгольм лежит на пути их осенне-зимней миграции.

Вышли на какой-то бульвар, на котором стояла статуя того самого Карла XII, который всю жизнь воевал с соседями. Но главным его делом была борьба с Россией. Именно его победил Петр I в Полтавском бою, именно за него, по словам А.С.Пушкина, Петр поднимал свой заздравный кубок, как за своего учителя. На памятнике Карл XII, изображенный во весь рост, простирает руку в сторону России, как бы указывая, куда надо двигать свои войска.

Но уже к 11 часам нас ждал автобус, чтобы везти дальше в Европу и, в частности, в Голландию. Я, конечно, пожаловалась на то, что у нас было слишком мало времени на осмотр такого красивого и интересного города, но девушка-гид успокоила, сказав, что на обратном пути у нас будет в нем более длительная остановка. А пока – вперед, на другой паром, который нас перевезет в Голландию.

Прекрасная автотрасса пролегла через слабо заснеженные леса и луга. Большая часть ее, вероятно, идет по Скандинавскому щиту, потому что по обоим сторонам дороги обнажаются граниты. Вероятно, именно для строительства этой дороги великий Нобиль разработал свой динамит.

Бросается в глаза забота местных властей о лесных фауне. Очень трогательно, что практически на всем протяжении дороги стоят дорожные знаки и высокие сетки, охраняющие диких животных.

Судя по времени, проехали мы километров двести, а то и больше. Если в начале пути и наблюдалась легкая заснеженность, то уже с середины снега мы больше нигде не видели.

Постепенно лес отступал, расширялся горизонт. Появлялись небольшие нарядные поселки в окружении скалистых и зеленых гор. Природа суровая, но красивая.

Остановились перекусить около живописного синего озера, рядом с которым красовались редкие шикарные коттеджи, окруженные ухоженной зеленью в традиционном рождественском украшении. Прямо как на рождественских открыток. Хотя по размеру и архитектуре дома разные, но все они выглядели как настоящие жилища миллионеров.

Полюбовавшись на прекрасный флор-дизайн и, как Эллочка Щукина, прикинув его к нашей даче в Кирилловском, я решила по проложенной тропинке спуститься к озеру, но не тут-то было. Игорь обратил мое внимание на вкопанные столбы с объявлениями, в которых на разных языках было написано, что проход по тропе запрещен, это частная территория. Вот это да! Нельзя подойти к природному озеру, оно частное. У нас бы такого народ не позволил. Вот они, разные стороны капитализма. Ворча на несовершенство мира, загрузились в автобус и поехали дальше.

В 10 вечера в темноте подъехали к небольшому портовому городку на юге Швеции, где нас ждал уже не такой огромный, но все равно комфортабельный грузовой паром. Здесь не

было особого обилия развлечений, но отведенная нам двух местная каюта была даже более комфортной, чем на «Изабелле», во всяком случае, был иллюминатор, хотя все равно за окном ночь и ничего не видно.

—
Прибыли мы в голландский Росток еще затемно. Около часа проторчали в порту – оформляли наш дальнейший проезд, и не видя города, поехали дальше по автобану.

За окном – низменная равнина. Кое-где вдоль дороги встречаются голые лиственные деревья, но в основном это ровная зеленая возделанная территория. Как нам сказала наш гид Мария, когда-то в старину здесь добывали соль, но сейчас все аккуратно засажено кормовыми и декоративными цветочными растениями. Встречающиеся поселки, по сравнению со шведскими, более скромные.

Вообще-то и общий вид Голландии из автобусных окон кажется довольно скучным, однообразным, никаких тебе лесов или хотя бы кустарников. Да и погода была сумрачно унылой. Единственно, что хоть немного веселило взгляд – это высокие ветряки, представляющие собой прикрепленные к врытым в землю металлическим или цементным опорам большие трехлопастные медленно вращающиеся пропеллеры. Ставят их для получения дешевой а главное, экологически чистой электроэнергии на наиболее ветренных участках равнины, в том числе, разумеется, на редких пологих холмах, где они стоят как в одиночку, так и в более тесной компании. У нас в те времена я таких не видела, поэтому было интересно.

К вечеру прибыли в Амстердам, столицу Нидерландов. Честно говоря, я очень мало, что запомнила в этом городе. Правда здесь я впервые узнала, что Нидерланды и Голландия – это не одно и то же. Оказывается, что Голландия – это лишь материковая часть Нидерландов, а большую ее площадь занимают многочисленные острова, рассеянные далеко по Атлантическому океану. Знаю также, что Амстердам – это столица и крупный порт этого королевства, а более половины территории Голландии находится ниже уровня моря.

В столице есть много музеев, театров и других культурных заведений. Мы попали туда уже вечером и гуляли по городу без экскурсий. В центре запомнились довольно многочисленные реки и каналы с пришвартованными различными плав.средствами. На них живут люди, ведут свое хозяйство. Некоторые из этих жилищ выглядят весьма комфортабельно, другие – более скромно.

Наверное это романтично жить на воде, но когда на улице холод и сырость, мне кажется более приятно находиться на суше. Сами набережные застроены невысокими узкими старинными разноцветными домами.

Весь этот вид старинных пестрых домов, каналов с плотами-кораблями, разукрашенными домашним скарбом, живописно отражающийся в воде, не раз вдохновлял голландских художников на создание своих шедевров. Ими можно полюбоваться во многих мировых музеях, и в частности, в Эрмитаже.

Но вынуждена признаться, что на меня наиболее сильное впечатление от краткого пребывания в Амстердаме оставило не посещение музеев или дворцов, а квартала «красных фонарей». Все-таки мы всю жизнь прожили в довольно пуританской стране, подобное было нам в новинку.

Больше всего меня поразила какая-то цивилизованная, упорядочная деловитость происходящего. В центре города мы прогуливались по аккуратной хорошо освещенной обычными фонарями улице, живой обычной жизнью. Публика самая разная, в том числе и родители с детьми. Такое впечатление, что все заняты своими повседневными делами и не обращают

особого внимания на расположенные в первом этаже высокие стеклянные витрины. Ну а мы то обращали на них самое пристальное внимание. Все первые этажи домов были застеклены и разделены на небольшие отсеки в виде пеналов – окно и узкая стеклянная дверь. Часть из них была задернута шторкой. В каждом окне на стуле сидело по женщине в умеренно открытых (но не вульгарных) туалетах. Возраст и внешний вид самый разный. Никаких зазывных жестов, призывных взглядов, ничего непристойного. Они просто сидели и смотрели куда-то вдаль, некоторые перелистывали журналы или пили кофе. Иногда стеклянная дверь одного из «пеналов» открывалась, в нее входил мужчина. Женщина со стула вставала и опускала свою шторку. Вот и все. По- деловому и как-то неинтересно. Никаких тебе страстей, пусть даже низменных, все очень пристойно, культурно, чинно и скучно.

Короче, Голландия мне показалась благовоспитанно- лицемерной страной, в которую, несмотря на ее живописные каналы, я не хотела бы снова вернуться. Кстати, говорят, что там, в рамках борьбы за соблюдение прав человека, официально разрешено употребление наркотиков.

—
Из Голландии наш автобус незаметно перевез нас во Францию. По пути мы переночевали в городе Лиль, который я абсолютно не помню, и уже к 12 часам были в Париже.

Согласно плану, у нас была автобусная экскурсия по центру города. Конечно, из окон автобуса город не почувствуешь, но самые первые впечатления получишь. Помню, меня поразило отсутствие пробок – практически мы везде проезжали свободно, постояли, да и то немного, лишь на площади Согласия. Вообще мне показалось, что в Париже, впрочем также, как в Стокгольме, на улицах мало машин, во всяком случае, они там не паркуются, не то, что у нас.

Что и говорить, Париж – прекрасен. И улицы в целом, и отдельные дома с большим вкусом декорированы, чувствуются новогодне-рождественские праздники.

Проезжали мы мимо исторических зданий, но так как у нас был лишь купленный в Ленинграде краткий путеводитель, а объяснения нашего гида Марии типа «посмотрите налево, посмотрите на право», с учетом скорости передвижения автобуса, не всегда позволяло мне их идентифицировать. Исключением, пожалуй, был Дом инвалидов, в котором, как я знала, захоронен Наполеон. Там, по моей просьбе, мы остановились буквально на несколько минут. Это очень красивое здание с огромным золотым куполом, построенное еще Людовиком Великолепным специально для солдат, искалеченных во время многочисленных войн. Здесь был для них и приют, и некрополь. Именно сюда привезли тело Наполеона, умершего далеко на острове Св. Елены. Его тело замуровано в огромном саркофаге, высеченном из особо прочного порфира, кстати, подаренного русским императором. Лично я внутрь не заходила, но знаю, что это одно из главных достопримечательных мест Парижа.

Проезжали мы и мимо Триумфальной арки, являющейся официальным центром Парижа, и стоящей на площади де-Голя на Елисейских полях. Так как здесь был небольшой автомобильный затор, то мне удалось сделать неплохой снимок. Конечно, это грандиозное и очень красивое сооружение, построенное в честь побед Наполеона, которое надо рассматривать в деталях, на что у нас не было времени.

Мы торопились на заказанную для нас на определенное время экскурсию в музей духов. Там очаровательная француженка по-русски с легким акцентом рассказала о различных технологиях и ингредиентах производства французских духов, давала нам понюхать как наборы различных трав, применяемые для изготовления тех или иных духов, так и сами духи. В завершении нам позволили купить различные наборы по своему желанию, с учетом тех ароматов, которые нам понравились. Понятно, что практически все, в том числе, конечно, и я, этим воспользовались.

Я до сих пор не выбросила коробочку из-под этих духов, она все еще сохранила свой аромат, а также воспоминания о той француженке. Ну чем она взяла? Она же была просто миловидной. И туалет на ней был самый простой – довольно строгий английский костюм, разве что небольшой пестрый шейный платочек. Да и туфли самые обыденные, правда на небольшом каблучке. И держалась она очень просто, в меру приветливо. Но вот прошло столько лет, а не забыть ее облик. Сейчас мне кажется, что причиной ее французского очарования было рафинированное ощущение самодостаточности, самоуважения, а ведь это те качества, которых, как мне кажется, у нас, у русских, исторически не хватает.

После музея духов, автобус привез нас в нашу гостиницу куда-то к Северному вокзалу. Это оказался небогатый квартал, по большинству населения названный «индийским», хотя, как мне показалось, в основном на улицах встречались выходцы из Ближнего Востока. Он плотно застроен невысокими домами. Гостиница, как и наш двухместный номер, весьма скромная. Нам дали один час для свободных прогулок, а затем автобусная экскурсия будет продолжена.

Мы пошли бродить по кварталу, все время опасаясь заблудиться. Подошли к Северному вокзалу. Вообще-то я была несколько шокированной. Надо напомнить, что на дворе стоял конец декабря 2006 года, т-е настоящая зима с температурой около нуля градусов. Никаких еще событий в Сирии, Ираке или Ливии, повлекших наплыв беженцев, не было. Тем не менее вдоль домов довольно часто встречались лежащие в спальных мешках бездомные, и никто не пытался их куда-нибудь переместить в теплое помещение. Полицейские спокойно проходили мимо.

По узеньким улочкам мы пошли дальше в поисках какого-нибудь недорогого французского кафе, где можно было бы заказать чашечку кофе и какой-нибудь национальный десерт. Но свободный час уже подходил к концу, а ничего подходящего не встречалось. Наконец, нам пришлось в какой-то забегаловке заказать себе по самой обыкновенной пицце и гамбургеру. Глотая эту «французскую пищу» на ходу, мы устремились к нашему автобусу.

Итак, во второй половине дня мы направились в новый деловой центр Парижа –La Defans, построенный в конце XX века по указу бывшего президента Франции Миттерана на некотором отдалении от исторической части города. Он расположен на основной исторической оси Парижа, идущей, от Лувра через триумфальную арку на северо-восток. Этот комплекс зданий производит прямо ошеломляющее впечатление. Кажется, ты попал в какой-то фантастический город будущего.

Когда мы приехали в La Defance, людей мы там не видели – это было около шести вечера, а магазинов, развлекательных учреждений и жилых домов здесь, похоже, нет.

Каждое здание имеет свое имя и не похоже на соседа. Все грандиозно и как-то подавляюще. Но самой грандиозной является невероятной высоты арка между двумя домами, в которую, по словам Марии, мог бы поместиться Собор Парижской Богоматери и которая является завершающим звеном исторической Парижской оси.

Усталые и подавленные, мы уже в темноте возвращались в основной Париж. Путь лежал через Булонский лес. Я попросила Марию притормозить автобус чтобы хоть что-нибудь посмотреть в этих исторических местах. Но она ответила, что это невозможно, так как Булонский лес сейчас считается значным местом, находиться в котором по вечерам небезопасно. Действительно, нам навстречу попались несколько полицейских машин с мигалками, при виде которых какие-то фигуры спешили укрыться в темноте деревьев. Приехали в свою гостиницу уже ночью и сразу же завалились спать.

На следующий день рано утром, съев причитающийся нам французский завтрак (булочка с маслом, круассан с джемом и кофе), мы вышли для более плотного знакомства с исторической частью города. Первым делом у нас был поход в Лувр.

Если когда-то, во времена моего первого однодневного посещения Парижа, я в основном бегала вокруг Лувра, заглядывая во внутрь лишь через стеклянные пирамиды, то на этот раз нам удалось попасть именно в музей и присоединиться к русско-говорящей экскурсии. Несомненно, это великолепный дворец и великолепная коллекция картин, сравнить которую можно разве что с нашим Эрмитажем. Наш экскурсовод оказался очень знающим, много рассказывал про каждый зал и отдельные картины. Он сообщил, что в Лувре выделяются шесть шедевров мирового уровня: это 1) безголовая фигура Ники, 2) Венера Милосская, 3) Мона Лиза Леонардо-да-Винчи, 4) Прекрасная садовница Рафаэля, 5) фреска Боттичелли, 6) умирающий раб Микельанжело.

Самое большое впечатление на меня произвела буквально летящая Ника. Это огромная мраморная фигура размером 3,28 м, когда-то располагавшаяся на носу корабля как аллегория победы. Какого-же размера были античные корабли в те давние времена (около 190 года до новой эры, как следует из путеводителя). Сколько экспрессии в этой безголовой фигуре... И как она удачно размещена в Лувре – на верхней площадке широкой лестницы, что как-то подчеркивает ее стремление вперед и вверх... Несомненно, это воплощение гениальности античной эпохи.

Конечно, и остальные шедевры прекрасны (на мой взгляд, особенно Боттичелли), но все это не удивило, ибо было уже известно по репродукциям.

После часовой экскурсии, во время которой я узнала, что древние греки ваяли из бронзы, а римляне – делали копии этих скульптур из мрамора, мы еще часа два самостоятельно бродили по залам. Несомненно, Лувр – один из самых крупных и величественных музеев мира.

Совершенно случайно мы попали в раздел древне-египетского искусства. Там, опять-таки, совершенно случайно, наткнулись на стенд, посвященный финикийскому искусству. Я была снова прямо сражена. Там выставлено несколько погребальных портретов (условно второй век новой эры). Это роспись восковыми красками по дереву (так написано), хотя внешне это напоминает роспись красками по бронзе. Представленный там погребальный портрет молодой женщины производит необычайное впечатление. Он небольшой, примерно 40х50 см, на нем изображено живое лицо молодой красавицы лет 20, с открытыми прямо-таки сверкающими черными глазами. Портрет как будто бы только что написан золотыми красками, а сама женщина – наша современница, восточная красавица. Ничего подобного я никогда не видела.

После Лувра, переполненные впечатлениями, мы отправились на остров Сите – сердце Парижа, с которого, как написано в путеводителе, и начинался город. Вообще то это маленький остров на реке Сене, который можно спокойно обойти за несколько часов. Но на нем сосредоточено три самых известных в Париже исторических здания готического стиля. Из них самое главное – это Notre Dame de Paris (собор Парижской богородицы). Он строился еще в XI веке на так называемом «месте силы», то есть на развалинах предыдущего святилища. Поэтому считается, что в нем присутствует особо сильная духовная аура.

Внешне этот самый крупный католический собор является классическим образцом ранней готики. Его можно долго разглядывать и он очень интересен, особенно не с парадного входа, а сбоку, со стороны берега Сены.

Внутри собор функционирует и как музей, и как религиозный центр. Причем музейные стенды расположены по периметру всего собора, а центр занят под храм, где ведутся службы и находится чудесный орган.

К сожалению, у нас было слишком мало времени, чтобы рассмотреть все чудеса, имеющиеся в соборе. Помню только, что на одной из витрин демонстрируется гвоздь с креста, на котором распяли Спасителя, и еще какие-то невероятно ценные и древние реликвии.

Хорошо бы, чтобы и у нас, в Питере, таким же манером обустроили Исааковский собор – и как музей, и как храм.

Когда мы пришли в собор, там проходила распевка хора (прекрасная акустика), звучал орган, в полутемном помещении готовились к завтрашней Рождественской мессе. В высоких вазонах стояли роскошные букеты белоснежных лилий.

Мы обошли музейную часть собора, поставили свечи в красивые светильники, немного послушали хор и поспешила на улицу. Обошли собор, полюбовались химерами, само собой вспомнили Гюго, и тронулись дальше ко второму историческому объекту.

К сожалению, у нас было слишком мало времени, поэтому остальные достопримечательности Сите нам пришлось осматривать на бегу.

Совсем близко от Нотр Дама находится исключительный по красоте небольшой готический собор Сен-Шапель – святая капелла. Она строилась в XII веке специально для хранения святых реликвий, захваченных во время Крестовых походов, в частности, тернового венца, который был на Иисусе. К сожалению, мы туда не заходили, а только мимоходом полюбовались великолепными витражами над центральным входом, прекрасной высокой решеткой, чем-то напоминающей решетку Летнего сада в Петербурге, и остроконечными готическими вершинами с крестами, придающими собору прямо-таки кружевной облик.

Третий исторический объект острова Сите – Консьержери – бывший королевский замок и старейшая тюрьма, откуда на казнь везли Марию Антуанетту и других исторических личностей. Времен Французской революции. Разглядеть это сооружение совсем не было времени. Ступались сумерки, может быть поэтому мне оно показалось каким-то мрачным, не привлекательным. Это тебе не буквально сказочная красота Сен-Шапеля. Сейчас здесь музей. Насколько я знаю, именно со строительства этого замка – резиденции короля, началось формирование первого французского государства.

Буквально бегом через какой-то маленький мостик перебрались обратно на материковую часть Парижа, пронеслись по правому берегу Сены мимо различных красивых исторических зданий, которых у меня не было времени идентифицировать, и примчались к Эйфелевой

башне. Около нее у знаменитого моста, когда-то подаренного Франции русским императором, у нас была встреча с нашим гидом Марией. Она купила для нас билетки на последний экскурсионный кораблик по уже ночной Сене.

Часовая прогулка оказалась очень приятной. Кресла были снабжены наушниками, в которых можно было выбрать нужный для экскурсанта язык. Кораблик шел по извилистой и узкой Сене, в наушниках на прекрасном русском языке экскурсовод давал краткие пояснения медленно проплывающим зданиям, однако большую часть пути в наушниках звучали очаровательные, знакомые нам мелодии и песни про Париж Шарля Азнавура.

Мы отдохнули и снова были готовы для новых впечатлений.

Высадили нас у моста Александра III, и мы самостоятельно, уже по карте, двинулись по ночному Парижу. Выбрались на Елисейские поля, дошли до площади Согласия (по-моему именно на ней стояло огромное, ярко освещенное колесо обозрения, видное как ориентир из различных уголков ночного Парижа). Полюбовались на прекрасно декорированные витрины магазинов, даже зашли в один из них.

Мне показалось, что на Елисейских полях нет особо больших магазинов, да и народу не так-то много. Только по возвращении домой я узнала, что большая часть торговых площадей расположена в нижней, подземной части, а мы туда и не заглядывали. Впрочем, денег у нас с собой было маловато, и покупать мы ничего не собирались.

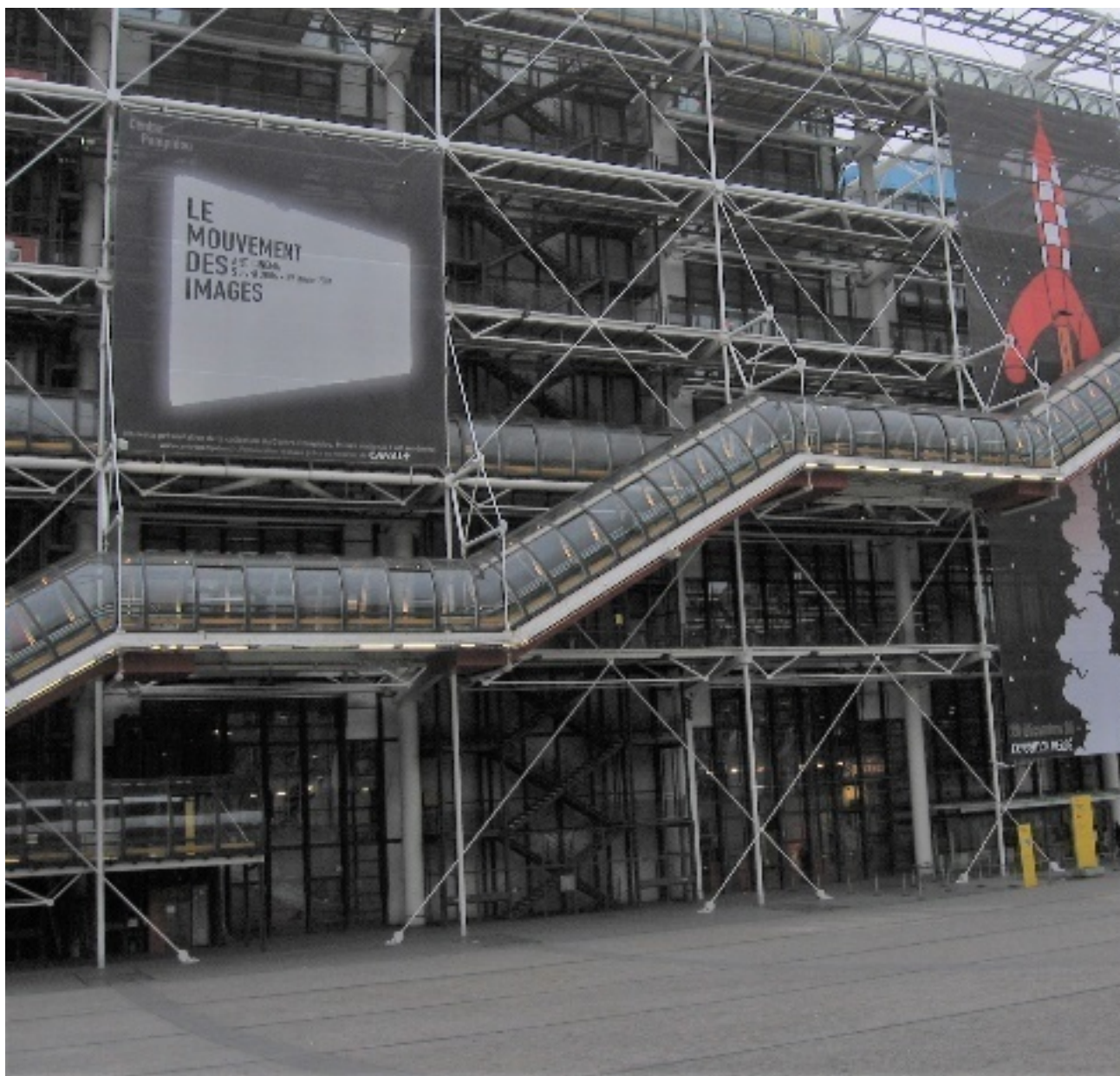
Зимой Елисейские Поля выглядят не так оживленно и нарядно, как летом (см. фото моего первого однодневного посещения Парижа). Здесь нет выносных кафе на свежем воздухе под разноцветными тентами. Кроме того, деревья (вероятно, это каштаны) без листьев выглядят довольно неприглядно, у них некрасивые бугорчатые стволы. Поэтому мы решили свернуть с Елисейских Полей направо, и по карте двинулись в сторону театра Гранд Опера.

Попадались совершенно ослепительно декорированные дома и витрины. Мы остановились около одной из них, где толпился народ с детишками. За стеклом развивалось прямо-таки марионеточное представление. Маленькие забавные фигурки бегали, прыгали, катались на санках, играли в снежки, и все это на ярком праздничном новогоднем фоне. Действительно, забавно, весело и высоко технологично.

Еще раз, полюбовавшись чудесной праздничной иллюминацией города и осознав, что наши силы на исходе, мы спустились в довольно темное Парижское метро и с пересадками доехали до нашей гостиницы. Спали, как убитые.

Следующий день – Рождество, был посвящен центральной части Парижа. Сначала поехали в квартал Маре, где расположен, так называемый, центр Помпиду. Это выставочный зал, внешне являющийся образцом современных архитектурно-строительных изысков, совершенно непонятных такому неискушенному зрителю, как я. Главное в архитектуре этого комплекса то, что все коммуникационные трубы расположены на внешней стороне здания. Это и водопровод, и канализация, и отопление, и всякие кабели. Короче, дом опутан сетью разноцветных труб, придающих впечатление незаконченной стройки. Внутри это помещение мне показалось очень комфортабельным, строго красивым, деловым. В нем можно устраивать и выставки, и всевозможные конференции или концерты.

От центра Помпиду, мимо бывшего Парижского большого рынка, а ныне- застекленного торгового комплекса, по узенькой улочке, где в одном скверике роскошно цвел куст красных роз (это-то в конце декабря), мы подошли к церкви Сент Эстаж, рядом с которой лежит огромная каменная голова, ставшая одной из известных достопримечательностей Парижа. Это «слухач», прильнувший ухом к парижской земле и знающий все ее тайны.

Полюбовавшись «слухачом», мы направились в Сент-Этаж. Кто-то мне сказал, что именно в этом соборе находится один из лучших в Париже органов.

Мы успели как раз к началу Рождественской службы. В храме было много народа, но для нас все же нашлось местечко. Пел хор, играл орган, было торжественно и красиво. Полчаса мы, как на концерте, сидели и наслаждались музыкой. К сожалению, время у нас было строго нормировано, поэтому пришлось двигаться дальше.

Направились мы к Эйфелевой башне. Я уже была здесь летом, но сейчас зимой появилась возможность купить билет и подняться наверх. Вообще то, вблизи Эйфелева башня, на мой взгляд, выглядит как огромное, довольно грубое техногенное сооружение, не обладающее привлекательностью. Но зато издали она смотрится весьма грациозно, декоративно. Особенно она

хороша ночью, так как на ней великолепная, меняющаяся подсветка, прямо световая музыка, видная из разных районов Парижа.

Мы поднимались на два яруса вверх. Отсюда должна была открыться широкая панорама города, но, к сожалению, погода в этот день была пасмурная, ветреная, так что Париж с высоты частично скрывался в тумане, а то, что видели, без экскурсовода было трудно идентифицировать. Несмотря на пронизывающий ветер, я сделала несколько панорамных снимков, и мы поскорее спустились вниз.

Вокруг Эйфелевой башни широко раскинулись скверы и газоны. На них во всю цветут декоративные разноцветные капусты, некоторые кустарники тоже зеленые. Среди зеленой травы деловито расхаживают многочисленные скворцы. Возможно это стаи, прилетевшие сюда от нас на зимовку.

После Эйфелевой башни мы вместе с экскурсионной группой тронулись на Монмартр. Это один из немногочисленных районов города, полностью застроенный старинными домами. Узкие извилистые улочки поднимаются вверх по склону холма, почти все они вымощены булыжником. Дома небольшие, разноцветные, уютные. Чувствуется, что здесь жила, да и сейчас живет творческая богема. На маленьких площадях, на перекрестках дорог книжные развалы и картинные галереи, где торгуют сами художники.

Мы прошли мимо дома, где находится музей Сальвадора Дали. Здесь в виде мемориальной доски поставлен ему очень своеобразный, сюрреалистический памятник. Это пробивающийся через каменную стену людского непонимания человек, вернее, его голова, рука и нога, что символизирует художника, несущего консервативному миру новое искусство.

На самой вершине холма построен относительно новый для Парижа белоснежный огромный храм Сакре-кер, помоему самый большой в городе. Конечно, он по своей архитектуре резко отличается от французских соборов, мне он сразу же напомнил индийский Тадж Махал. Но все равно, он очень красив, кажется каким-то сияющим, солнечным (несмотря на пасмурную погоду), с любовью взирающим со своей высоты на раскинувшийся внизу город.

Около собора было довольно много народа, в том числе, нищих, в основном, индийцев. Прямо у входа в храм на земле сидела в сари молодая босоногая девушка необычайной, ошеломляющей красоты. Я была так поражена ее обликом, что во время экскурсии по собору ничего не видела и не слышала, а только думала о том, что выходя, я ей дам денег и попрошу разрешения ее сфотографировать. Но когда мы вышли, девушки уже не было, вместо нее сидела какая-то другая пожилая женщина.

Полюбовались на полускрытый в тумане город и стали медленно спускаться по склону вниз по широким каменным лестницам мимо зеленых холмов и кустарников.

Тем временем наступил последний вечер в Париже. Мы уже без экскурсовода побродили по городу, полюбовались его яркими праздничными витринами, были и у Вандомской колонны, и на Гревской площади, сходили на книжный развал на набережной Сены, были еще в каких-то литературно известных местах, и снова, усталые и переполненные впечатлениями, на метро вернулись в гостиницу.

На следующий день мы были уже в Германии. Первая остановка была в Гамбурге, городе с очень тяжелой судьбой. За его историю он был не раз разрушен, в нем свирепствовали грандиозные пожары и страшные эпидемии.

Во время последней войны город был полностью разрушен американской авиацией. В результате в городе не сохранилось ни одного старинного дома. Все дома и многочисленные мосты – новодел. Тем не менее отстроенные в городе живописные островерхие кирхи в готическом стиле придают ему своеобразное очарование. Да и сами дома добротные, светлые, красивые.

Посетили шикарное большущее здание Ратуши, побродили по его огромной приемной. В центральном дворике Ратуши находится фонтан со статуей обнаженной женщины. Это Гиги-

ена. Она должна напоминать жителям о необходимости соблюдать чистоту, иначе их могут поджидать страшные эпидемии.

Погуляли по городу. Всюду чисто и аккуратно. Много неинтересных мостов через каналы, даже больше, чем в Амстердаме, но они почему-то не придают городу особой живописности.

Пожалуй только одно место в городе меня тронуло до слез. Это маленький скверик, разбитый у обломков стены огромного каменного храма, сохраненного как мемориал. Рядом с этой стеной – небольшая фигура женщины, стоящей на коленях с молитвенно сложенными руками. Она смотрит вверх, в небо, откуда могут прилететь бомбардировщики, и молится. К телу женщины плотно прильнул стоящий голый ребенок. Он у матери ищет спасения, обнимает ее, широко раскинув руки в виде креста. Это воплощение покорного ужаса и неминуемой гибели. Но, с другой стороны, это ведь Мадонна с младенцем, может произойдет чудо, они спасутся, их ждет иная жизнь...

Во всяком случае, это один из наиболее эмоциональных памятников, посвященных войне. По силе воздействия я могу его сравнить разве что с виденным мной в Беларуси одиноким поросшим травой высоким холмом, из вершины которого торчит солдатская рука с зажатым в ней автоматом.

Далее наш путь лежал в Любек. Когда-то этот город конкурировал с Гамбургом как торговый центр, но постепенно он сдал свои позиции. Вероятно, это ему помогло во время Второй мировой войны – он остался практически не затронутым боями, то есть сохранил свой средневековый облик.

Город хоть и небольшой, но очень живописный, в нем полно средневековых строений, домов, крепостей, остроконечных готических кирх. Все они выглядят ухоженными, нарядными, красиво украшенными к Рождеству. Такими же нарядными выглядят и довольно многочисленные суда на каналах.

Походили по городу. В нем много нарядных магазинов, однако в честь праздника – закрытых. Открытым оказалась лавка – музей рыцарских доспехов. В ней на стенах были развешены различных фасонов кольчуги, латы, всевозможные рыцарские прикрасы как для воинов, так и для их коней. Что-то можно было даже купить, правда в нашей группе ценителей средневековья не нашлось.

Вышли на центральную площадь, где звучала музыка и на возвышении был залит небольшой публичный каток. Приятно было смотреть на горожан разного возраста, которые под приятную, не оглушительную музыку очень дисциплинированно, не сбивая друг друга невзирая на тесноту, катались и парами, и в одиночку.

Зашли к какою-то кафешку и отведали настоящих немецких сосисок. Игорь не удержался, и взял себе пива.

Короче, Любек нам по всем показателям очень понравился.

Выехали мы отсюда уже поздним вечером и направились к парому, чтобы вернуться в Швецию. У нас снова была двухместная каюта, однако спать особо не пришлось. Уже через три часа наш паром прибыл в тот шведский порт, откуда мы въезжали в Европу. Не выспавшиеся и сердитые, мы снова загрузились в свой автобус и поехали назад в Стокгольм по уже знакомой дороге.

Снова убедились, что Швеция – живописная страна. На ночь остановились в уже описанном поселке у озера, где каждый дом – это комфортабельная вилла. Но в этот день солнце ярко светило, озеро, к которому проход не разрешался, изумительно и призывно сверкало, а с окрестных лесистых и заснеженных вершин туристы планировали на дельтапланах или лыжники летали под разноцветными куполами, что придавало пейзажу особо праздничное настроение. В этом поселке мы переночевали в довольно комфортабельном отеле, и утром поехали по Швеции дальше.

В Стокгольм мы прибыли уже вечером. Нас повезли на Звериный остров, где сосредоточено много музеев. Однако то ли из-за позднего времени, то ли из-за праздников, открытым был только один музей – Музей затонувшего корабля, куда мы и отправились.

Вход в музей стоил 10 долларов (для сравнения скажу, что вход в Лувр стоил 8 долларов). Действительно, музей странный. Он сделан для одного конкретного средневекового корабля, построенного в XV11 веке и затонувшего практически сразу после спуска на воду вместе с командой и многочисленными гостями на виду у многочисленных горожан. В то время эта катастрофа рассматривалась как невероятный позор для страны, король под страхом смертной казни запретил о ней любое воспоминание, поэтому с годами жители Стокгольма о ней действительно забыли. Несколько сот лет корабль пролежал на дне, и лишь во второй половине XX века его подняли, отреставрировали, и вот теперь он является популярным и дорогим туристическим объектом.

Действительно, это огромное судно высотой с четырех-этажный дом. Выстроен оно целиком из дерева. В нем несколько палуб, много интересного, преимущественно деревянного навигационного снаряжения, а также различных резных, иногда очень красивых изделий. Кажется странным, что в такую старину люди могли сооружать такие гигантские корабли. Хотя, если вспомнить Лувр и богиню Нику, украшавшую нос древнегреческого судна, понимаешь, что мы высокомерно недооцениваем возможности наших предков.

Туристы обходят этот огромный корабль по трем или четырем уровням. Представления о внутреннем строении судна можно получить, разглядывая различные экспонаты, выставленные рядом с корпусом корабля. Можно уверенно сказать, что с точки зрения быта, средневековые моряки должны были быть спартанцами.

В музее демонстрируется не только компьютерная модель этого корабля, но и предоставляется возможность посетителям с помощью компьютера реставрировать его строительство, его потопление, а также попытаться предотвратить эту катастрофу. Конечно, ребятишкам это очень интересно.

Вышли мы из музея уже ночью и поехали в порт на паром (на этот раз не «Изабелла», но такой же огромный), чтобы вернуться в Финляндию. На пароме было также много народа. Мы поднялись снова на 8-ой этаж в ресторан, но уже, наученные предыдущим опытом, не набрасывались с жадностью на все многочисленные яства, поэтому могли с удовольствием присоединиться к танцорам. Сытые и довольные, мы спустились в нашу маленькую благоустроенную каюту и часа два покемарили.

Прибыли в Финляндию еще затемно, погрузились на свой автобус и целый день практически без остановки ехали по уже знакомой, очень приятной дороге. Примерно с полпути снова появился снег, но на качестве трассы это не отразилось. Уже когда стемнело, подъехали к какому-то известному для туристов пункту, все из автобуса вылезли и пошли в продуктовый магазин. Там закупали преимущественно рыбные деликатесы. Я, подчиняясь стадному чувству, тоже что-то купила к праздничному столу, хотя мне показалось, что здесь все очень дорогое, но, как сказал Игорь, свежее.

К границе прибыли уже в полной темноте. Там нас снова долго мурыжили, особенно на российской территории. И вот мы едим по нашей «скандинавии», проезжаем ярко освещенные, в новогоднем уборе знакомые поселки.

Прибыли в Ленинград в 8 часов вечера, и могли из автобуса любоваться новогодним украшением нашего города. Право, у нас не хуже, чем на западе. Наша телевизионная вышка мерцала звездами, затмевая даже Эйфелеву башню, мосты над Невой, да и вообще весь центр, особенно Невский – просто сиял. Короче, вернулись домой с большим удовольствием и полные впечатлений.

Поздний вечер. на работе и в кругу семьи.

С радостью отметили Новый, 2007 год. Собрались дети, внуки, раздали мы им сувениры. Мне, как имениннице, надарили разные очень милые подарки. За столом было весело, никаких тревожных предчувствий, наоборот, ну что такое 70 лет? До настоящей старости еще так далеко. Еще не раз мы съездим в новые страны, да и Россия – необъятна, ведь есть Алтай, Саяны, Байкал, да еще мало-ли чего.

Но, как говорить, человек предполагает, а Бог располагает. Вроде бы все шло мне на встречу. На работе мне предложили на лето командировку на Байкал. Я должна была вместе с двумя молодыми специалистами как консультант участвовать в описании строения разрезов кембрийских пород. Намечалась полноценная экспедиция на природу.

Но я струсила. Ведь я ничего не знаю о геологии этого региона, какой же я консультант? Конечно, можно почитать в литературе, но мне казалось, что в моем возрасте стыдно демонстрировать свою некомпетентность перед совсем незнакомыми молодыми людьми. Я отказалась, говоря себе, что мы с Игорем потом съездим на Байкал как туристы.

А летом Игоря не стало – нелепый несчастный случай по пути на дачу в Бор, где мы с внучкой Катюшей ждали его. Что и говорить, шок был еще тот. А главное, меня не оставляло ощущение собственной вины – ведь если бы я не отказалась от командировки, то все сложилось бы совсем иначе. Ощущения мои отражены в маленьком четверостишье:

Кажется, кончилась жизнь

Не вынести боль мне и страх.

Но все-таки вынесла все

Только не спрашивай, как...

Итак, уже дальше идут годы без Игоря, то есть, годы личного одиночества .

На работе, по-прежнему, плохо. Институт в состоянии стагнации, однако в наш отдел все же поступают кое-какие средства для выполнения краткосрочных заданий.

Единственной темой, в которой наш отдел принимал самостоятельное участие, было суб-подрядное задание от Газпрома, по которому мы должны были оценить коллекторские возможности пород отложений Восточной Сибири в районе прохождения строящегося газопровода в Китай. То есть иметь резервы углеводородов на случай, если трубу будет нечем заполнить.

Что и говорить, тема вроде бы актуальная, государственного уровня, однако финансировалась плохо, да и фактических материалов по ней было слишком мало. Приходилось рыться в старых институтских фондах, выискивать имеющиеся данные в открытой печати.

Но с переходом на капиталистический путь развития страны, когда частные кампании ведут разведку в пределах своих территорий и полученные новые геологические материалы считают своей собственностью, с которой ни с кем не хотят делиться, новые результаты ни в открытую печать, ни во Всесоюзный Геолфонд, как было раньше, не поступают. Приходится довольствоваться только данными, собранными еще в советские времена.

Несомненно, работа была очень интенсивная, а мое участие в ней – довольно существенным. К сожалению, я на ней серьезно испортила зрение. Но, с другой стороны, эта буквально авральная работа, а также тесное общение с доброжелательными и надежными коллегами, помогали отключиться от личных переживаний.

С годами, понятно, боль утихла, но и жизненная активность заметно поубавилась. Тем не менее, как говорится, грех жаловаться. Интерес к жизни еще совсем не заглох, тем более, что у Юры с Леной появилась на свет моя третья внучка Алиса, которая как бы вдохнула новые жизненные силы в нашу большую семью.

Интересно смотреть, как постепенно крохотный несмышлениш превращается в очаровательную, ласковую, умненькую девочку, задающую порой такие вопросы, которые взрослых ставят в тупик. Так, прошлым летом на даче она, прыгая вокруг меня, вдруг спросила: «Бабушка, скажи прямо, ты веришь в бога? Да или нет?». А ведь ей еще нет шести лет. Растет интересный человечек. Правда я в ее становлении, к сожалению, принимаю мало участия.

Вероятно, в преклонном возрасте для человека становится более комфортно ощущение одиночества. Я по-прежнему с интересом встречаю весну, стремлюсь выбраться на природу, чтобы в побродить по лесам и лугам. Правда, теперь это уже не деревенские шири и дали, а довольно благоустроенное Кирилловское, куда, еще при жизни Игоря, наша умная-разумная дочь пыталась переселить родителей, а мы все как-то отбрыкивались.

Теперь я с умилением зимой вспоминаю, как на этой даче хорошо, как много белоствольных берез, какие чудесные садовые и полевые цветы, какие роскошные сосновые боры... А как хорошо осенью бродить по этим борам и искать такие картинно-пузатые белые с черной шляпкой, или бархатные подосиновики и подберезовики!

А разве плохо у нас в городе.... К сожалению, я уже давно не гуляла по невским набережным, но зато рядом с нашим домом – залив, туда можно, было бы желание, каждый день ходить гулять вместе с маленьким Патриком, моим песиком, с которым мы не расстаемся уже лет 12.

Правда, работать я закончила – вышла на «заслуженный отдых» в 81 год. Это не прибавило радости, хотя для собственного злорадного утешения могу отметить, что и само наше ВНИГРИ практически также заканчивает свое существование – даже помещение института на следующий 2019 год планируется снести, ибо территориально оно попало в зону строительства Восточного скоростного диаметра, нужного для города.

Ну что ж, за весь этот последний жизненный период (первый год без работы и уже около 12 лет без Игоря) у меня было достаточно времени, чтобы систематизировать воспоминания о такой долгой жизни, а наиболее яркие эпизоды занести в компьютер. Кроме того, именно теперь я почувствовала, что для человека главное – это его семья, которой я, к сожалению, именно из-за постоянной загруженности работой, уделяла маловато внимания.

Теперь я особенно четко понимаю, как мне, в отличие от моих ближайших предков, по жизни повезло. Мне посчастливилось родиться в хорошей, любящей семье, у меня была такая бабушка, у меня был такой муж, у меня такие дети, у меня такие внуки... А к весне 2019 года Натулька подарит мне правнучку, а Катюша, несомненно, определится по жизни, а маленькая Алиса впервые пойдет в школу.

Мне повезло, что судьбой была дарована возможность находиться в различных уголках нашей огромной страны, наслаждаться ее разнообразной природой, по ночам часами любоваться огромным звездным небом. Это помогло мне душой почувствовать свое единство именно с прелестью «застенчивой русской природы», получать удовольствие, любясь вместе с Игорем, закатами, просторами, лесами и лугами на нашем родном скромном северо-западе, проливать слезы радости от ощущения величия бытия (понимаю, что это звучит весьма высокопарно, но что поделаешь).

Конечно, я мало видела чужие страны, не сомневаюсь, что там более яркие и красивые пейзажи, но все же... Мне кажется, у меня в результате моих путешествий развилось обостренное чувство Родины, я даже теперь наполняюсь ощущением радости, вспоминая родные просторы и дали...

Продолжаю с огромным интересом следить за международными событиями. Как личную трагедию переживаю за Украину, в ненависти и пещерном национализме, на крови формирующей свое независимое, отдельное от России государство. С болью понимаю, что это единственный рациональный путь, способный нас разделить. И «о чем шумят народные витии (Запад)? Зачем анафемой грозят они России?».... Таким образом, сидя у телевизора, занимаю ярко выраженную ура-патриотическую позицию.

Однако вынуждена признать, что моих близких вопросы политики либо мало, либо вообще не интересуют, что меня, конечно, огорчает. Как Оля, так и Юра, вероятно считают, что у меня это возрастные завихрения. Поэтому своими представлениями о текущих событиях я могу делиться разве что с Патриком, иногда, когда повезет – с Катюшей, которая в силу своей природной доброты не хочет обижать бабушку и терпеливо выслушает мои излияния..

И все же, мне интересно, как все будет дальше, я буквально живу ожиданием перемен. В силу присущего мне легкомыслия полна позитива и остро чувствую, что я и мои дети – действительно одна семья (хотя все такие разные), и единством которой я больше всего на свете дорожу.

Иногда мне даже кажется, что я злоупотребляю вниманием близких. Они мне прощают мою сохранившуюся с молодых лет отстраненность от быта, погруженность в вопросы мироздания и политики, нередко квасной патриотизм, попытку анализировать происходящие в мире процессы. Мои дети трогательно заботятся обо мне. Моя внучка Катюша, с которой я сейчас живу, вынуждена терпеливо выслушивать мои вздыхания по поводу российско-украинских отношений, мои возмущения совершенно недопустимыми по взаимной грубости дебатами на эту тему, которые постоянно звучат на наших телевизионных каналах, а также обиду на бесконечные, в основном несправедливые, нападки Запада на нашу страну по любому поводу.

А по ночам, когда не спится, я мысленно пою старые песни и стихи, которые когда-то, да и теперь, трогают душу. Вспоминается некогда популярная песня «На маленьком плоту». И ведь действительно, «...мой (жизненный) плот, свитый из песен и снов, всем моим бедам назло, вовсе не так уж плох». На душе становится светло, верится, что все невзгоды как-то утрясутся, молодые поколения, такие умные, сильные, технически продвинутые, непохожие на нас, гармонично продолжают существование человеческой цивилизации, в которую и мои ровесники тоже внесли свою лепту... Должна признаться, что не взирая на существующие в мире антироссийские настроения, вспоминая прошлое, и не только свое, но и историческое, я все равно люблю мою Россию...

А вообще-то жить – это здорово, ведь это та случайность, которой, раз уж она выпала, надо дорожить. В мире так много красивого и интересного.

Итак, мои дорогие потомки! Доброго вам пути! Вперед и не вешайте нос ни при каких обстоятельствах! Жизнь продолжается! Ура!...

=====

Стихи Вали.

Для зеленых и пышных ветвей
неказистые корни нужны.
Берегите старых людей
От обид,, холодов, нужды.

За спиной у них долгий путь,
Все для них теперь тяжкий труд.
Постигается жизни суть
Но сказать о ней – не поймут.

Стали силы совсем не те,
Дней отчаянно мал запас.
Берегите старых людей
Без которых не было б вас...

—

На Соловецких островах
Порой дожди.
Не проклинай их впопыхах,
Надейся, жди.

И вдруг – просвет. Один, другой
Пробьется солнца луч,
Зальется небо синевой,
Как не бывало туч!

Озера искрятся до дна,
Целебный воздух чист,
Трава свежа и зелена
И вымыт каждый лист.

А там, в оттенках белизны,
Могучи и поныне
Еще отчетливей видны
Старинных стен твердыни.

Скорей, скорей вставай, иди,
В дорогу нам пора,
Пока не грянули дожди,
И холод, и ветра!

Все будет: сумерек краса,
Заката переливы,
И россыпь звезд на небесах
Невиданно красивых.

—

Я увидел тебя и увидев, постиг
Все, что в мире есть нашем живого.
Я твердил бы тебе, что люблю каждый миг,
Но я знаю – ты любишь другого.

Глядя в очи твои, внемля песням твоим,
Я шепнул бы заветное слово,
Но я знаю, что ты мне ответишь – «забудь»,
Потому, что ты любишь другого.

Я бы грезил тобой, и не спал бы ночей,
И от пенья бы я хорового,
Не сводил бы с тебя я влюбленных очей,
Но я знаю, ты любишь другого.

Рассвет наступает в десятом часу...
Я осени бремя покорно несу.
Хотя мне ни в чем уже радости нет,
Но этот период... он худший из бед.

Мне все неприятно – еда и питье,
И в зеркале тело. Мое?.. не мое...
И холод, и холод, на улице, дома –
Зимы наступающей злая основа...

Уехать куда-то? Подальше уплыть?...
Но нет, ведь повсюду **себя** мне носить.
Без отдыха надо таскать за спиной
Тот груз, что теперь называется *мной*.

Над низкой крышей серого ненастья
Сияет солнце яркое всегда,
И разливается от края и до края
голубизна.

Мне не взлететь уже, прошли те годы,
Мне доживать на самом черном дне.
Как хорошо, что это все же было,
И может быть, опять приснится мне...

—

Если б не падали звезды,
Чертя золотые следы,
Мы не заметили б ночью
Всей хрупкости красоты.

Если б носить эдельвейсы
Любимым в далекий дом –
Не были бы эдельвейсы
Легендарным цветком.
Если б мечты сбывались ,
Иначе б звались они.
Если б тебя любили,
Ты б не писала стихи...
Все разумно устроено,
Не может иначе быть...
Но огни поездов ушедших
Здорово б сохранить...